

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра государственного управления

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Материалы международного круглого стола

**Республика Беларусь
Минск, 29 сентября 2023 г.**

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2023

ISBN 978-985-881-515-8

© БГУ, 2023

УДК 351(06)
ББК 67.401я431

Редакционная коллегия:
кандидат политических наук, доцент *В. С. Михайловский* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский*;
старший преподаватель *Н. М. Шевко*

Рецензенты:
кандидат юридических наук, доцент *Л. Л. Голубева*;
кандидат юридических наук, доцент *Е. А. Свадковская*

Совершенствование механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства [Электронный ресурс] : материалы междунар. круглого стола, Респ. Беларусь, Минск, 29 сент. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), А. В. Шидловский, Н. М. Шевко. – Минск : БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-515-8.

В издании представлены материалы докладов ученых и молодых исследователей, посвященные различным аспектам государственного управления в условиях цифровизации общества и государства.

Ответственность за соблюдение авторского и иных прав, достоверность информации несут авторы.

Минимальные системные требования:
PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.
Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. С. Михайловский*

Подписано к использованию 27.09.2023. Объем 2,5 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борисовец В.В.</i> Совершенствование механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства	5
<i>Валюшко-Орса Н.В.</i> Правовые основы визовой политики Европейского Союза.....	10
<i>Василевич Г.А.</i> Цифровые технологии как средство повышения эффективности государственного управления	14
<i>Василевич С.Г.</i> О некоторых направлениях совершенствования законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации о воинской обязанности с учетом возможностей информационных технологий.....	21
<i>Винничек С.-В.В.</i> Информационная и социальная безопасность как составляющие концепции национальной безопасности Союзного государства	28
<i>Волковыцкий А.С.</i> О принципах деятельности государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь как основополагающего элемента ее конституционно-правового статуса	34
<i>Гатальский В.Р.</i> Государственное регулирование и стандартизация в области информационной безопасности	39
<i>Гусева Т.А.</i> Искусственный интеллект в государственном управлении	44
<i>Дерябин В.С.</i> Безопасность цифрового государства: защита информации и кибербезопасность в контексте государственного управления.....	48
<i>Клещенко С.А.</i> Юридические гарантии как механизмы реализации всеобщего избирательного права при проведении электронного голосования	52
<i>Козловская В.А.</i> Правовое регулирование цифровых технологий в Республике Беларусь в современных условиях и его связь с банковским правом.....	57
<i>Колосовская А.А.</i> Роль национального центра защиты персональных данных в совершенствовании механизма государственного управления.....	64
<i>Кононович Х.О.</i> Государственное регулирование венчурного инвестирования в Республике Беларусь	69
<i>Краснобаева Л.А.</i> К вопросу содержания административно-публичной деятельности по реализации публичных услуг	75
<i>Куницкая О.М.</i> Правовые условия осуществления венчурных инвестиций в Республике Беларусь	80
<i>Мазаник Е.Н., Шинкарук Д.А.</i> Правовое регулирование общественных отношений в условиях цифровизации в зарубежных странах.....	85
<i>Максименко Е.В.</i> Государственное регулирование строительной отрасли Республики Беларусь в условиях цифровизации	91
<i>Малаховский А.Р.</i> Нормативные и научные аспекты определения налоговой проверки	96
<i>Минич С.А.</i> Конституционно-правовой статус временного научного коллектива как субъекта научной деятельности	102
<i>Никитенко О.Г.</i> Цифровизация в Республике Беларусь: отдельные аспекты актуального состояния и перспективные направления развития	109
<i>Пилипенко А.А.</i> Отдельные аспекты доверительных отношений между государством и налогоплательщиками	114
<i>Пилипенко Ар.А.</i> Нормативное моделирование справедливости в налоговой сфере: проблемные вопросы	120
<i>Рагуев А.А.</i> Соблюдение принципов избирательного права в Республике Беларусь как инструмент обеспечения функционирования правового государства	127

<i>Садовский Д.Г.</i> Возможность реализации системы социального рейтинга в Республике Беларусь	132
<i>Сенькова Т.В.</i> Право на свободу объединений: к вопросу о содержании понятия..	142
<i>Скобелев В.П.</i> К вопросу о территориальных пределах компетенции судебных исполнителей	149
<i>Смолина С.В.</i> К вопросу о судопроизводстве по делам, возникающим из публично-правовых отношений	157
<i>Соловьёв П.В.</i> Электронные субъекты правовых отношений и цифровые права и обязанности как направление совершенствования механизма государственного управления	163
<i>Стрельцова А.И.</i> Институт ротации в Республике Беларусь и зарубежных Странах	169
<i>Телятицкая Т.В.</i> Цифровые технологии как инструмент совершенствования процессов административного принуждения	174
<i>Толочко О.Н.</i> Правовая природа и перспективы цифровой валюты центрального банка	181
<i>Хашковский Н.В.</i> Налоговое администрирование при трансферном ценообразовании в условиях цифровизации государственного управления	189
<i>Хотько О.А.</i> Правовые проблемы государственного управления в сфере обеспечения транспортной безопасности в контексте эксплуатации интеллектуальных транспортных систем	196
<i>Чернолевская А.А., Краснобаева Л.А.</i> Правовые основы цифрового развития в Республике Беларусь	203
<i>Чешко В.Ю.</i> Отдельные проблемы правового регулирования системы информационной безопасности	211
<i>Шариун В.А.</i> О некоторых вопросах применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности	217
<i>Шевко Н.М.</i> Правовые инструменты обеспечения безопасности цифровой среды для детей с инвалидностью в Европейском союзе	224
<i>Шляхтова О.Г.</i> Приоритетные направления обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь	232
<i>Шпаковская В.В.</i> Цифровой белорусский рубль как разновидность цифровой валюты	239
<i>Яковицкий Д.О.</i> Защита персональных данных в эпоху активного развития цифровых технологий	243
<i>Яковлев К.С.</i> К вопросу о мониторинге качества предоставления электронных услуг	249
<i>Яцко Т.П.</i> Направления цифровизации в деятельности таможенных органов Республики Беларусь	257

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В. В. Борисовец

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, brod.vika@bk.ru*

В статье исследуются особенности механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства. Обосновываются основные направления совершенствования государственного управления посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: государственное управление; цифровизация; электронное правительство; информационно-коммуникационные технологии.

THE IMPROVEMENT OF THE MECHANISM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF LEGAL INTEGRATION OF THE COUNTRIES

V. V. Borisovets

*Belarusian State University,
Leningradskaya st.8, 220030 Minsk, Belarus, brod.vika@bk.ru*

The article examines the features of the mechanism of public administration in the context of digitalization of society and the state. The main directions for improving public administration through the introduction of information and communication technologies are substantiated.

Keywords: public administration; digitalization; e-government; information and communication technologies.

В большинстве государств мира реализуется деятельность по практическому внедрению информационных технологий в работу органов государственного управления и осуществления административных процедур. Отмеченные аспекты находятся в приоритете и выступают составляющей построения современной цифровой национальной экономики и в Республике Беларусь. Цифровые технологии открывают широкие возможности для трансформации механизма государственного управления и способствуют обеспечению прозрачности в деятельности органов государственного управления.

Под цифровой трансформацией, как указывает К.А. Обушева, «понимается комплекс изменений в социуме, который сопряжен с внедрением и развитием цифровых технологий в государственном управлении» [1, с. 490].

Данное явление затрагивает все области государственного управления и дает возможность сформировать «позитивные» условия для получения физическими и юридическими лицами доступа ко всем необходимым правовым сведениям и правовым средствам. Наравне с изменением управленческих отношений претерпевают существенную трансформацию и правовые нормы, вызывая за собой объективную необходимость переосмысления феномена цифровизации, не только как процесса применения новых технологий, но и признания цифровизации в качестве основополагающего принципа деятельности государственных органов.

Как отмечает Е.В. Трейтьякова: «для создания и развития государства в качестве «цифровой платформы» требуются существенные изменения в механизме государственного управления, а именно: перевод оказания всех разновидностей государственных услуг и исполнения иных функций органов государственного управления в электронный формат с системой удаленной биометрической идентификации; функционирование общей государственной цифровой платформы, основывающейся на общем массиве и формации» [2, с. 78].

Вопросы совершенствования новых форм и метод реализации государственных услуг, повышение эффективности государственного управления нашли отражение в трудах белорусских ученых [3;4;5]. В частности, Л.А. Краснобаева отмечает, что «для успешной цифровизации государственных услуг следует руководствоваться наличием единой защищенной сети государственных органов, обеспечивающей информационное взаимодействие всех уровней; централизацией поддержки и сопровождения государственных информационных систем с использованием облачных технологий; созданием правовых условий для удовлетворения информационных потребностей всех категорий потребителей» [6, с.25].

Г.А. Василевич подчеркивает, что «революционное воздействие информационно-коммуникационных технологий касается государственных структур и институтов гражданского общества, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и образа жизни людей. Движение по пути развития информационного общества сегодня стало вектором современной жизни» [5, с.32].

Осуществляя анализ этапов развития цифровых отношений, М.С. Абламейко констатирует то, что: «Республика Беларусь постепенно перешла к этапу взаимодействия населения и государства посредством применения информационно – коммуникационных технологий» [6]. Бла-

годаря реализации указанных нововведений, как подчеркивает М.В. Андрияшко: «Республика Беларусь улучшила собственные позиции по индексу доступа к информационно-коммуникационным технологиям в области государственного управления среди 132 стран мира и поднялась с 36 на 16 место» [7, с. 28].

Несмотря на отсутствие единого законодательного акта в области цифровизации, в Директиве Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» предусмотрены меры по стимуляции населения к обращению за реализацией административных услуг в электронной форме. Декретом Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 года созданы беспрецедентные условия для развития ИТ-отрасли и цифровой экономики. Закон Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 17-З «Об основах административных процедур» предусмотрел порядок реализации физическим и юридическим лицам административных процедур в электронном виде посредством Единого портала электронных услуг (далее – ЕПЭУ), который выступает в качестве подсистемы общегосударственной автоматизированной информационной системы (далее – ОАИС). В целях реализации организационно-технологических мер по формированию необходимых условий Советом Министров Республики Беларусь утверждены Положения «О порядке взаимодействия уполномоченного органа с оператором ОАИС, государственными органами и иными организациями при осуществлении административных процедур в электронной форме через ЕПЭУ» и Положение «О порядке получения уникального идентификатора» (см. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 августа 2017 г. № 637 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «Об основах административных процедур»)).

Существенный вклад в развитие цифровых отношений привнес Указ Президента Республики Беларусь от 25 июня 2021 г. № 240 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования», посредством которого внедрена система регламентации административных процедур в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также провозглашен принцип максимального использования информационных технологий в ходе реализации административных процедур, в т.ч. посредством их перевода в электронный вид.

Таким образом, в Республике Беларусь активным образом реализуется процесс цифровизации механизма государственного управления,

для чего создана достаточно разнообразная нормативная правовая база. Однако, в правовой доктрине отсутствует всесторонняя оценка положений законодательства, регулирующих вопросы цифровизации государственного управления, что существенным образом сдерживает их последующее развитие.

Если обратиться к опыту Российской Федерации, то в июле 2023 года Президент России подписал закон, предусматривающий создание с 1 января 2024 года Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере. Платформа представляет собой федеральную государственную информационную систему, в которой содержатся сведения о получателях мер социальной защиты (поддержки), в том числе социальных услуг, иных социальных гарантий, выплат и пенсионного обеспечения, а также сведения о мероприятиях по реабилитации (абилитации) инвалидов, детей-инвалидов и граждан, пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Подписание подобного рода акта свидетельствует о необходимости упорядочивания норм в области цифровизации. Согласимся с мнением Е.Н. Коваленко, что «актуальным видятся подготовка и принятие нового законодательного акта – Закона Республики Беларусь «О цифровизации». Данным документом на основании уже существующих норм Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» будет обеспечено комплексное правовое регулирование соответствующих отношений» [9].

Библиографические ссылки

1. Обушева, К. А. Цифровая трансформация государственного управления // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 490-493.
2. Трейтъякова, Е.В. Цифровое развитие Республики Беларусь: проблемы и перспективы // Вестник УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого». 2022. № 3. С. 78-85
3. Краснобаева, Л.А. Цифровые услуги и цифровая трансформация образовательного процесса // Проблемы цифровизации государственного управления: Республика Беларусь и зарубежный опыт [Электронный ресурс] : материалы междунар. круглого стола, Минск, 15 октября 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Л. А. Краснобаева, А. В. Шидловский. Минск : БГУ, 2022. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Краснобаева, Л.А. Правовое регулирование государственных услуг как неотъемлемая часть законодательства о государственном управлении: теория и практика // Юстиция Беларуси. 2022. №1. С. 56-72.
5. Право и управление общественными процессами в цифровой экономике»: монография / кол.авторов; под общей ред. А.Ю.Рожковой. Москва, РУСАЙНС, 2023. С. 150.

6. Василевич, Г. А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32-35.

7. Абламейко, М. С. Этапы становления и перспективы развития электронного государства Республики Беларусь // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

8. Андрияшко, М.В. Электронное правительство в Республике Беларусь и доступность цифровой среды для лиц с инвалидностью // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 28-35.

9. Коваленко, Е.И. Законодательное закрепление цифровизации в сфере государственного управления: современное состояние и перспективы развития // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВИЗОВОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н. В. Валюшко-Орса

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, natallia_v@inbox.ru*

В статье рассматриваются правовые основы визовой политики Европейского Союза. Делается акцент на визовую информационную систему. Отмечается, что цель данной системы заключается, в том числе, в улучшении реализации общей визовой политики Европейского Союза.

Ключевые слова: визовая политика; Европейский Союз; Шенгенская зона; Визовая информационная система.

LEGAL BASIS OF THE EUROPEAN UNION VISA POLICY

N. V. Valiushko-Orsa

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, natallia_v@inbox.ru*

The article discusses the legal basis of the visa policy of the European Union. Emphasis is placed on the visa information system. It is noted that the purpose of this system is, among other things, to improve the implementation of the common visa policy of the European Union.

Keywords: visa policy; European Union; Schengen Area; Visa Information System.

Визовая политика Европейского Союза является частью политики в сфере пространства свободы, безопасности и правосудия.

Согласно параграфу 1 статьи 77 Договора о функционировании Европейского Союза данное межгосударственное образование развивает политику, которая стремится обеспечить отсутствие любого контроля в отношении лиц независимо от их национального гражданства при пересечении ими внутренних границ, а также обеспечить проведение контроля в отношении лиц и эффективное наблюдение при пересечении внешних границ. Речь также идет о постепенном введении в действие интегрированной системы управления внешними границами [1].

Основные положения визовой политики Европейского Союза закреплены в Регламенте № 810/2009 от 13 июля 2009 г., устанавливающе-

го Кодекс Сообщества о визах (Визовый кодекс) (далее – Регламент № 810/2009).

Согласно Регламенту № 810/2009 визовая политика, является частью многоуровневой системы, призванной способствовать поездкам, совершаемым на законных основаниях, и противодействовать нелегальной иммиграции путем все большей гармонизации национальных законодательств и условий выдачи виз в консульских представительствах на местах [2].

Регламент № 810/2009 обладает прямым действием и имеет юридически обязательную силу для всей Шенгенской зоны, которая охватывает как государства-члены Европейского Союза, так и некоторые ассоциированные государства (Исландию, Лихтенштейн, Норвегию, Швейцарию).

Следует отметить, что в Шенгенскую зону не входят такие государства-члены Европейского Союза как Болгария, Кипр, Румыния и Ирландия.

Важно обратить внимание на то, что в Европейском Союзе создана Визовая информационная система. Согласно ст. 2 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 767/2008 от 9 июля 2008 г. о Визовой информационной системе и об обмене данными между государствами-членами по визам для краткосрочного пребывания (далее – Регламент № 767/2008) цель Визовой информационной системы заключается в улучшении реализации общей визовой политики, консульского сотрудничества и взаимодействия между центральными визовыми органами путем облегчения обмена данными между государствами-членами Европейского Союза по заявлениям и сопутствующим решениям, для того чтобы:

- облегчить процедуру оформления визы;
- облегчить проверки в пунктах пересечения внешних границ и на территории государств-членов;
- способствовать предотвращению угроз внутренней безопасности любого из государств-членов и др. [3]

В целом, Визовая информационная система позволяет пограничникам проверять, что лицо, предъявившее визу, является ее законным владельцем. Названная система позволяет идентифицировать лиц, находящихся на территории Шенгенской зоны без документов или с поддельными документами [4].

Следует отметить, что при обращении за визой, лицо проходит дактилоскопирование и, в том числе, делает цифровую фотографию. Эти биометрические данные вместе с данными, указанными в визовой анкете, записываются в защищенную центральную базу данных. Такого рода биометрическая технология позволяет обнаруживать лиц, использующих

проездные документы другого лица, и, в общей сложности, защищает человека от кражи личных данных [4].

Однако, обратим внимание на то, что согласно ст. 13 Регламента № 810/2009 от сдачи отпечатков пальцев освобождаются:

- дети до 12 лет;
- лица, для которых снятие отпечатков пальцев физически невозможно в силу инвалидности и (или) временной нетрудоспособности (если невозможность сдачи отпечатков пальцев является временной, то ходатайствующее лицо обязано предоставить свои отпечатки пальцев при подаче следующего ходатайства);
- главы государств или правительств и члены национальных правительств вместе с сопровождающими их супругами, а также члены их официальной делегации, когда они приглашены правительствами государств-членов или международными организациями с официальной целью;
- монархи и другие высокопоставленные члены королевской семьи, когда они приглашены правительствами государств-членов или международными организациями с официальной целью [2].

Следует отметить, что данные в Визовой информационной системе хранятся в течение пяти лет (ст. 23 Регламента № 767/2008) [3] и только ответственное государство-член имеет право вносить изменения в данные, которые оно передало в Визовую информационную систему, путем исправления или удаления таких данных (ст. 24 Регламента № 767/2008) [3].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, в целом, визовая политика Европейского Союза направлена, в первую очередь, на укрепление внешних границ, что является несомненно важным для обеспечения безопасности любого государства.

По нашему мнению, опыт Европейского Союза, в части создания Визовой информационной системы, может быть применен на уровне Евразийского экономического союза, что, в свою очередь, повысит безопасность на его внешних границах.

Библиографические ссылки

1. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // EUR-Lex. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT>. Date of access: 29.03.2023.

2. Regulation (EC) № 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code) [Electronic resource] //

EUR-Lex. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32009R0810>. Date of access: 29.03.2023.

3. Regulation (EC) № 767/2008 of the European Parliament and of the Council of 9 July 2008 concerning the Visa Information System (VIS) and the exchange of data between Member States on short-stay visas (VIS Regulation) [Electronic resource] // EUR-Lex. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32008R0767>. Date of access: 08.09.2023.

4. Visa Information System (VIS) [Electronic resource] // An official website of the European Union. Mode of access: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen-borders-and-visa/visa-information-system_en. Date of access: 08.09.2023.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Г. А. Василевич

*Белорусский государственный университет
ул. Ленинградская 8, 220030, Беларусь, belrus@bsu.by*

В статье обращается внимание на некоторые существующие тенденции в развитии общественных отношений в области государственного управления условиях цифровизации. ИКТ способствуют совершенствованию государственного и общественного контроля, в том числе мониторингу за деятельностью организаций. Отмечается позитивность того обстоятельства, что цифровые технологии содействуют доступности оказания государством услуг, прозрачность принятия решений и ведения бизнеса. Внедрение информационно-коммуникационных технологий должно быть разумным, полезным для общества, учитывать существующие и предполагаемые угрозы.

Ключевые слова: информационные технологии; государственное управление.

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION

G. A. Vasilevich

*Belarusian State University
Leningradskaya str. 8, 220030, Belarus, belrus@bsu.by*

The article draws attention to some existing trends in the development of public relations in the field of public administration in the conditions of digitalization. ICTs contribute to the improvement of state and public control, including monitoring of the activities of organizations. The positivity of the fact that digital technologies contribute to the availability of government services, transparency of decision-making and business conduct is noted. The introduction of information and communication technologies should be reasonable, useful for society, take into account existing and perceived threats.

Keywords: information technology; public administration.

Цифровые технологии расширяют содержание отношений между государством и гражданами, влияют на их характер, наполняют новым качеством права и обязанности граждан. Есть несколько направлений, в которых более активно будет происходить и происходит цифровая транс-

формация, влияющая на правовое пространство, а именно: сфера публичной власти, где выделяется технико-управляющее содержание деятельности органов государственной власти. Происходит оптимизация государственных функций, в частности, в сфере законотворчества, правоприменения, включая процессуальное законодательство.

Цифровые технологии могут существенно повысить качество правоприменения в органах исполнительной и судебной власти, а значит сделает реализацию и защиту прав и свобод более динамичной. Расширение алгоритмизации всех решений на республиканском и местном уровнях важно для оперативности принятия решений. Концепции умного города, умного государства, умного правительства нацелены на создание благоприятной среды для человека. Автоматизация систем (электронные табло, очереди и кассы, цифровые истории болезни, датчики дыма, управление сервисами с помощью смартфонов, и т.п.) стала обыденным явлением. Обеспечивается эффективное использование городской инфраструктуры (свободные дороги, быстрый транспорт, оперативные коммунальные услуги, доступный интернет, удобные парковки).

ИКТ способствуют совершенствованию государственного и общественного контроля, в том числе мониторингу за деятельностью организаций, от которых могут пострадать люди. Интенсивное развитие информационного общества обуславливает и тот факт, что особенно в кризисных ситуациях возрастает роль использования цифровизации. Например, в Российской Федерации существует федеральный проект «Цифровые технологии», имеется Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», которые имеют целью обеспечение бесперебойной эксплуатации созданной инфраструктуры, скоординированность проводимых работ в указанной сфере и др. «Автоматизируются многие системы (электронные табло, цифровые истории болезни, управление сервисами с помощью смартфонов и т.п.). ИКТ обеспечивают выработку алгоритма действий для эффективного использования городской инфраструктуры (управление транспортными потоками, определение мест парковки и др.). Благодаря ИКТ могут быть определены системные меры по осуществлению государственного и общественного контроля, включая мониторинг за деятельностью организаций.

В научной литературе обращается внимание на «коллаборативное управление» как проявление электронной демократии: благодаря информационным технологиям существенно расширяются возможности граждан в принятии государственных решений. Такое управление позволяет использовать энергию людей в конструктивном русле.

Цифровые технологии содействуют доступности оказания государством услуг, прозрачность принятия решений и ведения бизнеса [1, с.175], а также работы с обращениями граждан. Среди новшеств можно в качестве примера привести изменения и дополнения Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» 18 июля 2011 г. № 300-З, осуществленные Законом от 28.06.2022 № 176-З. Так, согласно Закону предусмотрено функционирование государственной единой (интегрированной) республиканской информационной система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц (далее - система учета и обработки обращений). Она предназначена для подачи в государственные органы и иные государственные организации электронных обращений и получения ответов (уведомлений) на них, а также для обработки электронных обращений, ответов (уведомлений) на них, электронных копий письменных обращений, электронных копий ответов (уведомлений) на письменные обращения, иной информации о рассмотрении обращений, об оставлении обращений без рассмотрения по существу. В развитие данного Закона Совет Министров Республики Беларусь постановлением от 30 декабря 2022 г. № 986 «О системе учета и обработки обращений» утвердил Положение о порядке функционирования государственной единой (интегрированной) республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц (прилагается). Положением определен порядок функционирования системы учета и обработки обращений, включая порядок внесения в нее государственными организациями информации, порядок предоставления государственным организациям, заявителям информации из системы учета и обработки обращений, порядок идентификации (авторизации) в ней государственных организаций, заявителей.

Система учета и обработки обращений обеспечивает:

идентификацию, аутентификацию и авторизацию пользователей системы учета и обработки обращений;

возможность подачи заявителями электронных обращений в государственные организации;

формирование личных электронных кабинетов пользователей системы учета и обработки обращений;

формирование уникального номера обращения при поступлении электронного обращения в систему учета и обработки обращений, регистрации в ней письменных и устных обращений;

централизованный учет и хранение электронных и письменных обращений, поступивших в государственные организации, ответов (уведомлений) на них, иной информации о рассмотрении обращений, об оставлении обращений без рассмотрения по существу;

автоматизацию процессов рассмотрения электронных, письменных и устных обращений в государственных организациях;

осуществление контроля за рассмотрением электронных, письменных и устных обращений в государственных организациях;

формирование отчетности по обращениям;

направление заявителям ответов (уведомлений) на электронные обращения, информирование заявителей о статусе рассмотрения электронных обращений;

информационное взаимодействие с ведомственными системами электронного документооборота государственных организаций.

Можно отметить большое позитивное значение создания указанной системы учета и обработки обращений, которые размещаются на ресурсах республиканского центра обработки данных и (или) республиканской платформы. Вместе с тем, в Положении практически не уделено пристального внимания анализу содержания обращений, анализу причин, определению направлений разрешения возникающих жалоб. В п.16 Положения Совет Министров ограничился указанием на то, чтобы для осуществления анализа работы с обращениями государственными организациями в систему учета и обработки обращений вносились сведения о графике рабочего времени, подчиненных (входящих в состав, систему) государственных организациях, обособленных подразделениях в соответствии с регламентом. Однако не указано даже о периодичности анализа, ответственных за эту работы, не определен координирующий орган. На наш взгляд, общую координацию могли бы осуществлять министерства связи и информатизации и юстиции.

Обратим внимание на содержание ст.25-1 Закона «Об обращениях граждан и юридических лиц», в которой отражены особенности рассмотрения обращений, носящих массовый характер, однако и в ней не предусмотрено осуществления анализа причин обращений. Так, если поступающие письменные и (или) электронные обращения аналогичного содержания от разных заявителей носят массовый характер (более десяти обращений), ответы на такие обращения по решению руководителя организации либо лица, уполномоченного им подписывать в установленном порядке ответы на обращения, могут размещаться на официальном сайте организации в глобальной компьютерной сети Интернет без направления ответов (уведомлений) заявителям. После размещения на официальном сайте организации в глобальной компьютерной сети Интернет указанной информации последующие письменные и (или) электронные обращения аналогичного содержания не подлежат рассмотрению и ответы (уведомления) на них заявителям не направляются.

Процесс гиперавтоматизации в государственном секторе очевиден в банковской и налоговой сферах: может осуществляться автоматическое начисление налогов; автоматизация в банковской сфере позволяет существенно сокращать персонал. Полагаем, давно назревшим является решение о создании программного обеспечения по автоматизированному рассмотрению административных налоговых правонарушений, а также административных правонарушений в области безопасности дорожного движения, где правовое регулирование отношений наиболее формализовано. При необходимости гражданин (юридическое лицо) могут обжаловать вынесенное судебное постановление судье как физическому лицу.

В 2005 г. автором было высказано предположение, что в перспективе отдельные административные дела, например, в области нарушения правил дорожного движения, будут рассматриваться на основе разработанной компьютерной программы. В этом случае меньше было бы злоупотреблений [2, с. 12].

Определенные элементы уже внедрены при фиксации нарушений скоростного режима и привлечении к административной ответственности. В настоящее время, полагаем, следует уже предпринимать меры по возможному рассмотрению с использованием искусственного интеллекта дел о таможенных, налоговых правонарушениях.

В зависимости от политико-экономической системы выделяют две основные модели взаимоотношений в триаде – государство, общество, человек: 1) патерналистский тип отношений, где доминирует государство и 2) преобладание человека как высшей социальной ценности [8, с.17]; для этой модели характерно гипертрофирование прав и свобод, явное снижение внимания к необходимости исполнения обязанностей, к поиску баланса между частными и публичными интересами, общественным порядком и свободой индивидуума.

В связи с этим нам импонирует позиция тех исследователей, которые считают важным взаимодействие государства и индивидуума на принципах солидарности, то есть проявления заботы каждого и государства друг о друге, а также субсидиарности, что проявляется в оказании адресной помощи тем, кто не может по объективным причинам конкурировать на рынке труда, в общественной жизни с иными лицами; при этом важно исключить стимулирование иждивенческих настроений [3]. Анализируя указанные модели О.В. Тиханычев, обращает внимание на то, что фиксация системы отношений между государством и человеком на основе одинаковых принципов является источником существующих проблем, возникновения внутренних конфликтов [4, с.15]. Этот автор не поясняет, почему им сделан вывод о появлении внутренних конфликтов, когда отношения выстраиваются на основе одинаковых принципов. Пола-

гаем, что такой вывод ошибочен: принципы могут служить как для универсализации отношений, так и их дифференциации в зависимости от характера общественных отношений, их содержания и субъектов, в них участвующих. Но верен иной вывод о том, что в информационную эпоху появились сегрегационные механизмы, которые способствуют выстраиванию качественно новой модели отношений «гражданин–государство». Благодаря этому появляется больше возможностей для индивидуального учёта потребностей и возможностей каждого [4, с.15].

На наш взгляд, некоторые предложения, выдвигаемые в информационной сфере, преподносятся в упрощенном виде: выполнить следующие этапы – «осознать наличие проблемы и детально сформулировать её; создать (доработать) технологическую основу «цифрового государства»; законодательно выстроить (уточнить) систему отношений; наладить автоматизированную систему управления и контроля; обеспечить мониторинг состояния реализуемых мер и совершенствовать систему по мере необходимости. Выполнение этих этапов потребует времени и затрат, в первую очередь – организационных» [4, с.21]. Однако главное, на наш взгляд, не в технической и организационной составляющих, а в подготовке общественного мнения, осознанной готовности граждан к новым требованиям и оценкам. В ином случае это может привести к внутреннему недовольству людей, которым не смогли объяснить все преимущества предлагаемой модели отношений между государством, обществом и отдельными гражданами.

В литературе выделяется несколько направлений развития цифрового государственного управления. Среди них называют персонализацию (предложение решений на основе анализа цифрового портрета гражданина), омниканальность (получение государственных услуг, используя разносторонние способы – непосредственно в информационном центре, на сайте, по телефону и др.) [5, с. 580 – 581]. Информационные технологии помогают «рационализировать» систему управления, субъектами которой являются государство, общество и гражданин. Согласимся с мнением Тиханычева, что современные информационные технологии (Big Data, интерактивные распределённые сервисы и другие), создают условия для «настройки системы под каждого человека». При этом автор ссылается на реализуемую в настоящее время в КНР программу Социального кредита гражданина [4, с.20–21].

Внедрение информационно-коммуникационных технологий должно быть разумным, полезным для общества, учитывать существующие и предполагаемые угрозы. Их использование должно исключать цифровую дискриминацию, неравенство и манипуляции человеком посредством внедрения систем скоринга и таргетинга, утечку данных о гражданах-

пользователях соответствующего сервиса или сведения о которых находятся в каком-либо реестре, обеспечивать приватность, ментальную самостоятельность человека. Тем более опасность составляют ситуации, когда сведения. Составляющие государственную тайну, становятся общим достоянием.

Библиографические ссылки

1. Макаров В.В., Слуцкий М.Г., Устриков Н.К. Проблемы и задачи цифровой трансформации экономики России // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. Vol. 4-1 (43). С. 174– 177.
2. Василевич, Г. А. Проблемы правовой информатизации. В кн.: Информационные технологии в Республике Беларусь. 2005. №2. С. 6–12.
3. См.Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. Перевод с фр. А. Б. Гофмана. С. 432.
4. Тиханычев О. В. О трансформации системы отношений «гражданин – государство» в условиях информационного общества // *Тренды и управление*. 2019. № 3. С. 15–24.
5. Измайлова М.А. Цифровая трансформация и социальная ответственность: прагматизм или поиск баланса // *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022. № 13(4). С. 575–591.

**О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ
С УЧЕТОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

С. Г. Василевич

*Белорусский государственный университет
ул. Ленинградская 8, 220030, Беларусь, belrus@bsu.by*

В статье анализируется законодательство и правоприменительная практика в области обеспечения надлежащего исполнения конституционной обязанности по защите Отечества. В условиях развития информационно-коммуникационных технологий они все более проникают в военную сферу, обеспечивается точность применения вооружения, его мобильность. Объективно изменяется темп и быстрота реагирования на возникающую угрозу военной агрессии. Опыт показывает, что назрела необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о воинской обязанности, об обороне, о мобилизации. Это касается не только организационных вопросов, но и некоторых иных, связанных с ответственностью, в том числе моральной.

Ключевые слова: защита Отечества; воинская обязанность; военная служба.

**ON SOME DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION
ON MILITARY DUTY, TAKING INTO ACCOUNT
THE POSSIBILITIES OF INFORMATION TECHNOLOGIES**

S. G. Vasilevich

*Belarusian State University
Leningradskaya str. 8, 220030, Belarus, belrus@bsu.by*

The article analyzes the legislation and law enforcement practice in the field of ensuring proper fulfillment of the constitutional duty to protect the Fatherland. In the conditions of development of information and communication technologies, they are increasingly penetrating into the military sphere, the accuracy of the use of weapons, their mobility is ensured. The pace and speed of response to the emerging threat of military aggression is objectively changing. Experience shows that there is a need for further improvement of legislation on military duty, on defence and on mobilization. This concerns not only organizational issues, but other issues related to responsibility, including moral.

Key words: defense of the Fatherland; military duty; military service.

Одной из конституционных обязанностей гражданина является защита Отечества. Указанная обязанность закреплена соответственно в статьях 59 и 57 российской и белорусской конституций. Без надлежащего выполнения этой обязанности суверенитет государства, его территориальная целостность, независимость могут оказаться под угрозой утраты.

Выполняя эту юридическую обязанность, которая также подкрепляется предусмотренным в ст. 59 Конституции Российской Федерации таким моральным императивом как долг (в Республике Беларусь защита Республики Беларусь рассматривается еще и как священный долг), граждане обеспечивают не только настоящее, но и будущее своих поколений.

В наших государствах всегда была престижной профессия военнослужащего, в почете была роль защитника Отечества. Прошедшие 78 лет со дня Великой Победы над фашизмом позволили нашим народам мирно трудиться, развивать экономику, социальную сферу.

В соответствии с новой редакцией ст. 18 Конституции Республики Беларусь, принятой в результате республиканского референдума, прошедшего 27 февраля 2022 года, Республика Беларусь исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств. Однако, на наш взгляд, это не исключает применение Вооруженных сил в случае угрозы со стороны иных государств.

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий они все более проникают в военную сферу, обеспечивается точность применения вооружения, его мобильность. Объективно изменяется темп и быстрота реагирования на возникающую угрозу военной агрессии. Это касается не только призыва на срочную службу в спокойный период жизни государства и общества, но и когда возникает необходимость привлечь дополнительные людские ресурсы, например в период частичной мобилизации. Опыт показывает, что назрела необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о воинской обязанности, об обороне, о мобилизации. Это касается не только организационных вопросов, но и некоторых иных, связанных с ответственностью, в том числе моральной. Так, обращается внимание на необходимость безукоризненного выполнения требования военнообязанным о сообщении в военкомат актуальных данных [1], на отсутствие в Уголовном кодексе ответственности за уклонение от военной службы по призыву по мобилизации при отсутствии отсрочки [2].

На наш взгляд, рассмотрение положений ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи со ст. 1 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе», в которой идет речь

также о призыве на военную службу по мобилизации, в период военного положения и в военное время, исключают необходимость редактирования ст.328 УК РФ поскольку под ее действие подпадает уклонение от военной службы в период мобилизации. Проблема в большей степени в формальном аспекте – необходимости вручить повестку.

Конечно, на призывников нельзя возлагать не предусмотренные законом обременения, что подтверждается и судебной практикой. На это обращено внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 23.12.2010) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» [3], а также в Определении Конституционного Суда РФ от 09.07.2020 № 1644-О «По жалобе гражданина Суворова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 13 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» [4].

Подчеркнем, что много приходится нести затрат в связи с поиском военнообязанных для призыва на срочную воинскую службу, для призыва по мобилизации. Отвлекаются от более важной работы сотрудники военных комиссариатов, правоохранительных органов, представители местной власти. Сохраняется сложившийся стереотип, закрепленный в прежние годы в законодательстве и на практике, согласно которому призывнику обязательно следует вручить повестку в письменном виде. Это приводит к тому, что часть молодых людей превращается в «уклонистов» от военной службы, мотивируя свое неприбытие в военкомат тем, что повестку они не получали. Происходит своего рода игра «в догонялки», когда гражданам известно о принятом решении по призыву или частичной мобилизации, но их приходится разыскивать на границах с соседними государствами или в месте жительства, устраивая так называемые «облавы», что вызывает негативную реакцию, особенно у тех, кто не подлежит призыву.

На наш взгляд, в век информационных технологий, новой правовой культуры подходы по вызову в военкомат надо менять. Можно учитывать, что никто не вручает предпринимателям или гражданам повестку (извещение) о том, что надо платить налоги, соблюдать Конституцию, законы, охранять окружающую среду и т.д.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022) в целях обеспечения воинского учета граждане обязаны состоять на воинском учете в военном комиссариате (для отдельных категорий граждан установлен особый порядок состояния на

учете); явиться в указанные в повестке военного комиссариата время и место либо по вызову местной администрации соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющей первичный воинский учет; при исключении их из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы в запас Вооруженных Сил Российской Федерации, освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы, получении гражданином женского пола военно-учетной специальности, приобретении гражданства Российской Федерации (для граждан, подлежащих постановке на воинский учет) явиться в двухнедельный срок со дня наступления указанных событий в военный комиссариат для постановки на воинский учет; сообщить в двухнедельный срок в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет, об изменении семейного положения, образования, места работы (учебы) или должности; явиться в двухнедельный срок в военный комиссариат для постановки на воинский учет, снятия с воинского учета и внесения изменений в документы воинского учета при переезде на новое место жительства и (или) место пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, либо выезде из Российской Федерации на срок более шести месяцев или въезде в Российскую Федерацию и др. Граждане, подлежащие призыву на военную службу, выезжающие в период проведения призыва на срок более трех месяцев с места жительства и (или) места пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, должны лично сообщить об этом в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет.

В развитие указанных норм Правительством Российской Федерации постановлением от 27 ноября 2006 года №719 утверждено Положение о воинском учете.

Ранее в п. 50 Положения №719 было предусмотрена обязанность граждан сообщать в 2-недельный срок в военный комиссариат или иной орган, осуществляющий воинский учет, по месту жительства об изменении сведений о состоянии здоровья (получении инвалидности). В последующем эта норма Положения была признана недействующей решением Верховного Суда РФ от 31.07.2013 № АКПИ13-558 в части, устанавливающей эту обязанность на граждан, подлежащих воинскому учету. Действительно, согласно п. 7 ст. 4 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» обязанность в двухнедельный срок сообщать в военные комиссариаты сведения о признании инвалидами

граждан, состоящих на воинском учете или не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете возложена на Федеральные учреждения медико-социальной экспертизы.

В Законе Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» установлен более краткий для информирования военкомата о произошедших изменениях: об изменении своего семейного положения, образования, места работы (учебы), места жительства в пределах административно-территориальной единицы или места пребывания следует сообщать в недельный срок.

По белорусскому закону при переезде на новое место жительства в пределах Республики Беларусь военнообязанный должен стать на воинский учет по новому месту жительства в месячный срок; при выезде за границу на срок более шести месяцев лично прибыть в военный комиссариат (обособленное подразделение) по месту жительства (ст.18 Закона). Полагаем, что такого рода сроки следует сократить до одной недели.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 1662 утверждено «Положения о воинском учете». Согласно п. 12 Положения по выздоровлении после получения увечья или перенесенных заболеваний, повлекших утрату трудоспособности, в месячный срок подать в военный комиссариат (обособленное подразделение) или местный орган власти, ведущий воинский учет по месту жительства, заявление о проведении медицинского освидетельствования для определения категории годности к военной службе (службе в резерве) по состоянию здоровья.

Как видим, законодательство предусматривает ряд требований, возлагаемых на военнообязанных в связи с реализацией конституционной обязанности по защите Республики Беларусь.

Много зависит от добросовестного исполнения обязанностей. Имелись случаи, выезд мужчин, несмотря даже на наличие повестки из военкомата, за границу. Необходим оперативный учет выезжающих за рубеж призывников, оценка длительности пребывания за границей с учетом необходимости выполнения ими воинского долга. Не исключали бы и использование в отношении их предостережения о недопустимости нарушения с их стороны законодательства о воинской службе, информирование об их обязанности своевременно интересоваться появлением указа Главы государства об очередном призыве на срочную воинскую службу и необходимости прибыть в военный комиссариат по месту их воинского учета. В век информационных технологий принятие упреждающих мер не составит труда.

То есть, как видим, выявлен ряд проблем, которые требуют решения. Следует работу с призывниками сделать более рациональной без

ущерба для их информирования о необходимости выполнения воинской обязанности. Как известно, первоначальный прием на воинский учет граждан мужского пола в год достижения ими 16-летнего возраста осуществляется при проведении их приписки к призывным участкам. Приписки граждан к призывным участкам проводится ежегодно в январе - апреле по их месту жительства.

Полагаем, что было бы правильно уже с момента приписки к призывным участкам разъяснять молодым людям, что они после издания указа Главы государства об очередном призыве на воинскую службу обязаны явиться в военкомат в порядке, установленном Министерством обороны, для решения всех вопросов, связанных с призывом. Конечно, эти акты подлежат своевременному опубликованию (обнародованию). Подобную норму следует предусмотреть в Законе «О воинской обязанности и воинской службе» и принятых в его исполнение подзаконных актах. Следует продумать организацию (очередность) приема в военных комиссариатах таких лиц, установив конкретные дни и места, куда надо явиться [5, с.13]. Не исключаем рассылки извещений путем СМС, что уже практикуется в работе судов Республики Беларусь.

Второе, на что обратим внимание, это информирование военных комиссариатов о состоянии здоровья призывника. Действительно, такая обязанность должна касаться медицинских учреждений. В соответствии с п.7 ст.5 Закона «О воинской обязанности и военной службе» федеральные учреждения медико-социальной экспертизы обязаны в двухнедельный срок сообщать в военные комиссариаты сведения о признании инвалидами граждан, состоящих на воинском учете или не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете.

Однако речь также должна идти не только об установлении инвалидности, но и о других заболеваниях, которые являются препятствием для призыва на воинскую службу. Здесь должны быть и обязанности у граждан. В частности, они обязаны заблаговременно сообщать в военные комиссариаты о том, что находятся в медицинском учреждении на плановом лечении (операции). Это необходимо делать, если нахождение в медицинском учреждении предполагается более одной недели.

Отметим целесообразность сокращения предусмотренного в ст. 10 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» и в Положении №719 до недели срока, в течение которого гражданин обязан сообщить в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет, об изменении семейного положения, образования, места работы (учебы) и представлении иных сведений.

Таким образом, законодательство, которое развивает конституционные положения о реализации обязанности по защите Отечества, нуждается в совершенствовании. Взвешенный анализ изложенных в литературе, средствах массовой информации, изучение практики позволит сделать законодательство более эффективным и рациональным (экономным).

Библиографические ссылки

1. В Генштабе предложили ужесточить закон о передаче россиянами данных в военкоматы [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2022/11/01/shtabb/>. Дата доступа: 02.08.2023.

2. В России захотели уголовно наказывать за уклонение от службы по мобилизации [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2022/11/01/uklonisty/>. Дата доступа: 02.08.2023.

3. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 23.12.2010) // КонсультантПлюс. Россия/ ЗАО «Консультант Плюс». М., 2023.

4. По жалобе гражданина Суворова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 13 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2020 № 1644-О // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2023.

5. Василевич, С.Г. Административная ответственность за нарушения против порядка приписки граждан к призывным участкам, призыва на воинскую службу и воинского учета. Минск: Право и экономика, 2011. С. 141.

ИНФОРМАЦИОННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

С.-В. В. Винничек

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, vvv082002@gmail.com*

В статье анализируются актуальные проблемы и вызовы в цифровой и социальной среде, с которыми сталкивается Союзное Государство Беларуси и России. Рассматриваются основные статистические исследования двух стран по тематике деструктивного информационного давления и патриотического воспитания молодежи. Выявляются причинно-следственные связи между современными цифровыми угрозами и социальными катаклизмами в Беларуси и России. Предлагаются изменения в Концепцию национальной безопасности, а также стратегические прикладные решения для противодействия информационным угрозам.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровая угроза; патриотизм; Союзное Государство; СМИ; Концепция национальной безопасности.

INFORMATION AND SOCIAL SECURITY AS COMPONENTS OF THE NATIONAL SECURITY CONCEPT OF THE UNION STATE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

S.-V. V. Vinnichek

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030 Minsk, Belarus, vvv082002@gmail.com*

The article analyzes the current problems and challenges in the digital and social environment faced by the Union State of Belarus and Russia. The main statistical studies of the two countries on the subject of destructive information pressure and patriotic education of young people are considered. Causal links between modern digital threats and social cataclysms in Belarus and Russia are revealed. Changes to the Concept of National Security are proposed, as well as strategic applied solutions to counter information threats.

Keywords: information security; digital threat; patriotism; Union State; mass media; national security concept.

На фоне осуществляемого перехода общества от индустриального к информационному повышается значимость умения ориентироваться в

постоянно возрастающем потоке информации, эффективно работая с ней. Возможности глобальной сети, активно используемые во всех сферах общественной жизни, основаны на информационных ресурсах, представляющих собой совокупность данных, которые организованы в информационных системах для получения достоверных сведений в различных областях знаний и практической деятельности. Однако одновременно с увеличением роли информации повышается и важность её защиты, обеспечиваемой посредством инструментов информационной безопасности, а также отмечается активное воздействие информации на современное общество путем формирования у него новых потребностей, общественно-политического мнения на текущие вопросы глобальной повестки. Таким образом, тесное взаимодействие информационной безопасности и общества, порождает прямо пропорциональную зависимость социальной безопасности Беларуси и России от цифровых угроз.

Осознавая данную проблему и принимая попытки к урегулированию данного вопроса не только на государственном, но и на региональном уровне, Совет Министров Союзного Государства в 2022 году принял Постановление №42 «О проекте концепции информационной безопасности Союзного Государства», а Высший государственный совет Союзного Государства в апреле 2023 года объявил о пересмотре формулировок Концепции национальной безопасности Союзного Государства[2].

В последние десятилетия постоянно увеличиваются объемы информации, посвященной террористическим актам, военным конфликтам, забастовкам, революциям, вооруженным нападениям, возрастанию уровня социальной напряженности в мире в целом. Осуществляемая таким образом популяризация насилия в СМИ может приводить к подрыву традиционных духовных ценностей, проявлению агрессивного поведения у граждан Союзного государства, дестабилизации социального порядка, что в сочетании с другими факторами может способствовать росту преступности и усилению деструктивных тенденций в социальном развитии.

ЮНЕСКО, руководствуясь результатами глобального исследования о насилии в СМИ, проведенного в 1996–1997 гг. (выборочная совокупность составила более 5000 учащихся школ из 23 стран мира) придерживается точки зрения, согласно которой насилие в СМИ – это универсальное явление, выполняющее в зависимости от контекста разные функции [1]. Его полезность продиктована тем, что оно выполняет компенсаторную функцию в отношении личных фрустраций человека и формирует при этом среду для обретения детьми острых ощущений в нереальном мире. Вред связан с укреплением глобальной агрессивной культуры, высокой долей агрессивного контента, с которыми сталкиваются дети [1].

Совет Европы относит насилие в СМИ к негативным последствиям влияния средств массовой информации на нынешнее поколение молодежи в связи с тем, что допускается существование зависимости между насилием в СМИ и последующим агрессивным поведением с применением насилия [3]. Сведения международных организаций указывают на то, что риск насилия в СМИ характерен для глобального уровня. Актуальность изучения рассматриваемой темы белорусскими учеными связана с происходящими изменениями в геополитическом пространстве, недостаточной разработанностью данной проблематики в отечественной социологии, отсутствием фундаментальных исследований, посвященных проблеме отражения тематики насилия в СМИ.

Существует проблемная ситуация, связанная с тем, что в работах отечественных ученых не представлена статистика по количеству времени, отводимого на демонстрацию сцен насилия на белорусском телевидении, в Интернете. Однако, данная проблематика находит отражение в работах российских ученых. Подтверждением служат результаты исследования, полученных Центром социологии образования Российской академии образования: в среднем за один час на российском телевидении показывают 4,2 сцены насилия и эротики; в вечернее время их количество возрастает [4, с.340]. Для других стран также характерна проблема демонстрации сцен насилия на телевидении, в Интернете. Так, например, американские педиатры Дж. Габриэлли, А. Траоре, М. Стулмиллер, Э. Бергамини, Дж. Д. Сарджент провели в 2016 г. оценку 17 телешоу американского телевидения (7 из них были наиболее популярны среди молодежи), изучив 323 эпизода и 9214 минут, отведенных под эти эпизоды. Педиатры выяснили, что насилие преобладало в 70% эпизодов в целом по массиву, общей длительностью 2,3 секунды за 1 минуту (самые высокие показатели по сравнению с другими эпизодами), далее шли эпизоды с алкоголем (58% шоу, такой же продолжительностью), курением (31% шоу, 0,54 секунды в минуту) [5].

В социальной сфере основной тенденцией современного мира является «переманивание» наибольшего количества квалифицированных молодых кадров разных стран для работы в конкретной стране путем «рыночных механизмов», к которым относятся так же и методы деструктивного антиидеологического воздействия на молодежь. Целью таких деструктивных методов является создание у поддавшихся влиянию представителей молодежной среды негативного мнения о своей стране. Методикой деструктива является информационное давление как прямое, так и косвенное. Косвенное выражается в распространении фейковой информации, соответствующей критериями внезапности, желанности, абсурдности о якобы «проводимых государством» действий; прямое де-

структивное воздействие выражается в ярко выраженной агрессии в социальных сетях и мессенджерах по отношению к молодежи Беларуси и России. Настраивание молодежи, как наиболее импульсивной и движущей большой группой общества, против государства является прямой угрозой кадровой, демографической безопасности, составляющие национальной безопасности двух стран.

Как показывают результаты исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в августе – сентябре 2022 года (выборочная совокупность составила 1848 респондентов) 64,6 % молодежи Беларуси считают себя патриотами. При этом 15,6 % опрошенных к таковым себя не относят. Каждый пятый представитель белорусской молодежи (19,8 %) затруднился с выбором своей позиции по данному вопросу.

Важными характеристиками патриотизма, по мнению большинства представителей современной молодежи, являются позиции «жить и работать в Беларуси» и «любить белорусскую культуру и язык» (по 40,3 % респондентов соответственно). Значимыми характеристиками патриотов молодые люди называют активную деятельность на благо республики и уважение государственной символики, истории Беларуси (по 36,9 %), а также готовность в трудные времена защитить свою страну (35,4 %). Названные составляющие патриотизма дополняются ощущением тесной связи с людьми своей национальности, что отметили 23,5 % респондентов. Каждый пятый (20,0 %) опрошенный придерживается мнения, что соотносить собственные интересы с интересами государства также является немаловажной характеристикой патриотизма. При этом каждый десятый (10,3 %) представитель молодежи затруднился с ответом на данный вопрос[7].

Согласно данным исследований Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, в 2022 г. 68% учеников средних и старших классов назвали себя патриотами России. По сравнению с 2021 г. количество школьников-патриотов выросло на 11 п. п., отмечают исследователи. Доля тех, кто не считает себя патриотом страны, сократилась с 37 до 22%, но выросло число школьников, которые затруднились с ответом, – с 6 до 10%. Наиболее ярко патриотическую позицию проявляют школьники 14–15 лет (70% в своей возрастной группе). В группе 19-летних доля патриотов снижается до 64%. Самые низкие показатели – в колледжах и техникумах (65%) и школах-интернатах (66%) [8].

Понятие «патриотизм» находит свое отражение в ряде нормативных правовых актах: Кодекс Республики Беларусь «Об образовании», Постановление Совета Министров Республики Беларусь N 250 "Об утвержде-

нии Государственной программы "Образование и молодежная политика" на 2021 - 2025 годы, проекта Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в редакции 2023 года, Федеральный Закон «Об образовании» Российской Федерации. Стратегическим решением по данному вопросу в рамках Союзного Государства является включение пункта «разработка единого подхода к преподаванию истории» в итоговый проект резолюции X Форума регионов России и Беларуси.

Однако понятие «патриотизм» является комплексным и выделяет следующие виды: идеологический, проблемный, конформный, цифровой, региональный, общенародный. Для этого необходимо выработать единую дефиницию, которая включала бы все в себя все его аспекты. Понятие «патриотизм» так же является динамичным, поэтому важно так же проводить социальные опросы молодого населения на тематику идеологического и патриотического воспитания.

Исходя из вышеизложенного анализа информационной и социальной повестки в Союзном Государстве, стремительно трансформирующихся в цифровой среде глобальных угроз, видятся следующие предложения в Концепцию национальной безопасности Союзного Государства:

1) в качестве инструмента обеспечения информационной безопасности можно предложить создание единого центра Союзного государства по противодействию информационным угрозам. К работе в центре следует привлечь опытных журналистов и блогеров, авторов контента, специалистов по информационной и кибербезопасности из военной и гражданской сферы. Данное решение поспособствует доминированию собственной повестки в информационном пространстве, повышению уровня поддержки политики государства среди населения.

2) в качестве инструмента обеспечения социальной безопасности закрепить в Концепции национальной безопасности Союзного Государства отдельный блок, посвященный идеологическому и патриотическому воспитанию молодежи Содружества, включив следующие пункты:

– Единый подход в преподавании истории, в частности тем Великой Отечественной войны, геноцида советского народа.

– Поручить Молодежной Палате при Парламентском собрании России и Беларуси совместно с ведущими молодежными организациями двух стран (Белорусский республиканский союз молодежи, Республиканский молодежный центр Республики Беларусь, Российский союз молодежи, Росмолодежь, Национальный совет детских и молодежных общественных объединений России) при поддержке Совета Министров Союзного Государства разработать нормативную концепцию цифрового патриотизма Союзного Государства.

Такие решения в сфере союзной молодежной политики способствуют снижению показателей «текучки кадров», «омоложению» демографической политики двух стран, лояльности и поддержке со стороны значительной части молодежи к локальным, региональным и межгосударственным стратегическим решениям в интеграционных интересах Содружества.

Библиографические ссылки

1. UNESCO [Electronic resource] : the UNESCO global study on media violence // UNESCO Digital Library. 1998. Mode of access: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000262576>.
2. Постановление Совета Министров Союзного государства N 42 "О проекте Концепции информационной безопасности Союзного государства" (Принято в г.Москве 23.12.2022).
3. COMPASS [Electronic resource] : manual for Human Rights Education with Young people // Council of Europe. Mode of access : <https://www.coe.int/ru/web/compass/media>.
4. Давыдов, Д.Г. Медиа-насилие и его влияние на реальное поведение / Д.Г. Давыдов // Научные труды открытого университета экономики, управления и права. Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник научных трудов/ АНО ВО «Открытый университет экономики, управления и права»; редкол.: Н. А. Силенко (отв. ред.)[и др.]. Москва, 2021. Том 2. С. 337–353.
5. Gabrielli, J. Industry Television Ratings for Violence, Sex, and Substance Use / J. Gabrielli, A. Traore, M. Stoolmiller, E. Bergamini, J. D. Sargent //Pediatrics[Electronic resource]. 2016. Vol. 138, No.3. Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5005023/>.
6. Бакеева, Д.А. Агрессия и ее медиавоздействие на аудиторию эфирного телевидения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. С.144–156.
7. Социальный портрет современной молодежи Беларуси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/sotsialnyj-portret-sovremennoj-molodezhi-belarusi/>.
8. Две трети российских школьников считают себя патриотами России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/15/940908-dve-treti-shkolnikov/>.

**О ПРИНЦИПАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИНСПЕКЦИИ ОХРАНЫ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО
МИРА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА
ЕЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА**

А. С. Волковыцкий

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, ул. Московская, 17, volkovas23@yandex.ru*

В рамках статьи рассмотрению подлежат принципы деятельности Госинспекции, которые не нашли своего официального закрепления в базовых нормативных правовых актах, непосредственно регламентирующих работу рассматриваемого контролирующего органа, что является, на наш взгляд, определенным пробелом, требующим своего устранения. В работе автор обосновывает целесообразность выработки и нормативного закрепления принципов деятельности Госинспекции в целях обеспечения единообразного подхода к реализации полномочий по осуществлению контроля в сфере охраны животного и растительного мира.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус; законодательство; принципы; государственный контроль; охрана животного и растительного мира.

**ON THE PRINCIPLES OF ACTIVITY OF THE STATE INSPECTORATE
FOR THE PROTECTION OF WILDLIFE UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A FUNDAMENTAL ELEMENT
OF ITS CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS**

A. S. Volkovytsky

*Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Moskovskaya, 17, volkovas23@yandex.ru*

Within the framework of the article, the principles of the activities of the State Inspectorate are subject to consideration, which have not found their official consolidation in the basic regulatory legal acts directly regulating the work of the supervisory authority in question, which, in our opinion, is a certain gap that needs to be eliminated. In the work, the author substantiates the expediency of developing and normative consolidation of the principles of the State Inspectorate in order to ensure a uniform approach to the implementation of the powers to exercise control in the field of protection of the animal and plant world.

Key words: constitutional and legal status; legislation; principles; state control; protection of flora and fauna.

Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь (далее – Госинспекция) является специально уполномоченным государственным органом (п. 1 Положения о Госинспекции, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 15 июля 2019 г. № 269 (далее – Положение)). Первостепенной задачей Госинспекции выступает осуществление государственного контроля в отношении порученной ей сферы деятельности (п. 8 Положения). Наряду с контролирующей, Госинспекция осуществляет и ряд иных функций, имеющих различные формы своего проявления. В статусе Госинспекции как контролирующего (надзорного) органа комбинируются разрешительные, контрольно-надзорные и административно-юрисдикционные полномочия. Вся деятельность Госинспекции осуществляется в строгом соответствии с принципами, установленными в отношении публичной власти. Однако, в Положении не нашли своего отражения принципы деятельности Госинспекции, что, на наш взгляд, выступает своеобразным пробелом, т.к. принципы – это основа, фундамент, позволяющий выстраивать всю систему деятельности данного государственного органа. Именно исходя из принципов деятельности Госинспекции формируются ее целеориентеры, определяются задачи и способы их достижения. Принципы закладывают базу, наиважнейшие установки для выработки правовых норм и ключевые векторы развития всего законодательства в сфере охраны животного и растительного мира.

Госинспекция, являясь специально уполномоченным государственным органом, аналогично всем государственным органам, в своей деятельности руководствуется Конституцией Республики Беларусь (далее – Конституция) и принятыми в соответствии с ней актами законодательства. Следовательно, ведущим принципом в работе Госинспекции выступает принцип верховенства Конституции – консолидирующего правового ядра Республики Беларусь. Конституция обладает высшей юридической силой, а ее нормы – прямым действием. Именно Конституция, ее безусловный приоритет, является стержневой основой всей правовой системы нашей республики. Ее мобилизационная сила и монолитный характер обеспечивают жизнеспособность страны, ее народа, укрепляют атмосферу гражданского мира и согласия, стабильности и созидания. Конституция закладывает основу, отправные начала согласованного государственного регулирования общественных отношений во всех сферах.

Обеспечение верховенства Конституции в деятельности Госинспекции – первостепенная задача для эффективного решения всех стоящих перед ней задач.

Вся многовекторная деятельность Госинспекции осуществляется исключительно в рамках законодательства, в связи с чем, также выделим

следующий определяющий в ее работе принцип законности, на котором строится система контроля, и который нашел свое отражение во всех нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы контроля (надзора).

К примеру, в п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510) установлено, что контрольная (надзорная) деятельность осуществляется в соответствии с принципом законности при назначении, проведении, оформлении результатов проверки, вынесении решений и рассмотрении жалоб на решения контролирующих (надзорных) органов, требования (предписания) об устранении нарушений, действия (бездействие) проверяющих.

Законность означает строгое и неукоснительное соблюдение норм права при совершении контроля. В рамках деятельности Госинспекции принцип законности активно проявляет себя при назначении, проведении, оформлении результатов проверки, при требованиях (предписаниях) об устранении нарушений, при вынесении решений и рассмотрении жалоб на решения Госинспекции и др.

Следующий принцип в механизме работы Госинспекции может быть сформулирован как принцип независимости органов контроля в области охраны животного и растительного мира. Принцип независимости означает, что должностные лица Госинспекции при выполнении возложенных на них задач должны быть независимы от объектов контроля и связанных с ними граждан в административном, финансовом и функциональном отношении.

Еще один принцип, присущий деятельности Госинспекции в рамках осуществления контроля, – принцип равенства прав и законных интересов всех проверяемых субъектов. Данный принцип нашел свое отражение во многих законодательных актах и означает, что на каждый субъект в равной степени распространяются требования нормативных правовых актов в сфере охраны животного и растительного мира, а также меры юридической ответственности при их несоблюдении. Обозначенный принцип исключает какое-либо превосходство одних субъектов по отношению к другим, устанавливает равную обязанность всех подчиняться закону и нести равную ответственность за его нарушение.

Принцип презумпции добросовестности и невиновности проверяемого субъекта. Это один из основных принципов контрольной (надзорной) деятельности, закрепленных в п. 3 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом № 510. В соответствии с ним проверяемый должен признаваться добросовестно исполняющим требования законодательства, пока его виновность в совершении

правонарушения не будет доказана в порядке, предусмотренном процессуально-исполнительным законодательством [1]. Каждый субъект изначально считается добросовестно соблюдающим требования законодательства, пока не будет доказано иное.

К представленному перечню принципов, на наш взгляд, важно добавить принцип предотвращения конфликта интересов, который направлен на предотвращение коррупции. Конфликт интересов представляет собой ситуацию, в которой личная заинтересованность должностного лица влияет или может повлиять на объективное и беспристрастное исполнение им обязанностей по осуществлению государственного контроля [2].

В деятельности Госинспекции в качестве обязательного направления работы выступает профилактика правонарушений, позволяя выделить в качестве самостоятельного принцип предупреждения совершения правонарушений. Содержательно данный принцип очень широк. Его основная миссия заключается в проведении целого комплекса мероприятий со стороны Госинспекции по профилактике нарушения природоохранных требований, в том числе проведение разъяснительной работы по толкованию содержания обязательных природоохранных требований, подлежащих соблюдению.

Как и любая деятельность, работа по осуществлению контроля со стороны Госинспекции должна быть эффективной. Принцип эффективности Принцип эффективности означает осуществление контрольной деятельности Госинспекции с использованием наименьшего объема трудовых, материальных, финансовых и иных ресурсов. Эффективность не должна измеряться количеством проверочных мероприятий, а должна учитывать соотношение профилактических мероприятий к числу правонарушений.

Нельзя обойти стороной такие значимые в современных цифровых реалиях принципы, как принцип информационной открытости (означает публичную доступность информации о деятельности Госинспекции), а также принцип информатизации (связан с внедрением новейших информационных технологий).

В заключение всей палитры принципов следовало бы не забыть про принцип управления рисками в сфере осуществления контроля за исполнением природоохранных требований относительно вопросов охраны животного и растительного мира. Система управления рисками должна предусматривать комплекс методических, информационно-аналитических, организационных и технологических мероприятий по выявлению, минимизации и предотвращению рисков, оценке эффективности данных мероприятий, а также организации работы по непрерывному совершенствованию процедур управления рисками и обновлению

информации, на основании которой оцениваются риски с целью максимально возможного сохранения природных объектов.

Таким образом, принципы деятельности Госинспекции, выступая основополагающим элементом ее конституционно-правового статуса, занимают приоритетное место в работе рассматриваемого госоргана. Это отправные руководящие начала, своего рода ориентиры, декларирующие основные идеи, направления и критерии, предъявляемые к осуществлению Госинспекцией контроля за соблюдением законодательства в сфере охраны животного и растительного мира как ведущей функции данного государственного органа.

Руководствуясь принципами разумности и достаточности, предлагаем в Положении о Госинспекции, утвержденном Указом № 269, закрепить в рамках отдельного пункта следующие принципы деятельности Госинспекции: верховенства Конституции Республики Беларусь; законности; независимости органов контроля в области охраны животного и растительного мира; равенства прав и законных интересов всех проверяемых субъектов; презумпции добросовестности и невиновности проверяемого субъекта; принцип предотвращения конфликта интересов; принцип профилактики правонарушений; принцип эффективности, информационной открытости и информатизации, а также принцип управления рисками.

Библиографические ссылки

1. Цыбулевская, О. И. Презумпция невиновности: аксиологическое измерение // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4(49). С. 51–57.
2. Зеленов, М. В. Конфликт интересов на государственной службе: соотношение терминов «личная заинтересованность» и «интерес» // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2061–2070.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. Р. Гатальский

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, u.hatalski@gmail.com*

В статье анализируется государственная политика по обеспечению информационной безопасности в условиях стремительной цифровизации всех сфер общества. От государства требуется принятие мер по регулированию этой сферы общественных отношений, что повлечет увеличение эффективности и прозрачности государственных услуг, обеспечит граждан быстрым и удобным доступом к различным ресурсам и сервисам без рисков нарушения защиты персональных данных и иных киберугроз.

Ключевые слова: информационная безопасность; государственное регулирование; защита персональных данных; цифровизация.

STATE REGULATION AND STANDARDIZATION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY

V. R. Gatalskiy

*Mogilev State University named after A. A. Kuleshov,
Kosmonavtov str. 1, 212022, Mogilev, Belarus, u.hatalski@gmail.com*

The article analyzes state policy to ensure information security in the context of the rapid digitalization of the state and all spheres of society. The government is required to take measures to regulate this area of public relations, which will develop an increase in the efficiency and transparency of public services, providing citizens with prompt and convenient access to various resources and services without the risk of violating the protection of personal data and other cyber threats.

Keywords: information security; government regulation; personal data protection; digitalization.

Для современного общества характерно проникновение цифровых технологий во все сферы жизни. Молодые поколения уже с детства активно используют гаджеты, потребляют информацию в цифровом формате и, таким образом, сталкиваются с ее избытком. Это приводит к необратимым изменениям в отношении общества к информации, ее потреблению и распространению, а также к возрастанию соответствующих за-

просов. Ежедневно на мировом рынке появляется множество продуктов, предлагающих свои решения для этих запросов и свое видение обработки информации. Государство, как важный участник и регулятор жизни общества, вынуждено следовать научно-техническому прогрессу в области информатизации. В связи с этим, учитывая социально-экономические риски, происходит цифровая трансформация государственного аппарата. На государстве лежит задача не только предоставить эффективные и удобные способы взаимодействия с обществом и его членами, но и управлять информационными процессами, происходящими в этой сфере.

Одним из направлений является обеспечение информационной безопасности государства в целом. Цифровизация общества и государственных структур порождает целый ряд угроз, от нежелательного и незаконного разглашения персональных данных, и до кибератак на военную, политическую, банковско-финансовую сферы — столпы суверенитета государства. В Республике Беларусь выработан единый подход к понятию информационной безопасности, содержащийся в Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 09 ноября 2010г. № 575 и Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019г. № 1. Эти документы определяют информационную безопасность как «состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере» [1, ст. 4; 2, ст. 8]. Важность защиты интересов личности в контексте информационной безопасности подчеркивает российский юрист А. А Чеботарева: «проблема информационной безопасности личности в условиях глобальной информатизации обостряется с каждым годом, ставя перед информационным обществом, перед законодателем все новые и новые задачи». Ею же предложен вектор, в котором должно развиваться законодательство — «признание статуса личности, субъекта информационных отношений как определяющего элемента всей «архитектуры» такого общества» [3, с. 74].

Для обеспечения составляющих информационной безопасности, а именно: защита информации, компьютерная безопасность, обеспечение потребности общества в качественной информации, защищенность инфраструктур, поддерживающих информацию, и защита национальных интересов от информационного воздействия широко используются и совершенствуются такие инструменты государственного управления, как регулирование и стандартизация [4, с. 56].

Стандартизацией и сертификацией в Республике Беларусь занимается Государственный комитет по стандартизации. В утвержденной 16 сентября 2019г. Стратегии развития стандартизации Республики Беларусь на

период до 2030 года одной из стратегических целей указано обеспечение информационной безопасности Республики Беларусь, а также внедрение в процессы стандартизации информационных технологий [5, с. 6]. Стандартизация в области информационной безопасности позволяет установить оптимальный уровень упорядочения и унификации, подтвердить соответствие информационных систем предъявляемым к информационной безопасности требованиям.

Республика Беларусь пошла по пути унификации и интеграции международных норм в области стандартизации, была выбрана серия международных стандартов ИСО/МЭК 27000. Стандарты данного семейства являются одними из наиболее динамично развивающихся стандартов в области информационной безопасности. Меры безопасности, предусмотренные этими стандартами, используются в автоматизированных информационных системах различных государственных органов, предотвращая возможные киберугрозы и обеспечивая защиту персональных данных. Вместе с тем отсутствуют обязательные стандарты для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих дело с персональными данными, либо чья деятельность тесно связана с государственными и общественными интересами. Организации сами разрабатывают, обязательный только для них так называемый «стандарт организации». Несмотря на принятый 7 мая 2021г. Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных» нередки случаи утечки персональных данных или же намеренного их распространения. Предлагается целесообразным разработать единые требования информационной безопасности, предъявляемые к различным организациям, работающими с персональными данными физических лиц, которые могут нести иную опасность, связанную с информационной безопасностью для интересов общества, государства и личности.

В настоящее время функции государственного управления информационной безопасностью в той или иной мере выполняет ряд различных ведомств. К таковым ведомствам можно отнести Министерство связи и информатизации, Министерство внутренних дел, Министерство информации, Национальный центр персональных данных Республики Беларусь. Указом Президента Республики Беларусь от 30 сентября 2010 г. № 515 «О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь» независимым регулятором в сфере информационно-коммуникационных технологий определен Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь [6, ст. 2.4]. Все эти и другие органы выступают регуляторами в области информационной безопасности и между ними нет четкого распределения компетенции и полномочий. В. А. Шаршун особенно отмечает, что ни в нормативных правовых

актах, ни в компетенции регулирующих органов нет системного подхода к информационной безопасности личности. По его мнению, необходимо нормативное определение основ государственной политики в области информационной безопасности личности, что может стать отправной точкой формирования соответствующей государственной политики и может повлечь за собой корректировку ряда задач государственных органов Республики Беларусь в этой сфере [7, с. 27].

Видится логичным и целесообразным, учитывая международные тенденции и опыт государств, преуспевших в области информационной безопасности, возложить большинство функций по регулированию информационной безопасности на единый учрежденный или существующий орган. Таким органом может выступить Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. На этот орган уже возложена задача регулирования деятельности по обеспечению защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственные секреты Республики Беларусь или иные сведения, охраняемые в соответствии с законодательством. Также, в его структуре уже находится Национальный центр электронный услуг, отвечающий за вопросы электронного правительства. Следует пересмотреть задачи и полномочия различных ведомств касательно информационной безопасности и передать их Оперативно-аналитическому центру, расширить его структуру, создав подразделения различной специализации. На уровне министерств эффективным будет учреждение должностных лиц, ответственных за цифровизацию и информационную безопасность в сфере деятельности конкретного министерства.

Подводя итог следует отметить, что в современных условиях, когда общество активно трансформируется и интегрирует цифровые технологии во все сферы жизни, государство должно адаптироваться к новым вызовам и обеспечивать информационную безопасность на всех уровнях. В Республике Беларусь наблюдаются определенные проблемы с единой политикой относительно информационной безопасности, государственного управления в этой области, однако ведется активная работа, разрабатывается и принимается соответствующее законодательство. Среди проблем, наблюдаемых в государственном управлении, можно выделить отсутствие единых требований, стандартов безопасности, предъявляемых к организациям, цифровым продуктам и фрагментарность функций, задач и полномочий по государственному регулированию среди различных органов. В связи с этим предлагается пересмотреть нормативные правовые акты, регулирующие вопросы стандартизации и защиты персональных данных, в контексте предъявления требований к организациям, частным лицам и информационным продуктам, а также наделить Оператив-

но-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь более широкими полномочиями в сфере информационной безопасности, возложить на него новые задачи и функции, уменьшив роль таковых среди иных ведомств. Центр должен занимать главную регулирующую и координирующую роль по вопросам цифровой трансформации и информационной безопасности. На уровне министерств создать должность, ответственную по этим вопросам в сфере деятельности министерства.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 09 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Чеботарева, А. А. Информационная безопасность личности в системе информационных прав и свобод // Вестн. МГПУ. Журнал Моск. гор. пед. ун-та. Сер. «Юридические науки». 2015. № 4(20). С. 73-77.

4. Асанович, В. Я. Информационная безопасность: анализ и прогноз информационного воздействия. Минск : Амалфея, 2006. С. 203.

5. Стратегия развития стандартизации Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gosstandart.gov.by/standardization>. Дата доступа: 08.09.2023.

6. О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 сент. 2010 г., № 515 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.09.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

7. Шаршун, В. А. Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве : материалы круглого стола каф. гос. упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз. Минск : БГУ, 2022. С. 23-30.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Т. А. Гусева

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел, Россия, Комсомольская, 39, А.*

В статье показано, как сфера искусственного интеллекта меняет систему государственно и муниципального управления, и такие дискурсы по этому поводу возникают.

Ключевые слова: искусственный интеллект; государственное управление; национальная программа; цифровая экономика.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION

T. A. Guseva

*Oryol State University named after I.S. Turgenev
Orel, Russia, Komsomolskaya 39, A.*

The article shows how the sphere of artificial intelligence is changing the system of state and municipal government, and such discourses arise about this.

Keywords: artificial intelligence, public administration; national program, digital economy.

Точкой отсчета внедрения искусственного интеллекта в государственное управление стал 2019 год, когда в целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, которая была утверждена Указом Президента РФ [1].

Стратегия определяет цели и задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов реализации стратегических национальных приоритетов.

Правовую основу Стратегии составили Конституция Российской Федерации [2] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" [3] указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" [4], , от 9 мая 2017 г. N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" [5], от 1 декабря 2016 г. N 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" [6] и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных технологий в Российской Федерации.

Стратегия определяет понятие искусственного интеллекта, технологии искусственного интеллекта, перспективные методы искусственного интеллекта, смежные области использования искусственного интеллекта, аппаратное обеспечение, вычислительная система, архитектура вычислительной системы, общедоступная платформа, открытая библиотека искусственного интеллекта, технологическое решение.

В соответствии с принятой Стратегией, технологии искусственного интеллекта стали активно внедряться в государственное управление. Минэнерго, Минпромторга, Минкультуры, Минобрнауки, Росреестра, Россельхознадзора, ФНС - имеют свои проекты развития, цель которых - ускорение выполнения государственных функций и снижение трудозатрат. В основном это проекты с использованием компьютерного зрения (распознавание объектов и документов) и речевых технологий (работа с текстами, чат-боты).

С 2023 года российские ведомства будут отчитываться перед правительством о внедрении решений на основе искусственного интеллекта (ИИ). Это следует из дорожной карты «Развитие высокотехнологичного направления «Искусственный интеллект» на период до 2030 года», которую правительство утвердило в конце декабря 2022 года.

До конца 2024 года на проверку внедрения айти-технологий планируется выделить 45 миллионов рублей [7].

В сентябре 2022 года Правительство РФ передало кураторство темы внедрения искусственного интеллекта от Аналитического центра при Правительстве РФ – Высшей школе экономики. Созданному на базе этого учебного заведения - Национальному центру развития искусственного интеллекта поставлена задача стать площадкой для отбора ИИ - решений для бизнеса, и государства, заняться экспертизой документов в этой сфере, экспертным сопровождением внедрения ИИ в госуправление и в сектор экономики.

15 июня 2023 года мэр Москвы Сергей Собянин и глава Сбербанка Герман Греф в ходе публичной дискуссии, состоявшейся на площадке Петербургского международного экономического форума поспорили о том, можно ли доверять принятию решений в госуправлении искусственному интеллекту. Собянин придерживается довольно консервативных взглядов по этому вопросу. Он утверждает, что столичные структуры отлично справляются с управлением городом и без ИИ: «В Москве «традиционная система управления», которая основана на потребностях жителей. Она нацелена на то, чтобы человек в городе чувствовал себя комфортно, безопасно, получал услуги высокого качества. Для этого не нужно ни искусственного интеллекта, ни каких-то больших теорий», - отметил Собянин.

«При этом в городе есть много элементов электронного правительства, информационных потоков, обработки данных, но это «подсобные механизмы», позволяющие человеку более эффективно принимать решения. Идеологически, я считаю, что бы мы на сегодняшнем этапе ни говорили про «цифру», доминирующим остаётся человек: его ощущения, понимание, философия. Особенно это касается развития городов» [7], – сказал мэр.

Герман Греф ему парировал и сказал, что одна из составляющих госуправления основана на анализе больших данных, а это лучше всего отдать системе. И в шутку, и в серьёз Герман Греф сказал, что искусственный интеллект не берет взятки, не понимает зачем что-то класть под стекло, чтобы это отлежалось, и это сильная сторона технологий, они технологии лишены субъективизма и личной заинтересованности, будущее будет построено таким образом, что люди будут создавать системы автоматического принятия решений на основе данных, и люди будут оставаться там, где нужно определять целеполагание и учитывать социальные, эмоциональные и когнитивные свойства и потребности человека при принятии решений, – уверен Герман Греф [7].

В результате дискуссии пришли к выводу, что в госуправлении, конечно искусственный интеллект не заменит человека, где решение зависит от многих факторов, а вот в экономике он призван способствовать развитию конкурентной сферы.

«Государство постепенно становится платформой, где все оцифровано. Технологии искусственного интеллекта могут применяться для подбора нужных госуслуг, для различных платежных систем, для идентификации граждан. Также искусственный интеллект может пригодиться при формировании кадрового резерва, для обеспечения кибербезопасности, в управлении городским и дорожным хозяйством ("умный город", "умные дороги"), ЖКХ (например, мониторинг расхода воды

или электроэнергии). Одним из плюсов внедрения искусственного интеллекта в работу госорганов может стать снижение документооборота и ускорение госуслуг.

Например, Минпромторг подготовил проект по внедрению самообучаемой системы распознавания неструктурированного текста для более удобного предоставления госуслуг. Интеллектуальные системы анализа о промышленном производстве, загрузке оборудования и производственной логистике позволят перевести господдержку в проактивный формат. На основе государственной информационной системы промышленности (ГИСП) министерство планирует также создать отраслевые дата-сети, которые позволят более корректно анализировать фактический уровень промышленного производства».

Таким образом, с внедрением искусственного интеллекта взаимодействие граждан с государством становится мультиканальным, и если раньше граждане могли обратиться в госорганы, написав письмо или позвонив по телефону, то сейчас они могут пользоваться порталом Госуслуг или обращаться в МФЦ. Новые технологии позволяют внедрять электронных ассистентов, чат-боты и другие способы связи.

Библиографические ссылки

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года" // <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2019.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 // г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., N 0001202210060013.

3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (в редакции от 17 февраля 2023 г. N 28-ФЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3378

4. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года"(в редакции от 21 июля 2020 г. N 474 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 мая 2018 г. N 20 ст. 2817.

5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017.

6. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 (ред. от 15.03.2021) "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2016.

7. <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1>

8. <https://rg.ru/2020/11/23/v-rossii-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-vnedriat-v-gosupravlenie.html>.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА: ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. С. Дерябин

*Самарский университет им. С.П. Королёва,
Московское шоссе, 34, 443086, г. Самара, Россия, deryabinvs@ya.ru*

В данной статье рассматривается вопрос безопасности цифрового государства с акцентом на защиту информации и кибербезопасность в контексте государственного управления. Анализируются современные вызовы, связанные с использованием информационных технологий в государственном управлении, и предлагает ряд мер, направленных на обеспечение безопасности цифрового пространства государства.

Ключевые слова: безопасность цифрового государства; информационные технологии; кибербезопасность; государственное управление; защита информации.

DIGITAL STATE SECURITY: INFORMATION PROTECTION AND CYBERSECURITY IN THE CONTEXT OF PUBLIC ADMINISTRATION

V. S. Deryabin

*Samara University,
Moskovskoe shosse, 34, 44308, Samara, Russia, deryabinvs@ya.ru*

This article examines the issue of digital state security with an emphasis on information protection and cybersecurity in the context of public administration. The modern challenges associated with the use of information technologies in public administration are analyzed and a number of measures aimed at ensuring the security of the digital space of the state are proposed.

Keywords: digital state security; information technology; cybersecurity; public administration; information protection.

Цифровизация и применение информационных технологий в государственном управлении стали неотъемлемой частью современной общественной жизни. Однако, с ростом использования цифровых технологий возникает ряд угроз для безопасности цифрового государства, включая утечку и несанкционированный доступ к конфиденциальной информации, кибератаки и другие виды киберпреступности. В связи с этим,

вопросы защиты информации и кибербезопасности являются крайне актуальными и требуют серьезного подхода со стороны государственных органов [1, с. 20].

Важным шагом является разработка и внедрение политик и стандартов безопасности для государственных органов. Это должно включать установление правил для доступа к конфиденциальной информации, шифрование данных, регулярное обновление программного обеспечения и аппаратного обеспечения, а также мониторинг и анализ событий безопасности. Обучение персонала государственных органов основам кибербезопасности является критическим шагом. Сотрудники должны быть проинформированы о возможных угрозах, знать, как распознавать фишинговые письма, использовать сложные пароли и обращаться за помощью в случае возникновения подозрительных событий. Регулярные тренинги и обновление знаний являются неотъемлемой частью процесса обучения. Усиление мер по защите от несанкционированного доступа к информации также является важным аспектом безопасности. Это может включать двухфакторную аутентификацию, использование биометрических данных, контроль доступа на основе ролей и другие методы защиты.

Сотрудничество с международными организациями по обмену информацией о киберугрозах является необходимым шагом для обеспечения безопасности цифрового пространства. Это позволяет получать информацию о новых угрозах и обмениваться опытом с другими государствами в борьбе с киберпреступностью. Коллективные усилия, включая совместные учения и регулярные встречи, способствуют повышению эффективности борьбы с киберугрозами [2, с. 144].

Развитие систем раннего предупреждения и противодействия кибератакам играет важную роль в обеспечении кибербезопасности в сфере государственного управления. Это включает внедрение интеллектуальных систем мониторинга, анализа событий и реагирования на аномалии в сети. Быстрое обнаружение и реагирование на кибератаки позволяет минимизировать негативные последствия и восстановить работоспособность систем. Развитие криптографических методов защиты персональной информации граждан также является важным аспектом безопасности цифрового государства. Механизмы шифрования и аутентификации помогают защитить личные данные граждан от несанкционированного доступа и использования.

Защита интересов граждан в цифровом пространстве также является важной задачей. Государственные органы должны обеспечить безопасность информационных систем общественных служб, таких как здравоохранение, образование и социальное обслуживание. Это включает за-

щиту медицинских данных пациентов, личной информации студентов и других персональных данных граждан [3, с. 72].

Важным аспектом кибербезопасности цифрового государства является разработка сильных систем защиты данных. Это включает в себя использование современных технологий для обнаружения и предотвращения атак, таких как системы искусственного интеллекта и машинного обучения. Эти технологии позволяют автоматизировать процессы обнаружения и реагирования на угрозы, что повышает эффективность защиты. Развитие систем мониторинга и анализа данных также имеет важное значение для обеспечения безопасности. Системы, способные обрабатывать и анализировать большие объемы данных, позволяют выявить аномалии и потенциальные угрозы. Мониторинг событий и анализ активности пользователей позволяют своевременно распознавать и предотвращать кибератаки [4].

Сотрудничество с частным сектором также играет важную роль в обеспечении кибербезопасности государства. Частные компании могут предоставлять специализированные услуги по кибербезопасности, проводить аудиты и тестирования уязвимостей систем, а также предлагать инновационные решения для защиты данных. Партнерство с частным сектором позволяет использовать лучшие практики и опыт в области кибербезопасности. Внедрение стандартов и сертификации в области кибербезопасности также важно для обеспечения безопасности цифрового государства. Это может включать сертификацию информационных систем, сетей и оборудования, а также стандарты шифрования и аутентификации. Соблюдение этих стандартов помогает обеспечить соответствие систем и услуг требованиям безопасности.

Обеспечение кибербезопасности цифрового государства требует комплексного подхода и постоянного обновления мер безопасности. Разработка и внедрение сильных систем защиты данных, сотрудничество с частным сектором, обновление программного обеспечения, защита критической инфраструктуры и защита персональных данных граждан - все это является неотъемлемыми компонентами кибербезопасности цифрового государства. Развитие технологий, образование и повышение осведомленности граждан также играют важную роль в обеспечении безопасности в цифровом пространстве [5, с. 779].

Повышение осведомленности граждан о кибербезопасности и методах защиты своей личной информации имеет важное значение. Образовательные программы, кампании информирования и регулярные предупреждения о возможных киберугрозах помогают сделать граждан более осведомленными и более активно защищать свои данные.

Обеспечение безопасности цифрового государства требует комплексного подхода и усиленных усилий со стороны государственных органов. Разработка и внедрение политик и стандартов безопасности, обучение персонала, развитие кибербезопасности, сотрудничество с другими странами и общественностью, а также повышение осведомленности граждан о кибербезопасности - все это необходимо для эффективной защиты информации и обеспечения безопасности государственных органов и граждан.

Библиографические ссылки

1. Мухаметов, Д. Р. "Умное государство": перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России / Д. Р. Мухаметов, К. В. Симонов // Мир новой экономики. 2021. Т. 15, № 3. С. 17-27.

2. Верхелст Э., Ваутерс Я. (2020) Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС // Вестник международных организаций. Т. 15 № 2 С. 141–172 (на русском и английском языках).

3. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека "Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве" от 2021 // Портал Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2021.

4. Искусственный интеллект и машинное обучение в кибербезопасности – прогноз на будущее // kaspersky.ru URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/ai-cybersecurity> (дата обращения: 23.08.2023).

5. Артамонов В.А., Артамонова Е.В. Кибербезопасность в условиях цифровой трансформации социума // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-sotsiuma> (дата обращения: 23.08.2023).

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ КАК МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

С. А. Клещенко

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов 1, 212022, г. Могилев, Беларусь*

Настоящая научная статья посвящена правовому анализу гарантий в избирательном праве и процессе как юридических категорий и механизмов, обеспечивающих соблюдение принципа законности при проведении электоральных процедур и объективность результатов избирательных кампаний, в рамках которых применяются электронные системы сбора и подсчёта голосов избирателей.

Ключевые слова: избирательный процесс; избирательное право; электронное голосование; гарантии.

LEGAL GUARANTEES AS MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF UNIVERSAL SUFFRAGE DURING ELECTRONIC VOTING

S. A. Kleshchenko

*Mogilev State University named after A. A. Kuleshov,
Kosmonavtov str. 1, 212022, Mogilev, Belarus*

This scientific article is devoted to the legal analysis of guarantees in electoral law and process as legal categories and mechanisms that ensure compliance with the principle of legality during electoral procedures and the objectivity of the results of election campaigns, in which electronic systems for collecting and counting votes are used. The author also emphasizes the importance of securing guarantees in the electoral law.

Keywords: electoral process; electoral law, electronic voting; guarantees.

На сегодняшний день развитие избирательного права в Республике Беларусь находится в непосредственной зависимости от достижений в сфере информационных технологий, повсеместное распространение которых привело к появлению термина электронная демократия, одним из важнейших элементов которой, как справедливо отмечает И. А. Бронников, является электронное голосование — система политического волеизъявления граждан на выборах и референдумах, которая

предполагают использование электронных средств как минимум при подаче голоса [1, с. 14].

В связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, их внедрением в демократические институты традиционная система (алгоритм) подачи, регистрации и подсчёта голосов в электоральных кампаниях кардинально трансформируется, а правовая действительность вынуждена преобразоваться: общественные отношения куда более динамичны.

Такого рода изменения, как показывает исследование зарубежных систем электронного голосования, в первую очередь касаются центральных юридических актов в избирательной сфере — кодексов и законов. Особая роль в рассматриваемых актах отводится легальным понятиям, системе гарантий и принципов, а также описанию непосредственной процедуры политического волеизъявления граждан. В рамках данной научной работы будут рассмотрены нормы-начала, гарантирующие всеобщее, равное, прямое право волеизъявления на свободных выборах путём тайного голосования.

Как и любая самостоятельная юридическая отрасль, избирательное право имеет собственную систему основополагающих начал и гарантий, тесным образом переплетённых друг с другом. В частности, Д. М. Худолей и К. М. Худолей, видные российские правоведы, авторы многочисленных научных работ в сфере избирательного права и процесса, в определённой мере отождествляют систему гарантий и принципов, прямо указывая на то, что последние диалектически связаны друг с другом. В качестве примера приводится принцип прямого избирательного права, что, в свою очередь, гарантирует справедливость выборов. Такие принципы, подчёркивают юристы-исследователи, можно считать элементами сложноустроенных основных принципов избирательного права. Вторая подгруппа второстепенных начал гарантирует соблюдение всех основных принципов и включает принципы личного голосования, обязательности (периодичности) выборов, стабильности избирательного законодательства и др. [2, с. 456].

Однако отметим, что сама категория юридических гарантий в научной доктрине не до конца раскрыта. Этому мнению придерживается российский правовед Т. И. Мирская. Автор резюмирует, что отсутствие единого определения понятия гарантий влечёт за собой разногласия при анализе их системы и классификации [3].

Белорусский юрист-учёный С. А. Середа, проведя системный анализ подходов к пониманию гарантий прав и свобод человека, разделил наличествующие в научной доктрине воззрения на две группы.

К первой группе относятся авторы, рассматривающие гарантии как условия и средства, реально обеспечивающие субъектам возможность пользоваться правами и свободами и неукоснительно исполнять возложенные на них обязанности. Автор полагает, что предлагаемое определение гарантий прав и свобод можно рассматривать в качестве общей цели данной деятельности, так как при этом не раскрывается сущность условий и содержание мер, призванных обеспечить реальное осуществление (пользование) правами и свободами.

Вторая группа исследователей вкладывает в содержание гарантий какой-либо один аспект этого процесса. Так, учёные В. М. Чхиквадзе и О. В. Орлова связывают гарантии прав и свобод прежде всего с их реализацией [4, с. 36-37].

Ключевое различие по данному вопросу заключается в разносторонних взглядах на содержание гарантирования и его сущности. Следует согласиться с С. А. Середой касательно того, что многие юристы-исследователи упускают весьма важный аспект гарантий — возможность восстановления нарушенного права. В частности, этот элемент столь многогранного определения применим и для нарушенных избирательных прав граждан. В соответствии с Избирательным кодексом Республики Беларусь (ст.ст. 79, 82, 89) кандидаты могут обжаловать результаты выборов, если в ходе таковых, или при подсчёте голосов, или при определении результатов выборов были допущены нарушения требований настоящего кодекса, повлиявшие на итоги выборов. Существуют также и судебные средства защиты, что говорит о дополнительных гарантиях со стороны государства.

Отметим, что в рамках избирательного права и процесса существует видовая группа понятий, отнесённых к гарантиям. Д. И. Чуев, русский правовед, резюмирует, что в избирательном праве заимствован общий подход, согласно которому гарантии подразделяются на политические, материальные (экономические), организационные и специальные (юридические), обеспечивающие непосредственное удовлетворение интересов, лежащих в основе конституционного права избирать и быть избранными [5, с. 383]. В то же время, опираясь на диалектический метод, следует заключить, что данный комплекс гарантий взаимосвязан, каждый его элемент находится в непосредственной зависимости от другого. Без специальных (юридических) гарантий невозможно было бы представить реализацию всех прочих гарантий, равно как без фактической и эффективной организации избирательного процесса, его материального обеспечения юридические нормы оставались бы лишь фикциями.

Однако остаётся открытым вопрос, как именно трансформируется сложившаяся система гарантий в случае, если в Республике Беларусь по-

явится кардинально новая форма волеизъявления — электронное голосование.

Во-первых, установление дистанционной формы волеизъявления, вне избирательного участка повысит степень инклюзивности всей электоральной кампании. Доступность online-опции заполнения бланка позволит гражданам с ограниченными возможностями реализовывать своё право выбирать без трудностей. С этой позицией соглашаются Р. А. Алексеев и А. В. Абрамов, дополняя, что для воплощения рассматриваемой теории в жизнь потребуются составлять цифровые реестры избирателей. Таким образом, принцип всеобщности дополняется элементами гарантированной инклюзивности и справедливости [6, с. 17].

Во-вторых, раскрытие тайны голосования как одного из ключевых принципов всей электоральной кампании следует воспринимать в качестве посягательства на информацию о частной жизни избирателя и срыв всей избирательной процедуры. С одной стороны, данное положение является правом избирателя, а с другой, обязанностью избирательной комиссии исключить нарушение конфиденциальности информации о избирателях. В то же время обеспечение конфиденциальности сведений, составляющих избирательную тайну, является и юридической, и организационной, и материальной гарантией.

С. Н. Хорунжий, прослеживая историю развития рассматриваемой гарантии, приходит к выводу, что тайну голосования можно рассматривать как один из элементов действительности волеизъявления лица наряду со свободой формирования его электоральной позиции, исключающей принятие таким гражданином решения под влиянием или контролем других лиц. В противном случае мы будем иметь дело с пороком воли, — с ситуацией, когда внутренняя воля лица не соответствует внешнему выражению [7, с. 61].

Проблематика незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных, что по действующему Уголовному кодексу Республики Беларусь неразрывно связаны друг с другом, в эпоху расцвета киберпреступности становится одной из основных угроз для действительности волеизъявления лица. В частности, в Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» за авторством А. А. Гаева, В. И. Диско и др. отмечается, что особенностью обработки персональных данных при реализации избирательного законодательства является необходимость обеспечения, с одной стороны, прозрачности избирательного процесса, а с другой — тайны голосования избирателей. Так, избиратели должны понимать, за кого они голосуют, что обуславливает необходимость распространения информации о кандидатах. В то же время информация о том, кто и за кого голосо-

вал, является тайной и в этой связи должны быть исключены любые действия, связанные с её нарушением [8].

Таким образом, обобщая проведённый в работе анализ, следует заключить, что на текущий момент в избирательном праве Республике Беларусь наличествует необходимая система гарантий, развитие и дополнение которой всё же рассматривается возможным в части тайного голосования: не до конца ясным остаётся то, является ли раскрытие информации о частной жизни и персональных данных избирателя в ходе утечки сведений, собранных в момент проведения электоральной кампании, основанием для признания того, что она была проведена с нарушениями.

Дополним, что электронное голосование не должно подменять собой полностью традиционную форму волеизъявления ввиду экспериментального характера предлагаемых новаций. Однако внедрение электронной формы волеизъявления в значительной степени оптимизирует процесс организации выборов, привлечёт к себе молодое поколение и станет значимым показателем соответствия политического режима Республики Беларусь критериям электронной демократии.

Библиографические ссылки

1. Бронников, И. А. Электронная демократия: тенденции и проблемы // Вестник университета. 2014. № 7. С. 11-16.
2. Худолей, Д. М. Реализация основных принципов избирательного права в избирательных системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 442-475.
3. Мирская, Т. И. К вопросу о понятии гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 23-25.
4. Середа, Р. А. Гарантии прав и свобод человека: понятие, уровни и отраслевая охрана (на примере Республики Беларусь) // Образование и право. 2016. № 3. С. 35-41.
5. Чуева, Д. И. Виды гарантий избирательных прав граждан // Форум молодых ученых. 2017. № 8(12). С. 382-389.
6. Алексеев, Р. А. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1(15). С. 9-21.
7. Хорунжий, С. Н. Тайна электронного голосования: от анонимности к конфиденциальности // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20). С. 54-62.
8. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: clck.ru/33Ygfn. Дата доступа: 01.09.2023.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ЕГО СВЯЗЬ С БАНКОВСКИМ ПРАВОМ

В. А. Козловская

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kozlovskayavaleria900@gmail.com*

Цифровая трансформация подразумевает принципиальное изменение структуры экономики. Применение цифровых банковских технологий в сфере оказания банковских услуг является неотъемлемой частью цифровой трансформации белорусской экономики. Данные процессы регламентируются главным образом со стороны Национального банка Республики Беларусь. Применение цифровых банковских технологий обуславливает формирование качественно нового межбанковского рынка. В данной статье рассматриваются основные виды применения цифровых технологий в банковской сфере.

Ключевые слова: цифровизация; банковский сектор; цифровая трансформация; цифровые технологии; банковские услуги.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN MODERN CONDITIONS AND ITS CONNECTION WITH BANKING LAW

V. A. Kozlovskaya

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, kozlovskayavaleria900@gmail.com*

Digital transformation implies a fundamental change in the structure of the economy. The application of digital banking technologies in banking services is an integral part of the digital transformation of the Belarusian economy. These processes are regulated mainly by the National Bank of the Republic of Belarus. The application of digital banking technologies leads to the formation of a qualitatively new interbank market. This article discusses the main types of digital technologies application in the banking sector.

Keywords: digitalization; banking sector; digital transformation; digital technologies; banking services.

Цифровая трансформация экономики является глобальной тенденцией и рассматривается в Республике Беларусь как наиболее эффективный инструмент социально-экономического развития страны в целом.

В мае 2023 года в Москве состоялся Евразийский экономический форум, одной из тем которого стала цифровая трансформация ЕАЭС. В решении Высшего Евразийского экономического совета № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [1] (принято в г. Сочи 11.10.2017) цифровая трансформация определяется как проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический и экономический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики. Отметим, что в Евразийской экономической комиссии создан цифровой проектный офис ЕАЭС, ключевая задача которого состоит в оценке и продвижении предлагаемых интеграционных проектов ЕАЭС в области цифровой экономики.

В Стратегических направлениях формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического совета в перспективе до 2025 г. сказано, что качественными стратегическими ориентирами (целевой моделью) проекта по формированию и развитию Цифрового пространства в перспективе до 2025 года являются: системная цифровая трансформация экономики стран ЕАЭС по всем направлениям интеграции и инициативам бизнеса; повышение бесшовности экономических процессов и сервисной среды в результате их перевода в цифровую форму; создание и запуск совместных цифровых инструментов для экспансии на глобальные рынки (цифровых активов) и др. Данные направления включают в себя шесть сфер:

цифровую торговлю, цифровые транспортные коридоры, цифровую промышленную кооперацию, соглашение об обороте данных, систему регулятивных «песочниц» ЕАЭС. Республика Беларусь совместно с другими государствами-членами ЕАЭС активно участвует в реализации цифровой повестки союза посредством осуществления вышеперечисленных проектов.

Экспертами Евразийской экономической комиссии и Всемирного банка проведено исследование, по результатам которого сделан вывод, что «оцифровка» государственных органов и переход на предоставление государственных услуг в электронном виде позволит достичь концепции «открытого правительства» и принесет дополнительно 3,6 млрд долл. США, а внедрение трансграничных электронных услуг – еще 0,5 млрд долл. США на уровне ЕАЭС [2].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы, которой предусматривается комплексная цифровая трансформация процессов государственного управления, регионального и отраслевого развития, включая выполнение мероприятий по внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики. В целях поэтапной цифровизации экономики необходимо формирование регуляторной среды, функция которой будет состоять не только в обеспечении комфортных правовых условий для развития современных технологий, но и в их фактическом использовании в экономике [3].

Таким образом, процесс цифровой трансформации призван обеспечить последовательный отказ от устаревших технологий, используемых на производствах, внесение соответствующих изменений в бизнес-процессы в целях создания новых товаров и услуг, отвечающих требованиям цифрового развития экономики [4, с. 115].

Цифровая трансформация неизбежно влечет за собой повсеместное внедрение цифровых технологий в банковскую сферу на фоне бурного развития IT-индустрии, появления новых способов удалённого взаимодействия с клиентами, а также необходимости повышения финансовой и правовой грамотности населения принимая во внимание участившиеся случаи обмана потребителей, а также мошенничества с использованием компьютерных программ.

В настоящее время в банковскую систему Республики Беларусь постепенно начинает внедряться технология блокчейн, а именно в механизм передачи информации о банковских гарантиях на основании Постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 11.07.2017 № 279 «О внесении дополнений и изменений в Инструкцию о порядке формирования и ведения реестра банковских гарантий». Отдельные белорусские банки создают экосистемы с финтех-компаниями. Данные и иные процессы регламентируются главным образом Национальным банком Республики Беларусь посредством принятия ряда актов законодательства, в том числе постановлений Правления в части порядка функционирования межбанковской системы идентификации, совершения сделок в электронном виде с применением программно-аппаратных средств и технологий без использования электронной цифровой подписи, проведения процедур удаленной идентификации, удаленного обновления (актуализации), в том числе с использованием биометрических данных клиентов, совершения и исполнения юридически значимых действий посредством смарт-контрактов и др.

К основным документам в сфере правового регулирования цифровых технологий в банковской сфере можно отнести следующие:

1. Концепция развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2023 – 2025 годы;

2. Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2015 г. № 478 «О развитии цифровых банковских технологий»;

3. Указ Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях»;

4. Закон Республики Беларусь от 19 апреля 2022 г. № 164-З «О платежных системах и платежных услугах»;

5. Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 19.09.2019 № 379 «Об утверждении Инструкции об использовании программно-аппаратных средств и технологий, проведении процедур удаленной идентификации, удаленного обновления (актуализации)».

Применение цифровых банковских технологий обуславливает формирование межбанковского рынка современных банковских цифровых продуктов и сервисов и их развитие. Рассмотрим основные виды применения цифровых технологий в банковской сфере.

В настоящее время в большинстве белорусских банков существует возможность оформления договоров (например, договора банковского вклада (депозита), кредитного договора) с использованием систем дистанционного банковского обслуживания (далее – СДБО). Под СДБО понимают совокупность технологий предоставления банковских услуг и осуществления банковских операций с использованием программно-технических средств, обеспечивающих взаимодействие банков и их клиентов, в том числе передачу электронных документов (электронных сообщений) (п. 2 Инструкции о банковском переводе, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29.03.2001 № 66).

Посредством СДБО клиенты банка могут осуществлять управление счетами и денежными потоками, проведение мгновенных платежей, размещение денежных средств в банковские вклады и др. К преимуществам использования СДБО относятся оперативность, простота и безопасность.

В соответствии с Указом от 1 декабря 2015 г. № 478 в Республике Беларусь с 1 октября 2016 г. начала функционировать межбанковская система идентификации (далее – МСИ). МСИ используется для удаленной идентификации клиентов без их личного присутствия и предоставления этих данных банкам и иным лицам, осуществляющим финансовые операции, а также государственным органам, клиентам, их представителям. При этом передача таких персональных данных может быть произведена только при согласии клиента.

С принятием Указа Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 № 148 «О цифровых банковских технологиях» расширен список органи-

заций, имеющих право использовать МСИ для идентификации своих клиентов.

На сегодняшний день 24 банка могут отправлять данные в МСИ, а соответственно и привлекать новых клиентов посредством использования электронных каналов взаимодействия. При этом клиенты могут получать услуги в любом банке Республики Беларусь в удобное время после однократной процедуры идентификации в одном банке, а государственные органы – выполнять функции, определенные законодательством (за исключением осуществления административных процедур).

В соответствии с подп. 1.1 Указа № 148, абз. 3 п. 2 Инструкции о порядке функционирования межбанковской системы идентификации, утвержденной Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 21.09.2016 № 497, функционирование МСИ обеспечивает ОАО «НКФО «ЕРИП»». Данная Инструкция определяет порядок функционирования МСИ, в том числе права и обязанности владельца МСИ и участников системы идентификации, порядок взаимодействия владельца МСИ, субъектов МСИ, клиентов, их представителей по представлению информации в МСИ, получению информации из МСИ и использованию такой информации, а также порядок и условия оказания владельцем МСИ услуг посредством МСИ. Отметим, что в 2022 году ОАО «НКФО «ЕРИП»» реализована возможность удаленной идентификации в МСИ физических лиц – нерезидентов.

Удаленная идентификация может проводиться, когда в МСИ нет данных о клиентах, их представителях без их личного присутствия с согласия клиента.

Порядок проведения удаленной идентификации определен в гл. 4 Инструкции № 379. Так, процедура удаленной идентификации проводится при соблюдении, в том числе следующих условий: обработка данных о клиенте, полученных при проведении процедуры удаленной идентификации, осуществляется с соблюдением требований законодательства об информации, информатизации и защите информации, законодательства и международных договоров, направленных на защиту прав субъектов персональных данных; обеспечена возможность отзыва согласия клиента на обработку его данных и их блокирования в системе удаленной идентификации; биометрические данные клиентов фиксируются в базе данных, отдельной от базы данных иных данных, полученных при проведении процедуры удаленной идентификации и др.

Предполагается, что удаленная идентификация, как правило, будет проводиться для нерезидентов, данных о которых нет в МСИ.

Помимо карточек с технологией бесконтактных платежей в настоящее время значительное распространение получают платежи с использо-

ванием мобильных устройств. Так, мобильное приложение «БЕЛКАРТ РАУ» позволяет совершать платежи во всех терминалах, где принимают бесконтактные карты БЕЛКАРТ по технологии NFC (технология беспроводной высокочастотной связи малого радиуса действия, обеспечивающая обмен данными между поддерживающими данную технологию устройствами).

В Республике Беларусь в соответствии с подп. 2.10 п. 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 06.07.2011 № 924/16 юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе обеспечить помимо осуществления расчетов в безналичной форме посредством банковских платежных карточек иные платежные инструменты, электронные деньги в соответствии с законодательством в области платежных систем и платежных услуг с проведением таких платежей с использованием кассового оборудования. При этом к иным способам осуществления расчетов можно отнести расчеты с использованием QR-кодов и (или) мобильных приложений. Под QR-кодом в п. 3 Стандарта проведения расчетов, утвержденном постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 09.07.2021 № 199 понимается двумерная оптическая метка, которая содержит закодированную информацию, используемую при проведении расчетов в безналичной форме в соответствии с банковским законодательством.

В ОАО «АСБ Беларусбанк» реализован проект по эквайрингу с использованием QR-кода сервисом Cashew. Данный сервис позволяет продавцам принимать безналичные платежи без установки терминального оборудования, а покупателям рассчитываться мобильным приложением M-Belarusbank, отсканировав QR-код. Для подключения к системе приёма платежей QR-кодом необходимо зарегистрироваться в системе Cashew и заключить договор с Беларусбанком.

Таким образом, цифровая трансформация в банковской сфере связана с поэтапным внедрением различных цифровых технологий в целях предоставления качественно новых банковских услуг, а также способов их получения. Основным документом, определяющим подходы к развитию в стране цифровых банковских технологий, является Концепция развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2023 – 2025 годы, успешная реализация положений которой обеспечит эффективность внедрения цифровых технологий в экономику в целом и в банковский сектор в частности.

Библиографические ссылки

1. Решение Высшего совета ЕАЭС от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
2. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации. Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия.
3. Манкевич И. П. Цифровая экономика: особенности и принципы правового регулирования / И. П. Манкевич // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Минск, 2023.
4. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология : сб. статей / редкол.: А. В. Тузиков (пред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Минск : Беларуская навука, 2020. С. 267 : ил.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. А. Колосовская

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, annakolosovskayaa@gmail.com*

В данной статье рассматривается административно-правовое положение государственного учреждения в сфере защиты прав субъектов персональных данных. Проводится исследование потенциальных возможностей Национального центра защиты персональных данных в совершенствовании механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства.

Ключевые слова: государственное управление; персональные данные; цифровизация; государство; общество

THE ROLE OF THE NATIONAL PERSONAL DATA PROTECTION CENTER IN IMPROVING PUBLIC ADMINISTRATION MECHANISM

A. A. Kolosovskaya

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, annakolosovskayaa@gmail.com*

The article deals with the problems of administrative and legal status of state institution in personal data rights protection. The potentiality of National Personal Data Protection Center in improving public administration mechanism in digital society and state is studied.

Keywords: public administration; personal data; digitalization; state; society.

Под *механизмом государства* понимают совокупность всех структур государства, которые непосредственно реализуют задачи и функции государства. Через механизм государства осуществляется систематическое и непрерывное управляющее воздействие на общество, на поведение и деятельность людей [4, с. 82]. Механизм государства – это такая система органов и учреждений, которая определена целями и задачами государства и состоит из органов государства (государственного аппара-

та) и иных государственных организаций – государственных учреждений [4, с. 82].

Понятие «*механизм государственного управления*» можно определить как деятельность органов государственного управления, направленную на функционирование органов власти. Это также воздействие на объект управления, поскольку механизм государственного управления призван определенным образом воздействовать на поведение людей. Механизм государственного управления прямо связан с государственным управлением как конституционным правомочным действием государственной власти в лице ее конкретных институтов [4, с. 82].

За прошедшее десятилетие глобальная цифровизация охватила не только мировые сообщества, но и государства. Внедрение цифровых технологий происходит во всех сферах жизнедеятельности человека, начиная от повседневной жизни, заканчивая государственным управлением. Цифровые технологии значительно упрощают жизнь общества, а также являются стимулом развития и совершенствования внутренних процессов организации управления [1, с. 59]. Синергетический потенциал социальных, мобильных, облачных технологий, а также технологий анализа данных и интернета вещей в совокупности способны привести к трансформационным изменениям в государственном управлении в целом, усилив государственный сектор эффективными, реактивными и ценностными характеристиками [2, с. 94].

Развитие цифровых технологий высветило проблемы обеспечения безопасности государства в целом. Для выполнения задач построения информационного общества в системе обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь на первый план выдвигаются вопросы информационной безопасности.

В Постановлении Совета Безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» определены основные национальные интересы в информационной сфере, среди которых дальнейшее развитие должны получить вопросы безопасной информационной среды и информационного общества.

На сегодняшний день одной из основных угроз национальной безопасности являются неправомерные действия в отношении персональных данных. Также внутренними источниками угроз национальной безопасности являются расширение возможностей для неправомерных действий в отношении персональных данных и низкий уровень правосозна-

ния и безопасного поведения пользователей информационно-коммуникационных технологий.

Также в Постановлении Совета Безопасности определено, что важнейшими направлениями нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в информационной сфере являются обеспечение защиты персональных данных от несанкционированного или случайного доступа к ним, иных неправомерных действий.

С развитием цифрового общества в Республике Беларусь появляется новая сфера деятельности государства – регулирование защиты прав субъектов персональных данных, что влечет за собой необходимость разработки правовых норм и правил, которые призваны регулировать отношения в сфере защиты персональных данных.

Наиболее оперативное и эффективное реагирование на возникающие вопросы при обработке персональных данных обеспечивается функционированием уполномоченного органа по их защите, ответственного за надлежащее единообразное применение законодательства и осуществление контроля в этой сфере [5]. Указом Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» утверждено Положение о Национальном центре защиты персональных данных (далее – НЦЗПД), в котором определены основные задачи, функции и права как уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных. Центр занимает самостоятельное место в системе органов и иных организаций. Он действует в форме государственного учреждения на основании Конституции, Закона от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» и иных актов законодательства.

Можно выделить две основные задачи, осуществляемые НЦЗПД: принятие мер по защите прав субъектов персональных данных при обработке их персональных данных и организация обучения по данным вопросам.

Помимо двух вышеназванных функций НЦЗПД осуществляет также контролирующие функции. Контроль осуществляется в форме плановых, внеплановых и камеральных проверок соблюдения законодательства о персональных данных. К контрольному блоку полномочий НЦЗПД относится право требовать от операторов и уполномоченных ими лиц изменения, блокирования или удаления недостоверных или полученных незаконным путем персональных данных, устранения иных нарушений законодательства о персональных данных [5].

НЦЗПД способствует повышению уровня правосознания и безопасного поведения пользователей информационно-коммуникационных технологий, поскольку реализует образовательные программы дополнительного образования взрослых в соответствии с законодательством об образовании, а также обладает правом проводить образовательную программу повышения квалификации руководящих работников и специалистов и по иным направлениям и профилям образования.

Важным полномочием НЦЗПД является рассмотрение жалоб субъектов персональных данных по вопросам обработки персональных данных, что способствует нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в информационной сфере.

Таким образом, определение уполномоченного государственного органа по защите прав субъектов персональных данных в Республике Беларусь способствует совершенствованию механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства. НЦЗПД занимает центральное место в сфере регулирования защиты персональных данных в Республике Беларусь. Данный орган призван осуществлять практическую деятельность по выполнению функций государства в сфере защиты прав субъектов персональных данных, что позволяет восполнять существующие пробелы в законодательстве по регулированию персональных данных, формировать систему законодательства в данной сфере для определения прав субъектов персональных данных, мер их защиты, эффективных способов контроля за их соблюдением [3, с. 83]. НЦЗПД является не только субъектом государственного управления, но и субъектом обеспечения национальной безопасности, поскольку реализует меры, направленные на решение задач обеспечения национальной безопасности. НЦЗПД является частью системы обеспечения национальной безопасности, который осуществляет деятельность по защите и реализации национальных интересов и обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Заярная, К. Г. Совершенствование механизмов государственного управления в условиях цифровой трансформации / К. Г. Заярная // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий : сб. науч. ст. / Севастопольский государственный университет. Севастополь, 2021. С. 58–60.

2. Истомина, М. М. Совершенствование государственного управления в условиях цифровизации / М. М. Истомина // Fundamental and applied approaches to solving

scientific problems : сб. науч. ст. / Международный институт экономики и права. – Уфа, 2021. С. 94–97.

3. Колосовская, А. А. Административно-правовой статус Национального центра защиты персональных данных / А. А. Колосовская // Правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2022. С. 81–84.

4. Понятие, свойства и основные компоненты механизма государственного управления: региональный аспект / А. Л. Слепышев [и др.] // Социум и власть. – 2012. № 6 (38). С. 81–84.

5. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]. <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>. Дата доступа: 08.09.2023.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЕНЧУРНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Х. О. Кононович

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, KononovichK@bsu.by*

В статье исследовано государственное регулирование венчурного инвестирования на территории Республики Беларусь. Проведен анализ, выделены проблемы регулирования венчурного инвестирования и предложены пути решения этих проблем по совершенствованию модели государственного управления, ее механизмов, чтобы сделать Беларусь более привлекательной для инвесторов и стартапов.

Ключевые слова: венчурное инвестирование; модель венчурного инвестирования; механизм венчурного инвестирования; венчурные инвестиции; стартап.

STATE REGULATION OF VENTURE INVESTMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Kh. O. Kononovich

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, KononovichK@bsu.by*

The article examines the state regulation of venture investment on the territory of the Republic of Belarus. An analysis was carried out, the problems of regulating venture investment were highlighted and ways to solve these problems were proposed to improve the model of public administration and its mechanisms in order to make Belarus more attractive to investors and startups.

Keywords: venture investment; venture investment model; venture investment mechanism; venture investment; startup.

Венчурное инвестирование – это вид инвестирования в стартапы и молодые компании с высоким потенциалом роста и инновационными технологиями, которые могут изменить отрасли и рынки [1].

Венчурное инвестирование является важной составляющей развития экономики и инновационных технологий в Республике Беларусь. И здесь следует понимать, что венчурные компании нуждаются в поддержке, которая может быть оказана путем инвестирования. В Республике Беларусь существует ряд возможностей получения финансовой поддержки для

своего проекта: получение кредита в банке, государственных субсидий, поиск иностранного инвестора, помощь инвесторов, краудфандинг и др.

Суть венчурного механизма состоит в безгарантийном финансировании специализированными венчурными фондами и крупными банками определенного этапа освоения инновационного проекта венчурной компании [2].

Государственный интерес в появлении и распространении венчурного инвестирования состоит в том, что венчурный капитал эффективно поддерживает малый инновационный сектор и решает задачу внедрения новых технологий в производственный процесс [3].

Что касается нормативно-правовой базы, связанной с регулированием венчурного финансирования на территории Республики Беларусь, то она, на мой взгляд, нуждается в доработке.

В Республике Беларусь деятельность венчурных организаций, урегулирована Указом Президента Республики Беларусь от 03.01.2007 г. №1 «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры и внесении изменения и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 30.09.2002 г. № 495» в редакции от 17.05.2010 г.

В документе отмечены два основных направления деятельности венчурной компании: предоставление средств инновационной организации; учреждение таковой или участие в ее уставном фонде.

В Республике Беларусь действует Указ Президента Республики Беларусь от 21.05.2009 г. №255 «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства». В данном указе отражены направления деятельности, по которым может предоставляться государственная финансовая поддержка; порядок проведения конкурса инвестиционных проектов субъектов малого предпринимательства; порядок предоставления финансовых средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе; порядок предоставления имущества на условиях договора финансовой аренды (лизинга); установление гарантий по льготным кредитам, в том числе микрокредитам, предоставляемым банками Республики Беларусь; порядок льготного кредитования, в том числе микрокредитования; порядок предоставления субсидий субъектам малого предпринимательства, а также порядок предоставления субсидий субъектам инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства.

Также некоторые аспекты регулируются Программами инновационного развития Республики Беларусь, которые предусматривают создание венчурных организаций и совершенствование системы венчурного финансирования.

Более глубоко раскрывает вопрос государственной финансовой поддержки Закон Республики Беларусь от 01.07.2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства».

Так как мы имеем дело с рисковыми инвестициями, то следует упомянуть Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 г. № 53-З «Об инвестициях», в котором регулируются вопросы, касающиеся способов и принципов осуществления инвестиций, государственного регулирования инвестиций, прав и обязанностей инвесторов и др.

Как было отмечено ранее, венчурная деятельность связана с инвестициями в новые, инновационные, рисковые проекты и идеи. В республике действует Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», который регулирует вопросы, касающиеся инновационной деятельности на территории страны.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что при достаточно весомом количестве законодательных актов, которые способствуют регулированию инвестиционной и инновационной деятельности в республике Беларусь, непосредственно венчурного финансирования и венчурной деятельности они касаются не в полной мере. Таким образом, это не способствует реализации данного вида деятельности с практической стороны [4].

Для иностранных венчурных инвесторов привлекательными являются следующие факторы в экономике Беларуси:

- 1) наличие базового законодательства, позволяющего регистрировать венчурные организации и фонды;
- 2) льготы по налогу на прибыль при выходе из венчурных проектов, которые получил Белинфонд, что в перспективе повышает вероятность введения данной нормы для всех субъектов венчурной индустрии. Кроме того, сегодня действует ряд льгот в целом для иностранных инвесторов;
- 3) стабильность экономики и невысокий уровень коррупции (в особенности по сравнению с нашими ближайшими соседями — Россией и Украиной);
- 4) страна переориентирована на инновационный путь развития, и этот переход постепенно осуществляется. Что особенно важно, имеется стратегический законодательный документ с утвержденной программой действия для правительства;
- 5) уровень науки и технологий в Беларуси имеет достаточный потенциал, чтобы заинтересовать венчурных инвесторов, в том числе иностранных [5].

Тем не менее есть и негативные факторы для развития венчурного бизнеса в стране:

- 1) незащищенность права инвесторов в экономических судах, что сдерживает приход иностранных венчурных инвесторов в нашу страну;
- 2) отсутствие опыта реализации венчурных проектов национальными компаниями и слабый кадровый потенциал;
- 3) незначительная степень поддержки государством до недавнего времени малого предпринимательства, в том числе инновационных центров и фондов поддержки малого предпринимательства;
- 4) невысокая венчурная культура;
- 5) неурегулированность вопросов, связанных с заключением соглашений о неразглашении конфиденциальной информации;
- 6) неурегулированность вопросов, когда работник после увольнения с работы, не мог бы воспользоваться полученной им конфиденциальной информацией;
- 7) отсутствие способности «выделять опционы» (сделки с премией);
- 8) необработанность вопросов по операциям с акциями, изменяющим доли владельцев;
- 9) наличие субсидиарной ответственности для инвесторов и своеобразная ее трактовка;
- 10) высокая степень рисков и отсутствие равенства в соотношении «риск – премия».

Остальные вопросы, связанные непосредственно с деятельностью венчурных структур, такие как репатриация прибыли, защита собственности, налоговая база, защита прав на интеллектуальную собственность, страхование рисков венчурного проекта, выход из венчурного проекта, вполне решаемы в рамках действующих мер по либерализации экономики.

Думается, что созданию эффективной модели инновационного развития может способствовать принятие законодательства о венчурных инвестициях.

Однако его возможности ограничены. Помочь развитию инновационного продукта на ранних стадиях может либо государство, либо инвесторы. В дальнейшем бюджетная поддержка может замещаться частными инвестициями. Однако эффект дает только гармонизированная система инфраструктур, если им не мешает ведомственная разобщенность [6].

В заключение, венчурный капитал, бесспорно, является самым перспективным инструментом развития инновационных и высокотехнологических секторов. Однако крупные (с капиталом от 150 млн. до 2 млрд.

дол. США) венчурные фонды вообще не инвестируют в инновационный сектор и разработки, оставляя это поле государству. Фондам интересны компании на поздних стадиях развития и продукты, востребованные на рынке, т. е. эволюционные, прибыльные проекты. При этом не стоит рассчитывать на активный спрос на инновации со стороны крупных компаний. Роль венчурной индустрии – эффективное перераспределение финансовых ресурсов благодаря оперативности, отсутствию лоббирования и субъективистских подходов инвесторов. Итогом, с участием венчурного капитала активизируется создание новых коммерчески успешных компаний, являющихся катализатором роста отраслей с высокой добавленной стоимостью, обеспечивается высокий уровень корпоративного управления, профессионализма в частном бизнесе.

В СНГ пока мало проектов с высоким экономическим потенциалом, не хватает кадров, не решены проблемы правового регулирования и налогообложения, в том числе порядка выхода из венчурных проектов. Ведь суть венчура состоит в финансировании высоко рискованного инновационного проекта в обмен на долю в бизнесе с последующей продажей этой доли, когда вырастет капитализация инвестируемой компании. Поэтому от последней требуется амбициозный маркетинг, способный подтвердить перспективы проекта, а инвестор должен знать, когда и как можно выходить из него. В свою очередь жизнь венчурного фонда составляет в среднем 10 лет, в течение которых он финансирует 10 – 15 компаний.

Самое большое количество лет жизни инвестора в компании – 5–7 лет, по истечении которых он должен успеть выйти из каждой.

Поэтому, полагаем, что Беларусь должна как можно раньше запустить механизм привлечения внешних инвесторов посредством создания коммуникативных площадок — венчурных ярмарок [7].

Библиографические ссылки

1. Венчурное инвестирование: мировой рынок венчурных инвестиций [Электронный ресурс] : Интернет-портал и аналитическое агентство TADVISER. 2023. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php>. Дата доступа: 16.03.2023.
2. Шмарловская, Г.Г. Санько, Е.Н. Петрушкевич и др. [Г.А. Шмарловская и др.]; Под ред. Г.А. Шмарловской. Мн.: БГЭУ, 2006. С. 253.
3. Янковский К.П., Мухарь И.Ф. Организация инвестиционной и инновационной деятельности. Спб: Питер, 2010. С. 448.
4. Бунчук М. Роль венчурного капитала в финансировании малого инновационного бизнеса // Технологический бизнес [Электронный ресурс] : электрон. бюл. 1999. Режим доступа: <http://www.techbusiness.ru/tb/archiv/number1/page02.htm>. Дата доступа: 30.08.2023.

5. Вишняков А.А. Венчурное инвестирование инновационных проектов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера : [Электронный ресурс] : вестн. Науч.-исслед. центра корпоративного права, упр., и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та. 2006. Режим доступа: <http://koet.syktu.ru/vestnik/2006/2006-2/6.htm>. Дата доступа: 30.08.2023.

6. Кудина М.В. Венчурный капитал и креативный труд : дилемма выбора модели экономического роста / М.В. Кудина, А.Ш. Касымов // Государственное управление [Электронный ресурс] : вестник. 2012. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/venchurnyy-kapital-i-kreativnyy-trud-dilemma-vybora-modeli-ekonomicheskogo-rosta/viewer>. – Дата доступа: 31.08.2023.

7. Медведева, Г. Б. Трансформация и проблемы инновационного процесса в условиях развития цифровых технологий / Г. Б. Медведева, Л. А. Захарченко // Мировая экономика и бизнес администрирование малых и средних предприятий: материалы 17-го Международного научного семинара, проводимого в рамках 19-й Международной научно-технической конференции «Наука – образованию, производству, экономике», 25–26 марта 2021 года, Минск, Республика Беларусь. Минск : Право и экономика, 2021. С. 90–92.

К ВОПРОСУ СОДЕРЖАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПУБЛИЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

Л. А. Краснобаева

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, belrus@bsu.by*

В статье исследуются проблемы определения содержания административно-публичной деятельности по реализации публичных услуг. Приведены отличительные признаки от понятий «исполнительная власть» и «государственное управление». Формулируется вывод, что административно-публичная деятельность по реализации публичных услуг представляет собой деятельность органов управления по осуществлению публичного управления, защиты прав и свобод личности, общества и государства.

Ключевые слова: административно-публичная деятельность; исполнительная власть; государственное управление; публичные услуги; публичный правопорядок.

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF ADMINISTRATIVE AND PUBLIC ACTIVITIES FOR THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC SERVICES

L. A. Krasnabayeva

*Belarusian State University,
Leningradskaya str. 8, 220030, Minsk, Belarus, belrus@bsu.by*

The article examines the problems of determining the content of administrative and public activities for the implementation of public services. Distinguishing features from the concepts of "executive power" and "public administration" are given. The conclusion is formulated that administrative and public activities for the implementation of public services are the activities of management bodies for the implementation of public administration, protection of the rights and freedoms of the individual, society and the state.

Keywords: administrative and public activity; executive power; public administration; public services; public law and order.

Переход от властного воздействия к социальному руководству, связанному с удовлетворением потребностей гражданина и их защитой актуализирует вопрос о введении в оборот науки административного права

понятия административно-публичной деятельности по реализации публичных услуг. В самом обобщенном виде под «публичной властью» понимается система государственной власти и местного управления и самоуправления [1].

Для более четкого определения содержания административно-публичной деятельности необходимо провести соотношение понятий «административно-публичная деятельность», «исполнительная власть» и «государственное управление».

Общеизвестно, что «исполнительная власть – это политико-правовая категория, а государственное управление – организационно-правовая» [2].

Проблемы взаимоотношения исполнительной власти и государственного управления исследовал ученый А. Крамник, который пришел к выводу, что понятия «исполнительная власть» и «государственное управление» являются взаимосвязанными и взаимодополняемыми. При этом, как отмечает ученый, «все органы государственного управления реализуют исполнительную власть и являются не только органами государственного управления, но и органами исполнительной власти» [3, с. 5].

Наиболее полное и развернутое соотношение дефинитивных понятий и их содержание провел С. Василевич в монографии «Государственное управление. Проблемы и пути повышения эффективности» [4]. В работе автор не только рассматривает проблемные аспекты правового обеспечения эффективного государственного управления, но и анализирует содержание государственного управления посредством его целевого назначения и определяет критерии эффективности управления, их роль и значение в сфере отношений государства и права.

Термин «государственное управление» употребляется в «широком» смысле как регулирующая деятельность государства и в «узком» смысле как деятельность исполнительно-распорядительных органов» [5, с.755].

На наш взгляд, административно-публичная деятельность отличается от исполнительной власти по двум основным критериям: по сфере распространения и по субъектам осуществления. По сфере распространения данная деятельность включает в себя как государственное, так и местное управление и представляет собой властно-распорядительную деятельность, осуществляемую соответствующими субъектами как внутри этих субъектов, так и вне их, направленную на удовлетворение потребностей граждан.

В контексте реализации публичных услуг государственное управление следует рассматривать как позитивное регулирование, которое является частью административно-публичной деятельности. Данный тезис обусловлен тем, что деятельность государственных органов по предо-

ставлению публичных услуг включает в себя и деятельность, связанную с обеспечением публичного правопорядка, то есть с реализацией запросов граждан, обусловленных нормами различных отраслей права.

Для характеристики публичного правопорядка обратимся к общей теории права, где ученые под правопорядком понимают результат правового регулирования (фактическое состояние урегулированности правом общественных отношений) [6, с. 286].

В соответствии с положениями статьи 1099 Гражданского кодекса Республики Беларусь публичным порядком признаются основы правопорядка Республики Беларусь. Согласно Методическим рекомендациям о некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц и оказания правовой помощи, утвержденных постановлением Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26.06.2013 №25, под основами правопорядка необходимо понимать основополагающие принципы международного права, нормы Конституции Республики Беларусь, положения международных договоров Республики Беларусь, основные принципы основополагающих отраслей права.

Таким образом, если осуществление государственного управления связано с реализацией регулятивных функций, то в ходе осуществления административно–публичной деятельности реализуется спектр и охранительных функций государства.

Согласимся с мнением П. Кононова, который полагает, что «административно–публичная деятельность заключается в осуществлении в специальных правовых формах и с использованием специальных правовых методов властно–публичного регулирования, защиты и охраны общественных отношений» [7, с.8].

При реализации публичных услуг административно–публичную деятельность могут осуществлять как государственные органы, так и негосударственные, в частности, при предоставлении социальных услуг (медицинских, образовательных, коммунальных и т.д.).

Введение категории «административно–публичная деятельность» в оборот административно–правовой науки позволяет четко отграничить организационно–управленческую и правоохранительную деятельность, регулируемую нормами административного права, от иных видов властно–публичной деятельности, не находящихся в сфере административно–правового регулирования.

Отметим, что в литературе встречается и термин «управленческая деятельность», под которой одни исследователи понимают «деятельность органов государственной власти и местного управления, призванную обеспечивать подготовку и проведение в жизнь управленческих решений

и действий» [8, с.239], другие определяют ее как «тип профессиональной деятельности, специфика которой определяется необходимостью организации деятельности других людей в направлении достижения общих целей» [9, с.83].

На наш взгляд, указанный термин является производным от понятия «государственное управление» и никакого сущностного отличия не имеет.

Возможно, выделить и существенные признаки административно-публичной деятельности по реализации публичных услуг. Во-первых, она носит подзаконный характер. В процессе ее осуществления компетентные государственные органы вправе издавать (принимать) нормативные правовые акты управления, но только на основе и в целях обеспечения реализации соответствующих законодательных актов. Во-вторых, административно-публичная деятельность - это властная деятельность, в ходе которой реализуются публичные полномочия. В-третьих, административно-публичная деятельность включает в себя два вида деятельности - регулятивную и охранительную. Отметим, что правосудие, оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность не входят в содержание исследуемого понятия. В-четвертых, административно-публичная деятельность осуществляется посредством использования специальных административно-правовых методов воздействия на общественные отношения, причем эти методы реализуются в специальных административно-правовых формах. Эти методы и формы существенно отличаются от методов и форм, используемых в ходе осуществления вышеназванных видов деятельности. В-пятых, целями осуществления административно-публичной деятельности являются позитивное регулирование отношений, посредством обеспечения реализации соответствующих прав услугополучателей. В-шестых, публичная деятельность и возникающие в процессе ее осуществления правовые последствия регулируются нормами административного права.

Обобщая данные понятия, к административно-публичной деятельности можно отнести деятельность органов управления, организационно-действующих внутри иных органов государственной власти, по осуществлению функций нормотворчества, публичного управления, защиты прав и свобод личности, общества и государства. Следует отметить, что данный вид деятельности является институционализированным, реализующим управленческие интересы общества и выполняющим ряд важнейших функций: реализацию публичного интереса граждан; управление, защиту общественных отношений; нормотворчество; контроль и обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Библиографические ссылки

1. Рачинский, В. В. Публичная власть как общеправовая категория (теоретико–прикладной аспект): дис. ...канд.юрид. наук:12.00.01. Уфа, 2003. С. 195.
2. Мигачев, Ю. И. Административное право Российской Федерации : учеб. для вузов. 5-е. изд. М. : Юрайт, 2023. С. 456.
3. Крамник, А. Н. Исполнительная власть и государственное управление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.law.bsu.by/pub/26/ Kramnik_14.pdf](http://www.law.bsu.by/pub/26/Kramnik_14.pdf). – Дата доступа: 02.02.2023.
4. Василевич С.Г. Государственное управление. Проблемы и пути повышения эффективности: монография. М.Юнити–Дана, 2017. С. 352.
5. Купреев, С. С. Содержание государственного управления: от конфронтации к компромиссу // Право и политика. 2013. № 6. С. 753–758.
6. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. С. 484.
7. Административное право России. Общая часть : учеб. для вузов / П.П.Кононов; под общ. ред. П. И. Кононова. Изд. 2-е. М.; Вятка : Дом печати - ВЯТ-КА, 2006. С. 410.
8. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. М.: Юрид. лит., 1997. С. 400.
9. Зерчанинова, Т. Е. Социальная эффективность управления городов // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2010. № 3 (12). С.83-88.

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЕНЧУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, volhakun@mail.ru*

В статье проводится анализ правовых условий осуществления венчурных инвестиций в Республике Беларусь. Обозначены основные проблемные аспекты деятельности венчурных организаций, создаваемых для осуществления инвестиций в инновационные проекты. Выявлены неполнота регулирования в сфере инвестиций, наличие законодательных препятствий в области венчурного финансирования, перспективы совершенствования законодательства.

Ключевые слова: инвестиции; венчурный инвестор; инновационная инфраструктура; английское право; инновационный фонд.

DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND INVESTMENTS UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. M. Kunitskaya

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030 Minsk, Belarus, volhakun@mail.ru*

The article analyzes the legal conditions for the implementation of venture investments in the Republic of Belarus. Taking into account the peculiarities of the formation of venture investments in the country and their legal regulation, the main problematic aspects of the activities of venture organizations created to invest in innovative projects are identified.

The results of the study indicate the incompleteness of regulation in the field of investment, the presence of legislative obstacles in the field of venture financing, the unsystematic nature of domestic investment legislation, prospects for improving legislation.

Keywords: investments; venture investor; innovation infrastructure; English law; innovation fond.

Переход к интенсивному типу расширенного производства, в основе которого лежит инновационная деятельность, обеспечивает явные преимущества развития социально-экономической системы той или иной страны. И в западной, и в отечественной литературе это связывается с понятием инновационного процесса и с активным процессом инвестиро-

вания. Любая модель хозяйствования в государстве должна быть подчинена ряду основных целей, одна из которых – стимулирование инновационной активности [1, с. 92].

Основу ресурсного обеспечения инновационной деятельности составляют инвестиции, отсутствие которых делает процесс создания и внедрения нововведений невозможным. Ресурсное обеспечение перевода хозяйственных систем на инновационный тип развития как функция инвестиций обусловлена объективной связью фактора инвестиций с инновационными факторами, их участием в научно-технической и инновационной деятельности. Понятия «инвестиции» и «инновации» неразрывно связаны между собой. Это также прослеживается в классификации инвестиций по объектам: финансовые ресурсы; материальные ресурсы; интеллектуальные ценности (патенты, ноу-хау, технологии) [1, с. 92].

При таких обстоятельствах наблюдается резкое возрастание значения венчурного капитала.

Создание правовых и организационных условий для развития венчурного финансирования и венчурного предпринимательства в Республике Беларусь было названо в числе основных направлений построения национальной инновационной системы еще в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2007-2010 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 г. № 136. В настоящее время принята и реализуется Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348. Перечень проектов программы по созданию новых производств утверждается Советом Министров (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2021 г. № 642 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348») и ежегодно дополняются. Данные проекты признаются инвестиционными.

В Республике Беларусь имеются нормативные правовые акты, регулирующие данные вопросы: Положение о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 3 января 2007 г. № 1 (далее – Положение), Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. «О Государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь». Также в состав законодательства о венчурном финансировании входит Указ Президента Республики Беларусь от 25 марта 2008 г. № 174 «О совершенствовании деятельности Белорусского инновационного фонда». С внесением изменений и дополнений в данное законодательство с 2010 г. Белорусский инновационный фонд, финансирующий инновационные

проекты на возвратной основе, по статусу стал государственным венчурным фондом. Планируется софинансирование рыночных венчурных фондов с частным капиталом, которые предоставляют инвестиции технологическим стартапам, имеющим центры разработки в Беларуси [2, с. 23].

Учитывая, что рынок венчурных инвестиций базируется на взаимодействии венчурных фондов и инновационных организаций, в законодательстве необходимо предусмотреть предоставление права Белорусскому инновационному фонду финансировать инновационные и венчурные проекты, используя нормы английского права, апробированные в пределах ПВТ (договоры конвертируемого займа, соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, опционного договора, соглашения о возмещении имущественных потерь, о неконкуренции, предоставление безотзывных доверенностей). Так называемое «нормы английского права», заложенные в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» составляют особый правовой режим Парка высоких технологий, что позволяет структурировать венчурные сделки с его резидентами.

Для практики Беларуси заслуживает внимания опыт Российской Федерации, где к средствам венчурного инвестирования относятся закрытый паевой инвестиционный фонд долгосрочных прямых инвестиций, инвестиционное товарищество и хозяйственное партнерство, целью введения которых и стала реализация венчурных проектов. Кроме того, апробирован институт квалифицированного инвестора, который может быть использован для венчурного финансирования.

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2022 г., № 197-3 «Об изменении законов по вопросам рынка ценных бумаг» в Беларуси вводятся институты квалифицированного инвестора на рынке ценных бумаг, иностранного номинального держателя, представителя владельцев облигаций, а также депозитарных и структурных облигаций, стрип-облигаций.

Квалифицированные инвесторы смогут работать с данными облигациями. Депозитарные облигации, являясь достаточно рискованым инструментом, будут использоваться прежде всего стартапами для привлечения венчурного финансирования на начальных этапах их жизненного цикла.

Указ Президента Республики Беларусь от 27 апреля 2023 г. № 126 «Об изменении указов Президента Республики Беларусь», направленный на реализацию положений вышеназванного Закона, развитие рынка ценных бумаг, усиление защиты интересов инвесторов – владельцев облигаций и стимулирование инвестиционной активности на рынке ценных бумаг, закрепил необходимость проведения экспертизы оценки имущества, залогом которого обеспечивается исполнение обязательств по облигаци-

ям. До полного исполнения обязательств по облигациям ограничивается возможность расторжения или изменения договоров о предоставлении поручительства, о страховании ответственности эмитента и о выдаче банковской гарантии. Данный Указ также предусматривает право юридических и физических лиц, иностранных профессиональных участников самостоятельно совершать сделки с ценными бумагами на фондовой бирже.

В Инструкции Министерства финансов Республики Беларусь о порядке обращения ценных бумаг на территории Республики Беларусь, утв. постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 5 июля 2023 г. № 36 «Об изменении постановлений Министерства финансов Республики Беларусь от 23 мая 2016 г. № 33 и от 31 августа 2016 г. № 76» раскрыто понятие квалифицированных инвесторов на рынке ценных бумаг. Определено, не только то, что сделки со структурными облигациями вправе совершать квалифицированные инвесторы, но и уточнены требования к порядку совершения сделок на неорганизованном рынке, дополнительные требования к порядку приобретения простых (обыкновенных) акций ОАО.

Основной задачей введения категории квалифицированного инвестора является создание цивилизованного рынка, на котором могут обращаться различные инвестиционно привлекательные категории финансовых инструментов, при этом инвестирование в наиболее рискованные, а значит, и потенциально наиболее доходные инструменты, будет доступно только квалифицированным инвесторам [3, с. 55].

Таким образом, в последнее время снимается ряд барьеров осуществления инвестиций, затрудняющих развитие венчурного инвестирования. Комфортность условий венчурного инвестирования, отраженных в законодательстве (правовой среды), является одним из основных параметров, определяющих успешность венчурной деятельности. Важным является соблюдение соответствия целей государства, направленных на развитие и внедрение новых технологий и целей инвесторов, заинтересованных в эффективности инвестирования. Новые формы венчурного инвестирования, должны обеспечить инвесторам дополнительные возможности и способствовать росту объема венчурных инвестиций.

В Республике Беларусь по-прежнему имеется высокий потенциал для привлечения венчурных инвесторов, связанный с высоким и устойчивым уровнем развития IT сектора с его известными стартапами мирового масштаба.

Необходимой предпосылкой успешного функционирования венчурного инвестирования и успешного инновационного развития является также наличие сети венчурных фондов, имеющей ряд уровней (напри-

мер, республиканский, региональные, отраслевые, специализированные фонды; международные (двусторонние или многосторонние) фонды (поддержка совместных венчурных проектов), иные венчурные фонды).

Библиографические ссылки

1. Глухарев, К.А. Инновации и инвестиции: сущность, взаимодействие и роль в воспроизводственном процессе // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 92-97.

2. Калинин, Д. Венчурный фонд с государственным участием: особенности и проблемы управления // Банковский вестник. 2020. С. 15-24.

3. Шалевая, А. В. Особенности правового статуса квалифицированного инвестора // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 14. Вып. 1. С. 54-58.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Е. Н. Мазаник, Д. А. Шинкарук

*Белорусский государственный экономический университет,
пр-т Рокоссовского, 65, 225094, г. Минск, Беларусь,
mazanik.e@mail.ru, daniil.shinkaruk@gmail.com*

Возникновение новых общественных отношений с использованием информационных технологий требует, идущего в ногу со временем, правового регулирования как на национальном, так и на международном уровнях. В статье рассматриваются международные стандарты, концептуальные подходы к правовому регулированию общественных отношений в условиях цифровизации общества в зарубежных странах и Республике Беларусь.

Ключевые слова: международные стандарты; правовое регулирование; цифровизация; цифровые права; кодификация.

LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION IN FOREIGN COUNTRIES

E. N. Mazanik, D. A. Shinkaruk

*Belarusian State Economic University,
Rokossovsky Ave., 65, 225094, Minsk, Belarus,
mazanik.e@mail.ru, daniil.shinkaruk@gmail.com*

The emergence of new social relations using information technology requires legal regulation, keeping up with the times, both at the national and international levels. The article discusses international standards, conceptual approaches to the legal regulation of public relations in the context of digitalization of society in foreign countries and the Republic of Belarus.

Key words: international standards; legal regulation; digitalization; digital rights; codification.

В последние время информационные технологии, которые интегрируются во все сферы жизни общества, стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие государств и международное сотрудничество между ними. Возникновение новых общественных отношений требует,

идущего в ногу со временем, правового регулирования как на национальном, так и на международном уровнях.

Вступление мирового сообщества в новую информационную эпоху повлекло за собой ряд изменений в международно-правовом регулировании и законодательстве современных государств. Претерпели изменения экономические, политические, социальная и другие сферы общественных отношений.

Большинство государств интегрировано в мировое цифровое пространство в различных сферах общественных отношений, которые требуют актуального для современных реалий правового регулирования.

Информационные технологии позволяют эффективно осуществлять международное сотрудничество по разным направлениям деятельности. Основой для эффективного сотрудничества являются международные стандарты, которые, как правило, принимаются на универсальном или региональном уровнях, закрепляются в международных актах и отражают мнение большинства субъектов, участвующих в их разработке.

Отдельные авторы считают, что международно-правовые стандарты в эпоху цифровизации условно можно разделить два вида.

1. Основные принципы и права, которые человек имеет в обычной жизни, закрепленные в фундаментальных актах, например, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., и которые должны быть также защищены при использовании Интернета. Данный подход также закреплен и подтверждается пунктом 9 Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 2015 г.

2. Принципы и права, которые возникли непосредственно в связи с развитием технологий и внедрением их в повседневную жизнь, в экономику, в государственное управление, те явления, которые и вызвали расширение правового регулирования и его переход в виртуальное пространство. К таким можно отнести отношения, связанные с обработкой персональных данных, электронными доказательствами, киберпреступностью, оборотом больших данных (Big Data), цифровым следом и проч. [1, с. 24].

Опираясь на вышеуказанное мнение, представляется возможным полагать, что международные стандарты в сфере цифровизации экономики могут классифицироваться по различным критериям:

- 1) исходя из субъектов, их принявших: на универсальные, региональные, выработанные для сотрудничества отдельных государств;
- 2) содержащиеся в международных актах рекомендательного характера, международных договорах и актах органов международных организаций;

3) исходя из сфер сотрудничества: в экономической сфере, в обеспечении и защите информационных прав человека, в борьбе с киберпреступностью, по вопросам информационной безопасности государства и т.д.

В тоже время государства вырабатывают собственные концепции цифрового развития на которых основывается национальное законодательство. Например, в Китае приняты Инструктивные указания Госсовета КНР по активному продвижению действия программы «Интернет+» (2015 г.), Стратегия «Сделано в Китае — 2025», План развития искусственного интеллекта (ИИ) нового поколения. В 2017 г. в Великобритании принят Закон «О цифровой экономике». Также 2017 г. также представлена Стратегия развития цифровых технологий. Германия реализует проект «Индустрия 4.0». Данная концепция предложена в 2011 г. Долгосрочные комплексные стратегические планы для развития цифровой экономики приняты: в Сингапуре — программа «Умная нация», в Финляндии — Стратегическая программа Правительства 2015 г. и План действий для реализации ключевых проектов и реформ, в Израиле — Национальная инициатива «Цифровой Израиль», Национальная стратегия цифровой экономики в Австралии.

Анализ свидетельствует о том, что законодательство зарубежных стран демонстрирует различные векторы развития. Общественные отношения, связанные с «цифровизацией», регламентируются широким кругом актов, в числе которых:

- акты стратегического планирования (Республика Беларусь, Республика Казахстан);
- программные и прогнозные документы (Республика Казахстан, Республика Армения);
- специальные законы (Франция – Закон «О цифровой республике» (2016 г.), Великобритания – Закон «Об электронной экономике» (2017 г.), Европейский парламент одобрил нормы гражданского права о робототехнике (16 февраля 2017 г.), Германия признала биткоин в качестве платежного средства (27 февраля 2018 г);
- подзаконные акты [2].

Таким образом, наблюдается многообразие реакций как национального законодательства, так и международного права на цифровизацию. Очевидно, что на всех уровнях есть понимание необходимости правового воздействия на протекающие процессы, однако применение четких стратегий пока не прослеживается. В мире идет поиск оптимальной модели нормативного правового регулирования общественных отношений, возникших в связи с цифровизацией [2].

На наш взгляд следует согласиться с точкой зрения авторов, которые отмечают, что «в Республике Беларусь принимается достаточно большое количество новых норм, направленных на упорядочение отношений в Интернете, вносятся изменения в действующее законодательство» [3, с. 28]. По мнению профессора В.Д. Зорькина «Развитие информационных технологий за два последних десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности. Цифровые технологии проникают в сложившиеся отношения и институты (банковские операции в онлайн-режиме, электронные библиотеки и т.д.). Более того, речь идет о создании новой реальности, не имеющей аналогов в прежнем мире» [4].

Отметим, что вопросы трансформации правового регулирования различных сфер общественных отношений в цифровую эпоху находятся в центре внимания белорусской юридической науки. В то же время, обеспечению прав человека уделяется особое внимание.

По мнению В.Н. Кивеля и А.В. Кивель «для оценки значения правовой трансформации под влиянием цифровых технологий исходным значением служит современное доктринальное понимание правового статуса личности, включающего в свою структуру права и свободы индивида, его обязанности, гарантии их реализации, а также ответственность человека перед государством и иными субъектами общественных отношений» [3, с. 29]. В связи с активным внедрением цифровых технологий в право классические права и свободы человека приобретают новые аспекты. Таким образом научное сообщество начинает говорить о цифровых правах.

Под цифровыми правами, по мнению отдельных авторов понимаются «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также телекоммуникационных сетей, в частности сети Интернет» [4], а также «Цифровые права человека – это, по сути, конкретизация универсальных прав человека, гарантируемых международным правом и конституциями государств посредством закона и правоприменительных актов применительно к потребностям человека в обществе, основанном на цифровизации» [3, с. 30].

Как справедливо отмечает профессор В.Д. Зорькин «Задача государства – на основе Конституции и с учетом международных документов – признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства» [4].

Одним из первых документов, закрепивших распространение принципов невмешательства в частную жизнь при обработке персональных данных в информационном пространстве, стала Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных

1981 г. Далее в 1995 г. ЕС принял Директиву № 95/46 ЕС» [3, с. 30]. В 2018 году данный документ утратил силу после вступления в силу Общего регламента по защите персональных данных ЕС. Таким образом ЕС был, по существу, первым разработчиком правовых основ для защиты персональных данных [3, с.30].

Если говорить о Республике Беларусь, то правовые основы защиты персональных данных здесь начали формироваться относительно недавно. Основным нормативным правовым актом, регулирующим указанную сферу общественных отношений, является Закон Республики Беларусь 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Как справедливо отмечает белорусский правовед К.В. Лапутько: «Принятие в Республике Беларусь Закона о защите персональных данных стало новой вехой в развитии правового регулирования в данной сфере» [5, с. 111].

Отметим, что в результате проведения 27 февраля 2022 г. Республиканского референдума в Конституцию были внесены изменения, касающиеся и защиты персональных данных. Так, ст. 28 Конституции была дополнена частью второй, в соответствии с которой государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании [6].

Наличие многообразия законов, регламентирующих информационные правоотношения, по мнению отдельных авторов, ведет к разрозненности правовых норм и, следовательно, создает проблемы для правоприменения. Становится очевидным, что вышесказанная проблема требует выработки путей ее решения. В юридической литературе высказывается мнение, о необходимости принятия единообразного нормативного правового акта, который бы регламентировал информационные правоотношения, т.е. в литературе высказывается позиция о принятии информационного кодекса как способа решения вышеупомянутой проблемы. Так, В.Н. Кивель и А.В. Кивель считают, что «... для систематизации информационного законодательства необходимо объединить его в один нормативный правовой акт и принять Информационный кодекс Республики Беларусь [3, с. 30]. Ю.Г. Иванцова и Е.Н. Кудряшова пишут: «... посредством кодекса как формы кодифицированного акта осуществляется всестороннее правовое регулирование определенных общественных отношений. В большинстве случаев норм кодекса вполне достаточно, для решения того или иного правового казуса и в связи с чем отпадает необходимость обращения к другим законодательным и подзаконным актам» [7, с. 37].

На основании вышеизложенного представляется возможным полагать, что несмотря на наличие международных стандартов скорость изменений в области информационно-коммуникационных технологий не способствует своевременному и системному правовому регулированию

на национальном уровне. Законодательство государств должно предусматривать и возможные негативные последствия использования информационных технологий. К примеру, предусматривать защиту персональных данных граждан, их интеллектуальных прав, вопросы информационной безопасности и т.д.

В Республике Беларусь существует большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих информационные отношения. По нашему мнению, это создает определенную проблему в реализации норм, содержащихся в информационном законодательстве нашей республики на практике. В этой связи представляет научный и практический интерес мнение авторов относительно систематизации законодательных актов, регулирующих информационные правоотношения в единый кодифицированный акт и принятия Информационного кодекса Республики Беларусь. В зарубежных странах идет поиск оптимальных подходов к правовому регулированию общественных отношений, возникающих в связи с развитием информационных технологий, однако, как указывалось выше, применение четких стратегий пока не прослеживается.

Библиографические ссылки

1. Воронов, А.М. Международно-правовые стандарты цифровой экономики // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № (3). С. 23–29.
2. Доклад «Право перед вызовами цифровой реальности». – Режим доступа: https://izak.ru/img_content/pdf/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%B2%D1%8B%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf. Дата доступа: 08.09.2023.
3. Кивель, В. Н. Конституционно-правовые основы прав личности в сети Интернет // Право.by. 2022. № 3. С.28–34.
4. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс] // Рос. Газета. – 2018. Столичный выпуск № 7578 29 мая. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovy-prava-grazhdan.html>. Дата доступа: 08.09.2023.
5. Лапутько, К. В. К вопросу о неприкосновенности частной жизни и защите данных // Право.by. 2022. № 1. С. 111–115.
6. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Эталон –Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
7. Иванцова, Ю. Г. Кодексы как оптимальная форма кодифицированных актов и некоторые требования юридической техники, предъявляемые к ним // Юстиция Беларуси. 2020. № 2. С. 35–37.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е. В. Максименко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, MAKSIMENKAEV@bsu.by*

В статье рассмотрены основные аспекты применения новых технологий и информационных систем в строительной деятельности, позволяющих повысить эффективность бизнес-процессов, ускорить процессы принятия управленческих решений, оптимизировать взаимодействие субъектов, а также тенденции правового регулирования создания единой информационной среды в строительной отрасли.

Ключевые слова: строительная отрасль; государственное регулирование; технологии; информационные системы.

STATE REGULATION CONSTRUCTION INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

E. V. Maksimenko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, MAKSIMENKAEV@bsu.by*

The article discusses the main aspects of the use of new technologies and information systems in construction activities, which make it possible to increase the efficiency of business processes, speed up management decision-making processes, optimize the interaction of subjects, as well as trends in legal regulation of creating a unified information environment in the construction industry.

Keywords: building sector; state regulation; technologies; information systems.

В современном мире применение технологий привело к развитию и ускорению всех процессов в экономической сфере. Новые технологии стали необходимостью, значительно повлияли на подходы к обработке информации и увеличению объемов обрабатываемой информации, что позволяет повысить эффективность бизнес-процессов, ускорить процессы принятия управленческих решений и оптимизировать взаимодействие субъектов.

В строительной отрасли, которая является базовой отраслью экономики, информатизация и цифровизация стали одними из приоритетных направлений развития.

Существенные изменения в строительстве, вызвавшие ряд трудностей в области управления и организации строительного производства, связаны с повышением требований к строящимся объектам, увеличением доли капитальных вложений на строительство и реконструкцию, повышением требований к качественным характеристикам строящихся объектов. Опыт различных стран, показывает, что в конкурентной среде успеха добиваются организации, применяющие современные методы управления [1].

В связи с этим внедрение информационных систем и технологий в управленческую деятельность приобретает первостепенное значение.

В деятельности строительных организаций информационные технологии всегда играли значительную роль, разработаны и применяются различные программные комплексы, которые используются на разных этапах строительного процесса.

Однако потребность в своевременной, качественной, оперативной информации вызывает необходимость создания информационных систем и технологий на новой технической и технологической основе.

Переход строительства в новое, цифровое пространство является закономерным процессом, поскольку позволяет эффективно работать с массивом данных и управлять строительством, увеличивать прибыль, а также сокращать сроки стройки.

Вопросы цифровой трансформации строительной отрасли обозначались в Директиве Президента Республики Беларусь от 04.03.2019 № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли», в качестве основных задач определялись переход на электронное взаимодействие всех участников инвестиционно-строительного процесса и создание единой информационной среды в строительной отрасли.

Задачи формирования информационной среды нашли свое непосредственное отражение в новом системном законодательном акте – Кодексе Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17.07.2023 № 289-З (далее – Кодекс), его основные положения вступят в силу 23 июля 2024 года. Кодекс был разработан и принят в соответствии с требованиями Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства», в котором определялась необходимость совершенствования и упрощения требований к архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, минимизации административных процедур и вмешательства государственных органов в строительную деятельность.

В статье 48 Кодекса нормативно закреплено, что формирование единой информационной среды в строительной отрасли, включающей градостроительный кадастр, государственную информационную систему «Госстройпортал», республиканский фонд проектной документации и республиканский банк данных объектов-аналогов на строительство объектов, будет возложено на организации, уполномоченные Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь.

Функции и задачи государственной информационной системы «Госстройпортал», которая создана как многофункциональная система с современными подходами к организации взаимодействия участников жизненного цикла объекта строительства на всех его этапах, урегулированы в статье 49 Кодекса.

С помощью ГИС «Госстройпортал» должны обеспечиваться:

- автоматизация последовательности действий при осуществлении инвестиционных проектов в строительстве, раскрывающих основные стадии этого процесса (от инвестиционного замысла до введения в эксплуатацию построенного объекта) и установленные законодательством требования, условия и административные процедуры, соблюдение которых обязательно при прохождении этих стадий;
- информационное взаимодействие с государственными информационными ресурсами посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы;
- осуществление административных процедур в электронной форме, а также оказание электронных услуг посредством единого портала электронных услуг общегосударственной автоматизированной информационной системы;
- сбор информации о текущем и перспективном состоянии объекта на любом этапе его жизненного цикла, хранение указанной информации, обусловленное технологией функционирования ГИС «Госстройпортал», оказание информационных услуг на основе этой информации;
- сбор и хранение информации, необходимой для формирования единой информационной среды в строительном комплексе, включая каталогизацию и формирование банка данных по текущим (отпускным) ценам на продукцию, используемую в строительстве, оказание информационных услуг на основе этой информации;
- размещение необходимых информационных ресурсов и электронных сервисов (ссылок на них) для предоставления информационных услуг;

– содействие разработке, внедрению и развитию технологии информационного моделирования на всех этапах жизненного цикла объекта [2].

ГИС «Госстройпортал» размещается на базе республиканской платформы, действующей на основе технологий облачных вычислений с учетом требований по защите информации от неправомерных действий. Предусмотрено, что пользователями данной системы будут являться юридические и физические лица, являющиеся участниками жизненного цикла объекта и другие субъекты архитектурной, градостроительной и строительной деятельности.

Аналогичные процессы в части создания и правового регулирования информационных систем в строительной отрасли можно проследить и в Российской Федерации. Так, с 1 сентября 2023 года вступили в силу изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации, внесенные Федеральным законом от 19.12.2022 № 541-ФЗ, предусматривающие создание единой государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности «Стройкомплекс.РФ».

Соответствующие изменения внесены в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В дополненной статьей 56¹ Градостроительном кодексе Российской Федерации единая информационная система определена как государственная информационная система, функционирующая на основе программных, технических средств и информационных технологий, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации, сведений, документов и материалов о развитии территорий и их застройке, о существующих и планируемых к размещению объектах капитального строительства и иных необходимых для осуществления градостроительной деятельности сведений.

Кроме того, в нее будут включаться реестр документов, содержащий документы, сведения, материалы, согласования, предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации и необходимые застройщику, техническому заказчику для выполнения мероприятий при реализации проектов по строительству объектов капитального строительства, реестр требований в области инженерных изысканий, проектирования, строительства и сноса, а также классификатор строительной информации.

В развитие норм закона 26 августа 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации № 1389 утверждены Правила создания, развития, эксплуатации и ведения государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности «Стройкомплекс.РФ»

Предполагается, что государственная информационная система «Стройкомплекс.РФ» будет интегрирована с Единым государственным реестром недвижимости, системой жилищного строительства и региональными государственными информационными системами обеспечения градостроительной деятельности.

Запуск единой информационной системы позволит оперативно корректировать информацию об актуальных процедурах в строительстве и обеспечивать участников строительной отрасли достоверной информацией о нормативных требованиях. Это в свою очередь даст возможность повысить качество управленческих решений и сократить время строительства и его себестоимость [3].

Можно отметить, что принятые как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации, нормативные правовые акты последовательно формируют законодательную основу для дальнейшей цифровизации строительства, значительного сокращения инвестиционно-строительного цикла и снижения административной нагрузки.

На современном этапе задачей государства является упрощение механизмов для инвестора и сокращение его издержек, что позволит привлекать инвестиции в строительную отрасль, решая тем самым социально-экономические задачи и способствовать развитию экономики в целом.

Библиографические ссылки

1. Полумордвинова, А. О. Управление бизнес-процессами строительной организации на основе когнитивно-графовой модели: диссертация ... кандидата технических наук: 05.13.10 / Полумордвинова Анна Олеговна; [Место защиты: Астрахан. гос. техн. ун-т]. Астрахань, 2013. С. 145.

2. Кодекс об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [Электронный ресурс]: 17 июля 2023г., № 289-З: принят Палатой представителей 28 июня 2023 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Правительство утвердило правила развития единой информационной системы «Стройкомплекс.РФ» [Электронный доступ]. URL: <http://government.ru/news/49362/> (дата обращения: 07.09.2023).

НОРМАТИВНЫЕ И НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

А. Р. Малаховский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, malakhovskyaalex@gmail.com*

В статье рассматриваются нормативные и теоретические подходы по вопросу определения налоговой проверки. На основании детального анализа положений национального законодательства и научных воззрений предлагается авторское определение вышеуказанного понятия.

Ключевые слова: государство; налогоплательщик; налоговые отношения; финансовый контроль; налоговый контроль; проверка; налоговая проверка.

REGULATORY AND SCIENTIFIC ASPECTS OF TAX REVIEW DEFINITION

A. A. Malakhovski

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, malakhovskyaalex@gmail.com*

The article discusses regulatory and theoretical approaches to determining tax audits. Based on a detailed analysis of the provisions of national legislation and scientific views, an author's definition of the above concept is proposed.

Keywords: state, taxpayer, tax relations, financial control, tax control, audit, tax audit.

Основным методом финансового контроля во всех сферах является проверка. Проверки играют главную роль в системе финансового контроля. Данный вид контрольных мероприятий является основным инструментом в деятельности контролирующих органов, позволяющим наиболее полно и основательно проверить финансово-хозяйственную деятельность предприятия: правильность ведение бухгалтерского учета, хозяйственных операций, операций по уплаты налогов (сборов) и исполнение налогоплательщиком других обязанностей, возложенных на него законодательством о налогах и сборах и др.

Впервые легальная дефиниция «проверка» была закреплена в Указе Президента Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 673 «О некоторых мерах по совершенствованию координации деятельности контролирующих органов Республики Беларусь». В рамках данного нормативного

акта под проверкой финансово-хозяйственной деятельности понимался способ контроля, в процессе которого устанавливаются законность и достоверность совершаемых хозяйственных и финансовых операций по одному или нескольким взаимосвязанным направлениям финансово-хозяйственной деятельности субъекта предпринимательской деятельности.

В рамках Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», что легальное понятие рассматриваемого метода появилось не сразу, а с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 26 июля 2012 г. № 332 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», который определил проверку как форму контроля (надзора), в ходе которого контролирующий (надзорный) орган проверяет соответствие деятельности, осуществляемой проверяемыми субъектами, требованиям законодательства и при выявлении нарушений законодательства применяет полномочия, предоставленные законодательными актами в целях пресечения нарушений и устранения их вредных последствий.

В рамках налогового законодательства речь, в первую очередь, речь идет не о об определении проверки (в данном случае, п. 1 ст. 71 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) оговаривает, что порядок организации и проведения проверок устанавливается Президентом Республики Беларусь, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь), а об определении методах и способах ее проведения, что, по нашему мнению, можно рассматривать как равнозначные понятия. Так, подп. 1.2 п. 1 постановления Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 30 апреля 2019 г. № 24 «О методах и способах проведения проверок налоговыми органами и установлении форм документов» под методами и способами проведения проверок понимаются контрольные (проверочные) действия, мероприятия, приемы, выполняемые (используемые) проверяющими в ходе проверки в целях изучения вопросов, подлежащих проверке.

Определенный недостаток законодательного дефинирования проверки, в первую очередь, налоговой, серьезным образом компенсируется доктринальными подходами по данному вопросу. Как верно замечает С.В. Гвоздев, «проблема точного определения такой правовой формы контрольно-надзорной деятельности налоговых органов, как налоговая проверка, имеет важное значение для уяснения ее правовой природы и проведения возможно более подробной регламентации ее содержательной (процессуальной) стороны» [1, с. 23]. В финансово-правовой и налогово-правовой науках в настоящее время существует достаточно обшир-

ная совокупность дефиниций проверки. С точки зрения Ю.А. Крохиной «проверка представляет собой один из основных методов финансового контроля и предусматривает исследование определенного круга вопросов с целью выявления нарушений финансового законодательства» [2, с. 157–158]. В другом учебном пособии, данный автор приводит более широкое понятие рассматриваемого явления в налоговом контексте: «Налоговая проверка – это основная форма налогового контроля, представляющая собой комплекс процессуальных действий уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах и осуществляемая посредством сопоставления отчетных данных налогоплательщиков с фактическим состоянием его финансово-хозяйственной деятельности» [3, с. 321].

М.С. Белова, В.А. Кинсбургская, А.А. Ялбуганов налоговую проверку детерминируют как «специфическую форму налогового контроля, осуществляемую посредством выездных и камеральных налоговых проверок, которые проводятся должностными лицами налоговых органов с целью контроля за соблюдением налогоплательщиками, плательщиками сборов и налоговыми агентами законодательства о налогах и сборах» [4, с. 14].

Известный российский ученый С.О. Шохин предлагает следующее определение проверки: «Под проверкой понимается контрольное действие по определенному кругу вопросов, участку или эпизоду финансово-хозяйственной деятельности ревизируемой организации. Проверка представляет единичное контрольное действие или исследование состояния дел на определенном участке деятельности проверяемой организации» [5, с. 90]. Идентичную точку зрения высказывают В.М. Родионова и В.И. Шлейников: «Проверка – метод финансового контроля, представляющий собой единичное контрольное действие или исследование состояния дел на определенном участке деятельности проверяемой организации» [6, с. 35].

При категоризации налоговой проверки А.В. Демин больше внимания уделяет ее целевым аспектам: «Налоговую проверку можно определить как совокупность контрольных действий налогового органа по документальной и фактической проверке законности исчисления, удержания и перечисления налогов и сборов налогоплательщиками и налоговыми агентами» [7, с. 275].

С.В. Жданов определение налоговой проверки связывает со «специальной операцией налоговых органов, осуществляемой в установленном порядке исключительно в рамках их основных профессиональных задач, круг которых определяется налоговым законом» [8, с. 37]. По нашему мнению, отождествлять налоговую проверку со специальной операций, в

определенной степени, указывает на потенциальное превышение должностными лицами контролирующих органов дискреционных полномочий в целях реализации мер бюджетной фискализации.

Достаточно широкое определение проверки в налоговой сфере предлагают М.В. Кустова, О.А. Ногина, Н.А. Шевелева: «Налоговая проверка представляет собой совокупность специальных приемов налогового контроля, применяемых уполномоченными органами с целью установления достоверности и законности отражения объектов налогообложения и порядка уплаты налогов и сборов в документах, отчетах, бухгалтерских балансах и других носителях информации. В ходе проверки осуществляется всестороннее изучение финансово-хозяйственных операций организаций или физических лиц с объектами налогообложения» [9, с. 295].

Л.В. Спирина полагает, что «налоговая проверка – совокупность специальных приемов налогового контроля, применяемых уполномоченными органами с целью установления достоверности и законности отражения объектов налогообложения и порядка уплаты налогов и сборов в бухгалтерской отчетности и других носителях информации» [10, с. 6–7]. Как деятельность соответствующих государственных органов в налоговой сфере при определении налоговой проверки можно наблюдать у Ю.А. Крохиной и Н.П. Кучерявенко, которые ведут речь о том, что «налоговая проверка представляет собой комплекс процессуальных действий уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах, осуществляемый посредством сопоставления отчетных данных налогоплательщиков с фактическим состоянием его финансово-хозяйственной деятельности» [11, с. 306].

В понимании Ю.Ф. Кваши организационный аспект реализуется через налоговую администрацию, которая, в понимании данного, автора составляет систему налоговых органов: «Налоговой проверкой называется процессуальное действие налоговой администрации по контролю за соблюдением налогового законодательства, правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты налогов и сборов, осуществляемое путем сопоставления фактических данных, полученных в результате налогового контроля, с данными налоговых деклараций и иных отчетных документов, представляемых налогоплательщиками в налоговые органы» [12, с. 21].

В.А. Тимошенко, Л.В. Спирина полагают, что «налоговая проверка – составная часть финансовых проверок, в том числе проверок процедур государственной регистрации и учета налогоплательщиков, отчетности и поступлений в бюджеты платежей от налогоплательщиков, проверок объектов, подлежащих налогообложению, и других сфер финансово-

хозяйственной деятельности налогоплательщиков» [13, с. 15]. Данное мнение во многом восходит к декларированному нами неоднократно соотношения финансовых и налоговых отношений как общего и частного.

Т.Ю. Курбатов считает, что «налоговая проверка – это регламентированная нормативными правовыми актами о налогах и сборах единственная форма налогового контроля, состоящая из проводимого налоговым органом комплекса мероприятий по проверке с использованием методов налогового контроля правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты (перечисления) налогов и сборов, проводящаяся по инициативе налогового органа или налогоплательщика с возможностью дальнейшего обжалования ее результатов в установленном порядке» [14, с. 8]. В данном определении можно поставить под сомнение то, что под налоговой проверкой предлагается понимать единственную форму налогового контроля.

Данный автор, вместо термина «налоговая проверка» предлагают использовать другой, научное рассмотрение которого позволяет все-таки идентифицировать его как рассматриваемый нами метод контрольной деятельности. Например, Т.Ю. Курбатовым, в целях единообразного понимания правовой природы налогового контроля, выработано определение понятия «мероприятие налогового контроля», под которым подразумевается «совокупность методов и иных средств воздействия, используемых должностными лицами налоговых органов при проведении ими налоговой проверки как единственной формы налогового контроля» [14, с. 9].

Проанализировав научные и легальные подходы по вопросу дефинирования проверки, в том числе налоговой, сформулируем следующее авторское определение налоговой проверки, под которой следует понимать метод финансового контроля, представляющая собой совокупность предусмотренных законодательством контрольных мероприятий, проводимых должностными лицами налоговых органов в пределах установленных для них дискреционных полномочий, обеспечивающих полноту и своевременность уплаты обязательных платежей.

Библиографические ссылки

1. Гвоздев, С.В. Правовые формы контрольно-надзорной деятельности налоговых органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2004. 197 л.
2. Крохина, Ю.А. Налоговое право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2019. С. 752.
3. Крохина, Ю.А. Финансовое право России : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2018. С. 719.

4. Белова, М.С. Налоговый контроль и ответственность: анализ законодательства, административной и судебной практики. М. : Academia, 2008. С. 416.
5. Финансовое право : учебник / Е.М. Ашмарина [и др.] ; отв. ред. Е.М. Ашмарина, С.О. Шохин. М. : Элит-2000, 2018. С. 750.
6. Родионова, В.М. Финансовый контроль : учебник. М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2002. С. 320.
7. Демин, А.В. Налоговое право России : учеб. пособие / А.В. Демин. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 424.
8. Жданов, С.В. Понятие и процессуальные основы налоговых проверок в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2005. 180 л.
9. Налоговое право : учебник / С.Г. Пепеляев [и др.] ; под ред. С.Г. Пепеляева. – М. : Альпина Паблишер, 2015. С. 796.
10. Спирина, Л.В. Налоговые проверки : учебно-практ. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Экзамен, 2006. С. 412.
11. Налоговое право России : учебник / Н. С. Бондарь [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Крохина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Норма, 2007. С. 752.
12. Налоговый контроль: налоговые проверки и производство по фактам налоговых правонарушений : учебно-практ. пособие / Р.Ф. Альбилов [и др.] ; под ред. Ю.Ф. Кваши. – М. : Юрист, 2001. С. 540.
13. Тимошенко, В.А. Проверки налоговых органов : учеб.-практ. пособие. – М. : «Дашков», 2009. С. 302.
14. Курбатов, Т.Ю. Правовые формы и методы налогового контроля : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. – М., 2015. Л. 215.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА КАК СУБЪЕКТА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. А. Минич

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, ekabpils75@mail.ru*

В статье рассматривается понятие и основные составляющие конституционно-правового статуса временного научного коллектива (далее – ВНК), как субъекта научной деятельности. Вся совокупность юридически значимых структурных элементов конституционно-правового статуса ВНК обладает определенными свойствами, позволяющими раскрыть правовое положение ВНК, определить его предназначение, место и роль в осуществлении научной деятельности. Автором отмечается, что стремительное цифровое развитие и всевозможные технологические преобразования предопределяют изменение законодательства, влияют на устойчивость конституционно-правового статуса ВНК, приводя к появлению и нормативному закреплению за ВНК новых признаков.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус; законодательство; научная деятельность; временный научный коллектив; научные исследования.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE TEMPORARY RESEARCH TEAM AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ACTIVITY

S. A. Minich

*The National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus,
Bersona Street, 1a, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ekabpils75@mail.ru*

The article deals with the concept and the main components of the constitutional and legal status of the temporary research team (hereinafter – TRT) as a subject of scientific activity. The whole set of legally significant structural elements of the constitutional and legal status of the TRT has certain properties that allow revealing the legal status of the TRT, determining its purpose, place and role in the implementation of scientific activities. The author notes that rapid digital development and all kinds of technological transformations predetermine changes in legislation, affect the stability of the constitutional and legal status of the TRT, leading to the emergence and regulatory consolidation of new signs for the TRT.

Keywords: constitutional and legal status; legislation; scientific activity; temporary research team; scientific research.

Жизнь современной цивилизации невозможна без научных открытий и достижений. Являясь особым социальным институтом, наука обеспечивает общество новыми достоверными знаниями, является источником его социально-экономического и технологического прогресса. В эпоху глобальной цифровизации, стремительного развития технологий значение научной деятельности, в рамках которой осуществляется научный поиск, трудно переоценить. Научные открытия совершают прорыв в каждой из сфер жизнедеятельности человека, улучшая качество его жизни, повышая благосостояние всего населения, укрепляя авторитет и независимость государства.

Ведущая роль в получении новых научных знаний, новых способов их применения и использования принадлежит субъектам научной деятельности, среди которых отдельного внимания заслуживают временные научные коллективы, представляющие собой особую форму организации научных исследований, активно выбираемую для решения поставленных научных задач.

В целях всестороннего изучения правового положения ВНК, как субъекта научной деятельности, представляется целесообразным проанализировать комплекс нормативных источников, закрепляющих его конституционно-правовой статус. К нормативным правовым актам, позволяющим определить сущность и правовое содержание ВНК, равно как и иных субъектов научной деятельности, относятся Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) – исходный, определяющий базис в формировании конституционно-правового статуса ВНК, Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности» (далее – Закон о научной деятельности), Указ Президента Республики Беларусь от 26 июня 2009 г. № 349 «О мерах по совершенствованию порядка создания и условий деятельности временных научных коллективов» (далее – Указ № 349) и др.

ВНК обладает большим набором свойств (общих и специфических), дающим право отнести его к субъектам научной деятельности, и в то же время выделить среди всего многообразия подобных субъектов, установить порядок взаимоотношений между ними. Часть таких отличительных свойств ВНК рассматривается в качестве структурных элементов его конституционно-правового статуса: цель, задачи, порядок и способ образования, срок действия, права и обязанности, ответственность, гарантии деятельности, особенности взаимоотношений с иными субъектами и (или) участниками научной деятельности и др.

Базовые признаки и характерные черты ВНК сфокусированы в законодательно выработанном определении понятия ВНК. Согласно ст. 1 Закона о научной деятельности, ВНК – добровольное объединение физиче-

ских лиц без образования юридического лица, создаваемое в целях осуществления научной деятельности в порядке и на условиях, определяемых законодательством и договором.

Представленную нормативно закреплённую дефиницию условно можно разделить на две части. Первая позволяет характеризовать ВНК как одну из организационных форм, в которых может осуществляться коллективная научная деятельность. Причём физические лица объединяются в добровольном порядке и совместно действуют без образования юридического лица. Во второй части в общих чертах без какой-либо детализации определена цель создания и деятельности ВНК, представляющая собой один из ключевых элементов в структуре его конституционно-правового статуса, суть которой – осуществление научной деятельности.

Более широко цель создания и деятельности ВНК раскрыта в ст. 11 Закона о научной деятельности, где установлено, что ВНК создается для своевременного выполнения работ по решению перспективных научно-технических и социально-экономических проблем, проведения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, направленных на создание и освоение новых видов продукции и технологий, новых организационно-технических решений производственного и социально-экономического характера. Иными словами, цель создания ВНК в рамках научной деятельности – повысить эффективность организации и проведения научных исследований.

Специфика цели определяет особенности правового положения ВНК, является стержневой основой всей его деятельности, выступает критерием качества выполняемых задач в ходе ее достижения [1]. Исходя из цели, выстраиваются задачи, определяющие шаги на пути к получению необходимого результата. Основная задача ВНК – выполнение конкретных научных исследований, направленных на решение определенных проблемных вопросов в той или иной сфере, обозначенных в специальных технических заданиях, решение которых возможно при реализации той или иной научно-исследовательской работы (проекта).

Объем прав и обязанностей ВНК определен как на конституционном уровне, так и на уровне специального законодательства, регламентирующего сферу научной деятельности.

В ч. 2 ст. 51 Конституции установлено, что свобода научного творчества гарантируется. Отсюда следует, что ВНК, как самостоятельный коллективный субъект, а также все его члены, осуществляя научную деятельность обладают правом на свободу научного творчества, т. е. правом работать в духе интеллектуальной свободы. Следует обратить внимание, что право на свободу научного творчества многогранно и включает в себя целую группу прав, его составляющих: право свободно выбирать

предмет, направления научных исследований и методы их проведения, право на свободный доступ к достижениям науки, к научной информации (за исключением случаев, предусмотренных законодательством), право вносить свой вклад в научную деятельность, право свободно распространять (в том числе путем публикации) информацию о результатах своих исследований, выдвинутых гипотезах, право на защиту результатов научной деятельности, право свободно взаимодействовать с иными субъектами научной деятельности и др.

В ч. 4 ст. 51 Конституции определено, что государство содействует развитию научных исследований на благо общих интересов. Такой подход демонстрирует всестороннюю поддержку научной сферы, четкие целеориентиры государственной научно-технической политики, ее многовекторность. Из содержания данного положения Конституции логично вытекает право субъектов научной деятельности, включая ВНК, на осуществление научных исследований по наиболее приоритетным направлениям социально-экономического развития нашей страны, право на первоочередную финансовую поддержку таких исследований.

В ч. 1 ст. 41 Конституции закреплено право на здоровые и безопасные условия труда, которое в полной мере распространяется на ВНК, члены которого коллективно выполняют научно-исследовательскую работу. Согласно п. 13 Положения о порядке создания и об условиях деятельности временных научных коллективов (далее – Положение), утвержденного Указом № 349, обязанность обеспечения деятельности ВНК возложена на заказчика, который должен создать необходимые условия для работы ВНК: предоставить помещение и иное имущество, необходимое для проведения научных исследований.

Отношения между субъектами и (или) участниками научной деятельности строятся, как правило, на договорной основе. В ч. 2 ст. 8 Закона о научной деятельности закреплено право всех субъектов и участников научной деятельности при заключении договора (речь идет об отношениях между обозначенными лицами) на выбор сторон договора, определение обязательств и условий взаимоотношений, не противоречащих законодательству.

Право ВНК в части количества проводимых научных исследований раскрыто в п. 11 Положения, где определено, что ВНК имеют право осуществлять научные исследования только для одного заказчика, а в случае, если источником их финансирования являются бюджетные средства, – одновременно не более чем по двум договорам на выполнение таких исследований. Следовательно, ВНК вправе заключить с заказчиком два и более договоров на выполнение научных исследований, но источ-

ником финансирования третьего и последующих договоров должны быть внебюджетные средства [2, с. 4].

Закрепленный перечень прав ВНК, равно как и иных элементов его конституционно-правового статуса, может расширяться, что обусловлено изменением самого законодательства, необходимостью его совершенствования на фоне различных преобразовательных процессов, обусловленных в том числе стремительным научно-технологическим прогрессом, цифровой трансформацией различных сфер жизнедеятельности общества, всеобщей экологизацией и др. К примеру, на современном этапе развития научной сферы за ВНК и иными субъектами научной деятельности целесообразно закрепить право на своевременную остановку научного поиска при возникновении разумных сомнений в безопасности его результатов для человека и окружающей среды. Сущность данного права заключается в научно-исследовательском торможении и намеренном сдерживании определенных научных исследований, последствия которых, с точки зрения научной обоснованности непредсказуемы. Закрепление обозначенного права, на наш взгляд, позволит избежать неоправданных затрат и необратимого ущерба в ходе осуществления научной деятельности силами ВНК, поднимет требования к осмотрительности при выполнении научных исследований, повысит уровень защиты человека и окружающей среды благодаря принятию превентивных мер в случаях возникновения рисков экологического и иного характера.

Законодательством определен достаточно широкий круг обязанностей ВНК, как субъекта права. Так, в ст. 53 Конституции установлена обязанность каждого уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц. В ст. 55 Конституции определена обязанность охранять природную среду и бережно относиться к природным ресурсам. Все эти обязанности имеют непосредственное отношение к ВНК. Например, ст. 52 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» установлены эколого-правовые правила в области охраны окружающей среды при выполнении научно-исследовательских работ, где, в частности, определено, что при проведении фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ должны учитываться требования в области охраны окружающей среды, что обусловлено потребностью в активной защите общества от негативного антропогенного воздействия на окружающую среду в ходе осуществления научной деятельности. Кроме того, на ВНК (как группу граждан, выполняющих работу по договору) распространяется обязанность соблюдать законодательство, устанавливающее требования к безопасным условиям выполнения работ, а также правила поведения на территории, в производственных, вспомогатель-

ных и бытовых помещениях заказчика, который их предоставляет (Указ Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314).

Обозначенный объем прав и обязанностей ВНК позволяет, в первую очередь, определить, как и в какой мере ВНК выполняет свою роль в осуществлении научной деятельности, каковы его отношения с иными субъектами и участниками научной деятельности.

За ненадлежащее исполнение обязанностей ВНК несет гражданско-правовую и иную юридическую ответственность. Например, в случае прекращения деятельности ВНК по основаниям (их перечень закреплен в Положении), повлекшим неисполнение ВНК договора на выполнение научных исследований и разработок, члены ВНК несут ответственность перед заказчиком согласно этому договору. За нарушение требований экологических норм и правил или нормативов в области охраны окружающей среды при проведении научного поиска, в том числе и силами ВНК, предусмотрена административная ответственность (ст. 16.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Немаловажным элементом конституционно-правового статуса ВНК выступают основные гарантии его деятельности, создающие возможность полной реализации его прав, которые закреплены в качестве отдельных положений в Конституции, в иных законах и подзаконных нормативных правовых актах, регулирующих научную сферу. К конституционным гарантиям осуществления научной деятельности ее субъектами следует отнести обеспечение свободы научного творчества, доступа к научной информации, содействие развитию научных исследований по наиболее приоритетным для государства и общества направлениям, обеспечивая концентрацию научных ресурсов и финансовых средств на их реализацию. Государство принимает на себя и иные обязательства по обеспечению реализации прав ВНК, часть из которых отражена в Законе о научной деятельности: осуществление ежегодного государственного финансирования научной деятельности из республиканского бюджета, а также за счет средств местных бюджетов, научных фондов, организаций, иных источников, не запрещенных законодательством; гарантированность правовой защиты результатов научной деятельности; обеспечение равенства всех субъектов научной деятельности перед законом и др.

Организационная составляющая конституционно правового статуса ВНК достаточно полно отражена в Положении, согласно которому основанием правоотношений, возникающих между членами ВНК, является договор о создании и деятельности ВНК, содержащий все условия осуществления данных отношений. Таким образом, ВНК формируется путем заключения будущими участниками ВНК такого договора. При этом предварительно предусматривается обязательное согласие заказчика (ор-

ганизации, в том числе организации-исполнителя), для которого необходимо выполнение научных исследований (ч. 1 п. 6 Положения). Прекращение деятельности ВНК может наступить по целому ряду оснований, а именно: после выполнения ВНК работы, для которой он был создан, сдачи ее заказчику и получения вознаграждения; по истечении срока, на который ВНК был создан (ВНК прекращает свою деятельность автоматически, т. к. момент прекращения деятельности ВНК уже определен в договоре). Прекращение деятельности ВНК в случае принятия заказчиком решения о прекращении работы, в целях выполнения которой ВНК был создан, а также в случае решения членов ВНК о прекращении договора о ВНК требует заключения дополнительного соглашения к договору о ВНК.

Выбор методов проведения научных исследований членами ВНК не ограничен каким-то строгим перечнем, и, соответственно, предполагает их большое разнообразие. Основными формами, в которых ВНК может осуществлять свою научную деятельность являются фундаментальные и прикладные научные исследования.

Резюмируя сказанное, приходим к следующим выводам:

1. Конституционно-правовой статус ВНК – это правовое положение ВНК, как субъекта научной деятельности, урегулированное нормами Конституции и иными законами, подзаконными актами.

2. Конституционно-правовой статус ВНК раскрывается через его составляющие структурные элементы, закрепленные нормами законодательства: цель, задачи, права и обязанности; ответственность, гарантии деятельности, порядок формирования и др.

3. Процессы цифровизации и научно-технологическое развитие влияют на устойчивость конституционно-правового статуса ВНК, приводя к отражению в нормативных правовых актах все новых признаков, закрепляемых за ВНК.

Библиографические ссылки

1. Дотдаева, О. Н. К вопросу о понятии и структуре конституционно-правового статуса // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 2. С. 25–39.

2. Иванова, Д. В. Некоторые вопросы возникновения и деятельности временных научных коллективов // Юрид. мир. 2007. № 10. С. 61–65.

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

О. Г. Никитенко

*Секретариат Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, faculty_of_law2223@mail.ru*

В статье раскрываются отдельные аспекты актуального состояния цифровизации в Республике Беларусь. Особый акцент сделан на кибербезопасности и выделении перспективных направлений развития цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация; кибербезопасность; эффективность; направления развития.

**DIGITALISATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS:
SOME ISSUES OF CURRENT STATUS AND PROMISING
DIRECTIONS OF DEVELOPMENT**

O. G. Nikitenko

*The Secretariat of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of
Belarus, Krasnoarmeyская st., 9, 220016, Minsk, Belarus,
Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, faculty_of_law2223@mail.ru*

In the article some issues of current status of digitalization in the Republic of Belarus have been revealed. The particular emphasis has been made on cybersecurity and on highlighting the promising directions of digitalisation development.

Key words: digitalisation; cybersecurity; efficiency; development directions.

В Республике Беларусь активными темпами наращивается цифровизация самых различных сфер жизнедеятельности. Успешно функционируют информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE»; государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц; информационная система электронного взаимодействия поставщиков услуг электросвязи, владельцев интернет-ресурсов и органов, осуществляющих

оперативно-розыскную деятельность; государственная информационная система «Единый реестр имущества»; государственные информационные ресурсы «Единый реестр пустующих домов», «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь»; республиканский банк данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей; единая государственная система регистрации и учета правонарушений; автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА); автоматизированная информационная система по обеспечению нормотворческого процесса (далее — АИС «Нормотворчество») и многие другие.

Цифровизация позволяет обеспечить гражданам легкий доступ к информации о деятельности государственных органов, иных организаций, их должностных лиц, а также к государственным сервисам и услугам. Подтверждением этому является то, что сегодня все без исключения государственные органы и иные организации имеют официальные интернет-сайты в глобальной компьютерной сети.

Кроме того, ряд наиболее востребованных административных процедур переведен в электронную форму (регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства, временно пребывающих в Республике Беларусь; зачет, возврат сумм налогов, сборов (пошлин), пеней; выдача справки о постоянном местопребывании физического лица в Республике Беларусь в налоговом периоде в целях избежания двойного налогообложения; получение заключения государственной экологической экспертизы по предпроектной (предынвестиционной) документации на застройку; регистрация сетевого адресного пространства; регистрация центра обработки данных; регистрация государственной информационной системы; включение объекта интеллектуальной собственности в национальный таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности и др.) [1].

Цифровизация повышает оперативность и эффективность разрешения стоящих перед государством задач, а, следовательно, снижает финансовые и временные затраты. Например, с 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов (организаций) осуществляется посредством использования АИС «Нормотворчество» [2]. Применение данной системы позволило в том числе выполнить автоматизацию электронного информационного взаимодействия государственных органов, иных организаций в рамках нормотворческого процесса, автоматизировать контроль за сроками в данном процессе, сформировать надежную систему мониторинга нормотворческой деятельности, хранить комплексную информацию о проектах правовых актов [3].

Благодаря цифровизации у государственных служащих существенно расширился инструментарий, который способствует более эффективно-

му выполнению возложенных на них задач. Например, ведение реестра лизинговых организаций, а также реестра микрофинансовых организаций позволяет Национальному банку Республики Беларусь упорядочивать деятельность некредитных финансовых организаций, обеспечивать стабильность и прозрачность экономических отношений, а также защиту прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйствования, которые пользуются услугами названных финансовых организаций.

Следует отметить, что в Республике Беларусь нет единого государственного органа, который занимался бы исключительно вопросами цифровизации, например, как в Бенине (Министерство цифровых технологий и цифровизации), Дании (Агентство цифрового правительства в составе Министерства финансов), Мексике (Управление национальной цифровой стратегии при офисе Президента), Саудовской Аравии (Национальный комитет цифровой трансформации, Национальная группа цифровой трансформации), Сингапуре (группа «Умная нация и цифровое правительство» при офисе Премьер-министра), Тринидаде и Тобаго (Министерство цифровой трансформации) [4]. Процесс цифровизации в Республике Беларусь осуществляется на основании слаженных усилий различных государственных органов с учетом их компетенции и сфер ответственности. Схожий подход используется в Германии — Канцлер и все федеральные министерства координируют деятельность Министерства цифровых дел и транспорта [4]. Обращаем внимание, что, несмотря на ряд существенно положительных моментов, связанных с цифровизацией, она влечет определенные риски для кибербезопасности, то есть для состояния защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации [5].

В связи с этим следует отметить, что совершенные в 2021 г. в мире кибератаки преимущественно были сосредоточены на критически важной инфраструктуре и на (логистических) цепочках поставок. Для реализации подобных атак виновные лица чаще всего прибегали к использованию троянских вирусных программ и ботнетов. Аналогичные тенденции сохранились в 2022 г. При этом в 2021 г. количество кибератак в отношении частных лиц (иными словами, их персональных данных) возросло на 30 %. В 2022 г. рост кибератак имел место в отношении государственного сектора [6; 7].

Необходимость эффективного и своевременного обеспечения кибербезопасности не вызывает сомнений. Республика Беларусь предпринимает серьезные и многоплановые меры по предупреждению кибератак и борьбе с ними.

Так, в стране создана национальная система обеспечения кибербезопасности, задачами которой являются в том числе достижение макси-

мальной скоординированности действий государственных органов и иных организаций по обнаружению, предотвращению и минимизации последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры; постоянный поиск потенциальных уязвимостей национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет; оценка эффективности защищенности объектов информационной инфраструктуры от кибератак. Координацию деятельности других государственных органов и иных организаций по созданию и функционированию национальной системы обеспечения кибербезопасности, обнаружению, предотвращению и минимизации последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры осуществляет Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь [8].

Несомненно, в контексте наращивания Республикой Беларусь цифровизации киберустойчивость должна быть неотъемлемым компонентом политики по цифровой трансформации любой сферы жизнедеятельности общества и государства.

Полагаем возможным отметить, что в 2022 г. Республика Беларусь среди всех стран — участниц Организации Объединенных Наций занимала 58 место в индексе развития электронного правительства (оценка национальных веб-сайтов, реализации политики электронного правительства, предоставления основных услуг и др.) и 90 место в индексе электронного участия (оценка возможности получения услуг и информации в электронном виде и др.) [9; 10; 11].

Представляется, что перспективными направлениями цифровизации в Республике Беларусь, которые в том числе могут усилить позиции страны на мировой арене, являются следующие: дальнейшее расширения перечня административных процедур и иных услуг, оказываемых в электронном виде; наращивание объемов используемых инструментов цифровой экономики; цифровизация производств в контексте усиления конкурентоспособности белорусских субъектов хозяйствования; реализация концепции «умных городов»; усиление защищенности кибербезопасности; обеспечение надлежащего функционирования межведомственного информационного взаимодействия; привитие гражданам навыков кибергигиены, цифрового доверия к государственным информационным ресурсам и платформам.

Библиографические ссылки

1. Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь по вопросам осуществления административных процедур [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 мая 2020 г., № 271 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 28.04.2023 г. // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 нояб. 2020 г., № 415 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Об автоматизированной информационной системе, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2020 г., № 770 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

4. National digital transformation strategy – mapping the digital journey [Electronic resource] // Digital regulation platform. The World Bank. – Mode of access: <https://digitalregulation.org/national-digital-transformation-strategy-mapping-the-digital-journey/>. – Date of access: 09.09.2023.

5. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

6. 2022 Global Threat Intelligence Report. A year of more sophisticated and substantial threats [Electronic resource] // NTT. Security Holdigs. Mode of access: <https://www.security.ntt/pdf/2022-global-threat-intelligence-report-v8.pdf>. Date of access: 09.09.2023.

8. 2023 Global Threat Intelligence Report. Line between cyberthreats and physical impact continues to blur [Electronic resource] // NTT. Security Holdigs. Mode of access: <https://us.nttdata.com/en/-/media/nttdataamerica/files/gated-asset/2023-nttsh-gtir-cybersecurity-report.pdf>. – Date of access: 09.09.2023.

9. О кибербезопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 40 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

10. Country Data [Electronic resource] // UN. E-Government Knowledgebase. – Mode of access: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Data-Center>. Date of access: 09.09.2023.

11. E-Government Development Index (EGDI) [Electronic resource] // UN. E-Government Knowledgebase. – Mode of access: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/-E-Government-Development-Index>. – Date of access: 09.09.2023.

12. E-Participation Index [Electronic resource] // UN. E-Government Knowledgebase. Mode of access: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index>. Date of access: 09.09.2023.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКАМИ

А. А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, pilipenko_bsu@mail.ru*

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в налоговой сфере. В контексте невозможности достижения правовой определенности, делается вывод о необходимости следования государством в лице соответствующих органов презумпции правоты налогоплательщика. Предлагается закрепить в налоговом законодательстве принцип поддержания доверия налогоплательщика к закону и действиям государства.

Ключевые слова: доверие; доверие в праве; доверие к закону; доверие к действиям государства; правовая определенность; презумпция правоты налогоплательщика; налоговые схемы государства.

CERTAIN ASPECTS OF TRUST RELATIONS BETWEEN THE STATE AND BY TAXPAYERS

A. A. Pilipenko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, pilipenko_bsu@mail.ru*

The article focuses upon the theoretical and practical aspects of the of principle sustainability of the trust of the citizens to the state tax requirements. Author comes to conclusion, if principle sustainability of the trust of the citizens to the state tax requirements is impossible to reach, state should follow the presumption of the correctness of the taxpayer. In accordance with the principle of protecting the taxpayer. Author offers to fix legal guarantees the tax status and legality of state actions.

Keywords: trust; trust in the law; trust to the actions of the state organs; legal certainty; the presumption that the rightness of the taxpayer; tax schemes of the state.

Развитие налоговых отношений, как правило, сопровождается противоречивостью и конфликтностью, что может служить сдерживающим фактором в желании субъектов предпринимательской деятельности участвовать в развитии экономики. В этой связи необходима трансформация взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, и она

возможна при условии, что взаимодействие будет основываться на принципах открытости, взаимного уважения и законности. Как справедливо отмечает А.А. Артюх, «финансовые отношения государства и его граждан, которые обеспечивают экономически саму возможность его существования, крайне чувствительная сфера, где законность и доверие к публичному субъекту играют важную роль» [1, с. 45]. В системе мер оптимизации отношений между государством и налогоплательщиками важное место принадлежит принципу поддержания доверия к закону и действиям государства.

Научно-налоговое признание рассматриваемого принципа во многом связано с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) от 28 ноября 2017 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта», в котором орган конституционного правосудия, принимая налогово-значимое решение, сослался на необходимость соблюдения принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: «Изменение законодателем ранее установленных правил, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение лиц, которых оно затрагивает, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающий сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости предоставление гражданам возможности, в частности посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям; соблюдение данного принципа – при отсутствии должной нормативной определенности правового регулирования – имеет существенное значение и для обеспечения единства правоприменительной практики» [2].

Анализируя вышеуказанное Постановление КС РФ, О.О. Журавлева полагает, что «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства распадается на несколько составляющих. Во-первых, сохранение разумной стабильности правового регулирования, причем последнее трактуется достаточно широко и включает правоприменение. Во-вторых, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему мер. В-третьих, обязательное обеспечение возможности, в частности, посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вноси-

мым изменениям» [3, с. 24–25]. Также данный автор высказывает концептуальную мысль о необходимости своевременной динамики законодательного регулирования, судебной практики, практики КС РФ. Так, не вызывает никаких сомнений правильность мнения о том, что «в налоговой сфере динамика изменений высокая. Налогоплательщики, опираясь на текущие оценки прошлого, уже законченных налоговых правоотношений, выстраивают свою стратегию хозяйственной деятельности на будущее. При этом они не учитывают рисков того, что, кроме действующего регулирования, изменится и практика правоприменения, поскольку растут квалификация правоприменителя, его осведомленность об особенностях предпринимательской деятельности, моделях и способах ведения бизнеса» [3, с. 26]. С.В. Андрияшин, проанализировав иные правовые позиции КС РФ, считает, что помимо перечисленных выше составляющих принципа доверия граждан к закону и действиям государства в налоговой сфере можно отнести следующие: «правовую определенность; предсказуемость законодательной политики; возможность участников правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения; уверенность в неизменности официально признанного правового статуса и возможности реализации прав; действенность государственной защиты прав; уважение прав властью; установление механизма, позволяющего компенсировать неблагоприятные последствия, возникшие из-за изменений правового регулирования» [4, с. 26].

Структурно содержательная характеристика рассматриваемого принципа складывается из двух компонентов: доверие налогоплательщика к закону и их доверие к действиям государства, т.е. его следует рассматривать с нормативной и прикладной точек зрения. Результатом рассмотрения с теоретико-правовых позиций принципа поддержания доверия к закону и действиям государства и его отождествление с доктриной защиты законных ожиданий стало привнесение в налогово-научную материю вышеуказанной доктрины, которую активно развивает С.А. Ядрихинский. По его мнению, «доктрина законного ожидания постулирует, что любое обещание, данное государством, порождает у налогоплательщика как человека разумного ожидание его исполнения, которое и должно защищаться правом именно в той степени, в какой это ожидание «разумно» [5, с. 77].

По нашему мнению, доктрина законных ожиданий налогоплательщика является уязвимой с точки зрения невозможности достижения определенности налогового законодательства, что всегда будет порождать конфликтность отношений между частными и публичными субъектами в налоговой сфере. Неопределенность в налогово-правовой сфере все более начинает приобретать аксиоматичный характер, предопреде-

ленный интенсивностью процессов во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономической. В этой связи следует согласиться с А.В. Брызгалиным, который справедливо констатирует следующее: «Идея «беспорного» закона – это утопия» [6, с. 13]. Развивая положения данного автора, А.В. Демин констатирует, что «абсолютной определенности налоговых законов добиться невозможно, это недостижимый идеал, к которому, разумеется, нужно всячески стремиться» [7, с. 31].

Научный потенциал приведенных мнений свидетельствует о возможности наличия у налогоплательщиков завышенных ожиданий не только в отношении законодательных актов, но и в отношении динамики правового регулирования налоговых отношений, которая призвана преодолеть отрицательную критическую неустойчивость национального законодательства. В обстоятельствах, когда законные ожидания налогоплательщика (в том числе, в трансформационном аспекте отдельных положений нормативных правовых актов) не позволяют ему в полной мере реализовать свои права и законные интересы, он рассчитывает на адекватное объективной действительности правоприменение, т.е. выражает изначально потенциальное доверие к действиям государства в лице контролирующих органов. В определенной степени мы можем вести речь о трансформации власти закона к власти контролирующего органа, которая происходит, в том числе и в понимании налогоплательщиков. В условиях постулируемой выше неопределенности налогового законодательства это является объективным вектором его развития. Современная налоговая действительность характеризуется увеличением способов правового регулирования, что предполагает ее сложность и противоречивость. В данном случае, на первый план выходят вариации усмотрения правоприменителя, которые должны соответствовать ожиданиям налогоплательщика и формализоваться в доверие или недоверие к действиям государства. Т.е. правоприменительная дискреция контролирующих органов, менее значимая по отношению к нормативным предписаниям, на практике нередко оказывается ключевым элементом механизма правового регулирования. Нивелирование содержательной неясности такой дискреции осуществляется посредством использования соответствующего инструментария защиты прав и законных интересов налогоплательщиков и, в первую очередь, презумпции правоты налогоплательщика, которая со вступлением в силу с 1 января 2019 года новой редакции Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. (далее – НК) обрела обновленные черты. Так, если до вышеуказанной даты решения в пользу налогоплательщиков должны были применяться в случае неясности или нечеткости предписаний актов налогового законодательства, то в настоящее время императивность ч. 2 п. 6 ст. 3 НК

распространяется на случаи выявления пробелов в налоговом законодательстве (правовом регулировании), внутренних противоречий в актах налогового законодательства либо иных недостатков, создающих правовую неопределенность. Таким образом, дефекты законодательного регулирования не только не могут быть переложены на налогоплательщиков, но и не должны служить основой для дистанционирования контролирующими органами от ее обязательного применения. Более того, такое дистанцирование является незаконным в силу императивных положений подп. 1.1 п. 1 ст. 108 НК о необходимости налоговыми органами и их должностным лицам действовать в строгом соответствии с законодательством. Данная обязанность корреспондируется с правом налогоплательщиков требовать от должностных лиц налоговых органов соблюдения актов налогового законодательства при совершении ими действий в отношении плательщиков (подп. 1.8 п. 1 ст. 21 НК). Соответственно, каждое противоречивое (сомнительное) решение, принимаемое не в пользу налогоплательщика, будет приводить к необоснованному обогащению государства и, соответственно, подрывать доверие к нему и действиям его представителей.

В свете вышесказанного уместным видятся доктринальные рассуждения Н.А. Арапова о добросовестности деятельности государства: «Добросовестность как один из аспектов принципа поддержания доверия выражается не в самом соблюдении права, но в том, как государство исполняет возложенные на него обязанности, соблюдает установленные для него запреты, использует предоставленные ему права. Принцип поддержания доверия в этой части обязывает государство не столько соблюдать собственное право, сколько вменяет ему в обязанность делать это определенным образом – добросовестно, т.е., в отличие от принципа законности, обеспечивает не формальную правомерность, а правомерность содержательную» [8, с. 114].

В заключении данной статьи полагаем необходимым сделать следующие основные выводы.

1. Для разрешения конфликтных ситуаций в налоговой сфере со стороны государства не достаточным является ссылка на необходимость соблюдения налогоплательщиками конституционной обязанности по уплате фискально-экономических обязательств. Достижение баланса публичных и частных интересов в налоговой сфере возможно на широком применении экономико-правового инструментария, направленного на симулирование деятельности субъектов хозяйствования.

2. Законодательная конкретизация оптимизации отношений между налогоплательщиками и государством может быть формализована во включении в ст. 2 Налогового кодекса Республики Беларусь принципа

поддержания доверия налогоплательщиков к закону и действиям государства.

Библиографические ссылки

1. Артюх, А.А. Ответственность государства за ущерб от неконституционных фискальных законов: время еще не пришло? *Налоговед.* – 2016. – № 7. С. 38–45.
2. По делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта» [Электронный ресурс] : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 28 нояб. 2017 г., № 34-П // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
3. Журавлева, О.О. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в налоговой сфере // *Налоговед.* 2018. № 9. С. 21–28.
4. Андрюшин, С.В. Применение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства при разрешении налоговых споров // *Налоговед.* 2019. № 2. С. 25–33.
5. Ядрихинский, С.А. Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // *Рос. журн. правовых исследований.* 2018. № 4. С. 76–84.
6. Брызгалин, А.В. Ясность налогового закона или все сомнения в пользу налогоплательщиков // *Налоговый вестн.* 1999. № 10. С. 13–18.
7. Демин, А.В. Принцип определенности налогообложения. М. : Статут, 2015. С. 368.
8. Арапов, Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. СПб., 2017. Л. 277.

НОРМАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Ар. А. Пилипенко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, artur.pilipenko.1998@list.ru*

В статье рассматриваются сложившиеся научные подходы по вопросу принципа соразмерности налогообложения. Делается вывод о том, что современное осмысление справедливости в налоговой сфере основано на собирательном конструировании определенной совокупности принципов налогообложения. Отождествление белорусским законодателем принципа справедливости налогообложения с принципом однократности налогообложения в определенной степени нивелирует потенциал справедливых начал в налоговой сфере.

Ключевые слова: принцип; принцип налогообложения; справедливость налогообложения; однократность налогообложения; прогрессивное налогообложение; необлагаемый минимум; стандартный налоговый вычет.

REGULATORY MODELING OF FAIRNESS IN THE TAX: PROBLEMATIC ISSUES

Ar. A. Pilipenka

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, artur.pilipenko.1998@list.ru*

The article discusses the current scientific approaches to the principle of proportionality of taxation. It is concluded that the modern understanding of fairness in the tax sphere is based on the collective construction of a certain set of taxation principles. The belarusian legislator's identification of the principle of fair taxation with the principle of single taxation to a certain extent levels the potential of fair principles in the tax sphere.

Keywords: the principle; principle of taxation; fairness of taxation; singularity of taxation; progressive taxation; non-taxable minimum; standard tax deduction.

В историческом ракурсе научный тренд в понимании принципа справедливости задал А. Смит в фундаментальном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), впервые сформулировал четыре основных правила налогообложения: равномерности, удобства уплаты, определенности и дешевизны уплаты. Сегодня эти постулаты называются классическими принципами налогообложения, при этом

они не утратили актуальности и используются при разработке и реализации государственной налоговой политики, прежде всего в социально ориентированных странах. Важнейшим социальным принципом налогообложения является принцип справедливости, определенный А. Смитом следующим образом: «Поданные государства должны делать взносы с целью поддержания деятельности правительства, которые как можно точнее пропорциональны экономическим возможностям налогоплательщика, т.е. пропорциональны доходам, которые они получают благодаря государственному устройству общества» [1, с. 588]. В дальнейшем представители дооктябрьского периода не пытались дать определение справедливости в налоговой сфере, а предпринимали попытки концептуализировать данное явление применительно к различным аспектам развития общественных отношений. Например, А.А. Исаев констатировал следующее: «Если бы понятие о справедливости могло быть установлено абсолютно, то и требование к налогам удовлетворять справедливость в известной форме могло бы сохранять свою пригодность. История убеждает нас, однако, что это – понятие относительное, изменяющееся с ростом культуры» [2, с. 44]. В.Г. Яроцкий полагал, что «понятие справедливости как основание суждений о хороших или дурных свойствах налога, изменяется исторически в связи с изменением понятий о сущности и задачах государства, о системах производства и распределении доходов. С почвы отвлеченных этических представлений оно переходит постепенно на реальную почву, все более и более выражая собой идею обеспечения благосостояния народных масс» [3, с. 179].

Современное научное понимание справедливости в налоговой сфере изначально предопределено сложностью ее нормативного закрепления, а порой радикальной сомнительности ее использования, что вызывает еще большую научную полемику. Например, А.М. Сотов высказывает соображение, что «трудно найти другое такое понятие, к которому законодатели столь часто прибегали на словах и столь часто ущемляли на практике. Пожалуй, справедливость можно назвать «синей птицей» юриспруденции: она так же желанна и неуловима. Ее давно называют основным принципом законодательства, но вряд ли найдется хоть одна страна, которая, не кривя душой, признает, что у нее этот принцип нигде не затушеван» [4, с. 16]. В.М. Зарипов сомнительное понимание принципа экономического основания налога увязывает с представлениями о возможностях принципа справедливости как универсального средства трактовки законов: «В силу максимальной обобщенности и гуманности требование справедливости весьма привлекательно, но малоприменимо в качестве практического инструмента и способно породить еще больше разночтений, поскольку представлений о ней неисчислимо множество» [5, с. 36].

Не во всем соглашаясь с вышеуказанными авторами, следует признать, что индивидуализация принципа справедливости в налоговых отношениях в рамках его научного осмысления, нормативного закрепления и практического применения представляется весьма затруднительным. В этой связи отметим, что в настоящее время научная налоговая действительность во многом характеризуется общим собирательным пониманием рассматриваемого принципа. Как отмечает И.И. Кучеров «интересующий нас принцип является настолько общим, что его реализация всецело зависит от реализации не только этих, но и некоторых других, менее общих по отношению к нему принципов налогообложения» [6, с. 170–171]. Д.А. Смирнов утверждает, что «справедливость в налоговом праве многоаспектна. Ее следует рассматривать как главенствующую основную идею, определяющую принципы налогового права, а также его содержание и развития» [7, с. 45]. Рассуждения А.В. Демина заключаются в том, что «в конце концов, все сводится к требованию справедливости налогообложения, все остальные принципы от него производны» [8, с. 62].

Что касается количественной и содержательной идентичности принципа справедливости в контексте его собирательного понимания, то здесь мнения налоговиков разнятся. В этой связи А.В. Демин констатирует следующее: «Этот принцип представляет собой интегрированное выражение всех общих принципов налогообложения и одновременно квинтэссенцию каждого из них. Идея справедливости воплощается не в каком-то одном, но во всей системе принципов налогообложения. Таким образом, требование справедливости проявляется и во всеобщности, и в равенстве, и в соразмерности, и в определенности, и в других основах налогообложения. С другой стороны, каждый из этих принципов выступает отдельным, самостоятельным аспектом реализации идеи справедливости» [9, с. 103]. С точки зрения И.А. Урубковой, «принцип справедливости в налоговом праве имеет сложное содержание и объединяет в себе несколько законодательно определенных принципов: 1) всеобщности налогообложения; 2) равенства налогообложения; 3) учета фактической способности к уплате налога; 4) соразмерности налогообложения» [10, с. 8]. У Д.В. Винницкого широкое понимание справедливости основывается на принципах всеобщности, соразмерности, определенности и других основах налогообложения, в том числе свободе и братстве [11, с. 35]. Следует отметить, что справедливые начала в налоговой сфере может ассоциироваться с конкретным принципом: равном налоговом бремени или равенства, учета фактической способности налогоплательщика к уплате налога, дифференцированного установления налоговых санкций, учитывающего характер налогового правонарушения.

Именно последний, более узкий подход понимания справедливости в налоговой сфере, нашел свое закрепление в Налоговом кодексе Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК). В соответствии с подп. 1.5 п. 1 ст. 2 НК справедливость налогообложения заключается в том, что один и тот же объект налогообложения может облагаться одними и теми же налогом, сбором (пошлиной) у одного плательщика только один раз за соответствующий налоговый период. Как было показано выше, идея справедливого налогообложения носит универсальный, всеобщий характер, определяет содержание и структуру всего налогового законодательства. В данном контексте, сводить его к однократности налогообложения представляется не совсем верным. Стоит поддержать позицию Д.В. Тютиня, который, приводя известное латинское изречение *jus non patitur ut idem bis solvatur* (закон не допускает, чтобы одно и то же уплачивалось дважды), констатирует, что «с современной точки зрения это положение будет выглядеть настолько тривиальным, что не будет нуждаться в том, чтобы его специально обосновывали. Очевидно, что требование о многократной уплате определенного национального налога тому же публичному субъекту по итогам конкретных облагаемых действий или состояний недопустимо: однократная уплата прекращает правоотношение по уплате налога» [12, с. 22].

Естественно, что многократное налогообложение представляется несправедливым. Но сводить к однократности, оставляя в стороне другие более важные аспекты налогообложения, неверно. Применительно к принципу справедливости налогообложения, абстрагируясь от его отождествления с другими принципами, экономическая и правовая налоговая науки, в первую очередь в сфере подоходного налогообложения, четко обозначили два основных концепта справедливого налогообложения: определение необлагаемого минимума и применение прогрессивной шкалы налогообложения. Содержательно наполненная, с большой вариативностью мнений, научная дискуссия по данному вопросу позволяет нам поддержать точку зрения белорусских авторов Д.В. Булгака и Е.П. Ярмош. В контексте подлежащего обложению подоходным налогом с физических лиц необлагаемого минимума Д.В. Булгаком предлагается использовать величину бюджета прожиточного минимума [13, с. 6]. В рамках научной дискуссии о применении плоской (пропорциональной) или прогрессивной шкалы подоходного налогообложения Е.П. Ярмош справедливо отмечает, что «прогрессивная шкала налогообложения, как правило, применяется в странах с высоким уровнем социально-экономического развития, где имеется повышенный объект налогообложения. Страны с более низким экономическим потенциалом стараются применять плоскую шкалу. Переход к прогрессивным ставкам при ис-

числении подоходного налога с физических лиц будет положительным вектором развития общественных отношений в социально-экономической сфере, сигналом, что государство предпринимает шаги для повышения доходов граждан и создания благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности» [14, с. 96]. Несмотря на то, что научная дискуссия разворачивается автономно вокруг двух вышеуказанных концептов, нам видится системная, в первую очередь, экономическая взаимосвязь между ними. Как правило, прогрессивное налогообложение свидетельствует о наличии в количественном аспекте соответствующего объекта налогообложения, позволяющего законодателю в отношении него определить повышенный уровень налоговых изъятий. Высокие доходы граждан, формализованные в соответствующем объекте налогообложения, позволяют не только адаптировать повышенные ставки налога к их уровню жизнедеятельности, но и безболезненно для государства определить соответствующий всем необходимым социально-экономическим критериям размер необлагаемого минимума. Определенный подп. 1.1 п. 1 ст. 209 НК довольно низкий необлагаемый минимум в размере 156 рублей в месяц на 2023 год, свидетельствует о том, что государство в настоящее время не может себе позволить его более высокий уровень именно по причине низкой налоговой базы как денежного выражения невысокого объекта налогообложения. Более того, вышеуказанный необлагаемый минимум перестает применяться после достижения определенного дохода (в 2023 году – 944 рубля в месяц). Экономико-правовой статус данной суммы видится, скорее всего, со стороны государства достаточно высокой, по достижении которой необлагаемый минимум в размере 156 рублей не применяется.

В целях соблюдения принципа налоговой справедливости, в первую очередь, социальной налоговой справедливости (не в рамках налогово-правовой материи белорусского законодательства, а в рамках доктринального видения), как правило, устанавливаются соответствующие компенсационные механизмы для защиты прав и законных интересов физических лиц. К таковым, например, относятся размеры стандартных налоговых вычетов и не подлежащие налогообложению различного рода социальные выплаты. В 2023 году основные размеры стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу с физических лиц следующим образом: 46 рублей в месяц – родителям на ребенка до 18 лет и (или) каждого иждивенца (подп. 1.2 п. 1 ст. 209 НК); 87 рублей в месяц – вдове (вдовцу), одинокому родителю, приемному родителю, опекуну или попечителю – на каждого ребенка до 18 лет и (или) каждого иждивенца, а также родителям, имеющим двух и более детей до 18 лет или детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, – на каждого ребенка (подп. 1.2 п. 1 ст.

209 НК); 220 рублей в месяц – плательщикам, указанным подп. 1.3 п. 1 ст. 209 НК (инвалидам I и II группы, инвалидам с детства и др.). Обратим внимание, что в рамках действующего до вступления в силу с 1 января 2010 г. Особенной части НК Закона Республики Беларусь от 21 декабря 1991 г. № 1327-ХІІ «О подоходном налоге с физических лиц» вышеуказанные размеры определялись в базовых величинах и составляли соответственно две, четыре и десять (до 1 января 2008 г.). Аналогичную динамику законодательного регулирования можно проследить на примере материальной помощи, необлагаемый размер которой в течение 2023 года составляет 2821 рубль (п. 23 ст. 208 НК), а до 1 января 2008 г. – 150 базовых величин. Таким образом, размеры приведенных стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу с физических лиц, а также ряда социальных выплат (например, материальная помощь) были уменьшены практически в два раза.

Также хотелось бы обратить внимание на тенденцию законодательного определения стандартного налогового вычета в рамках подп. 1.2 п. 1 ст. 209 НК для родителей, имеющих двух и более детей в до восемнадцати лет или детей-инвалидов в возрасте до восемнадцати лет, который предоставляется в настоящее время в размере 87 рублей в месяц на каждого ребенка (так называемый удвоенный вычет). При этом, на одного ребенка до восемнадцати лет данный вычет предоставляется в размере 46 рублей в месяц. Заметим, что долгое время, в рамках НК, было абсолютно точное математическое удвоение приведенных сумм. Например, в 2000 году действовали следующие размеры (без учета деноминации) – 75000 и 150000 рублей; в 2001 г. – 81000 и 162000 рублей. Начиная, с 2014 года законодатель стал незначительно отходить от точного двукратного предоставления стандартного налогового вычета (180000 и 355000 рублей). С каждым годом данное расхождение увеличивалось, оставаясь при этом в рамках небольших величин. Однако в данном случае важным представляется не величина собранного государством налога (которая, в рамках доходной части бюджета соответствующего уровня, не представляется столь значительной) за счет увеличения налоговой базы посредством уменьшения налоговой льготы, а проводимая в стране налоговая политика, которая в определенной степени дистанцируется от социальных аспектов справедливого налогообложения. В данном контексте уместным видится мнение Л.Ш. Юлгушевой: «Справедливым можно охарактеризовать такое налогообложение, при котором сбалансированы интересы государства и налогоплательщиков, а индивиды, находящиеся в наиболее уязвимом положении, дополнительно защищены» [15, с. 91].

По итогам проведенного в данной статье исследования, можно сделать следующие основные выводы.

1. Современное осмысление справедливости в налоговой сфере основано на собирательном конструировании определенной совокупности принципов налогообложения. Данная совокупность предопределена научными воззрениями того или иного автора, а в контексте их законодательной конкретизации – уровнем политического и социально-экономического развития страны.

2. Отождествление белорусским законодателем принципа справедливости налогообложения с принципом однократности налогообложения в определенной степени нивелирует потенциал справедливых начал в налоговой сфере в контексте достижения баланса интересов государства и налогоплательщиков.

3. Определение необлагаемого минимума и прогрессивное налогообложение в сфере подоходного налогообложения, как отражение принципа справедливости, следует рассматривать в системной взаимосвязи. Прогрессивное налогообложение, позволяет государству не только генерировать высокий уровень бюджетных доходов, но и на законодательном уровне определить адекватный размер необлагаемого минимума.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

А. А. Рагуев

*Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова,
ул.Космонавтов 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, aleksey_raguev_2003@mail.ru*

По итогам республиканского референдума, проведенного в Республике Беларусь в феврале 2022 года, в конституцию были внесены изменения, связанные с проведением выборов депутатов всех уровней в единый день голосования. Первый единый день голосования пройдет в феврале 2024 года. В связи с приближающейся избирательной кампанией всем участникам избирательного процесса необходимо четко и неукоснительно соблюдать избирательное законодательство, в том числе его принципы.

Ключевые слова: Политические партии; Закон; Граждане; Государство; Выборы; Власть.

COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLES OF THE ELECTORAL RIGHT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AS A TOOL TO ENSURE THE FUNCTIONING OF THE LEGAL STATE

A. A. Raguev

*Mogilev State University named after A.A. Kuleshova,
1 Kosmonavtov st., 212022, Mogilev, Belarus, aleksey_raguev_2003@mail.ru*

Following the results of the republican referendum held in the Republic of Belarus in February 2022, amendments were made to the constitution related to the holding of elections of deputies of all levels on a single voting day. The first unified voting day will take place in February 2024. In connection with the upcoming election campaign, all participants in the electoral process must clearly and strictly observe the electoral legislation, including its principles.

Keywords: Political parties, Laws, Citizens, State, Election company, Government.

Право свободно избирать и быть избранным в государственные органы, закрепленное в Конституции Республики Беларусь, относится к числу основополагающих политических прав граждан, поскольку именно выборы дают возможность отобрать наиболее достойных людей для

управления страной, они определяют перспективу развития государства на определенный период времени.

Для того, чтобы «избирательный процесс функционировал нормально и выборы принесли ожидаемые результаты, избиратели должны иметь определенное представление о законодательстве и концепциях, связанных с принципами и процедурами избирательных кампаний и референдумов, проводимых в стране. На наш взгляд, отечественные правоведы могут занять более активную позицию в этой интерпретационной работе, потому что они являются наиболее близкими людьми к пониманию вопросов, связанных с процедурами формирования национальных органов власти, проведения референдумов и прав избирателей» [1, с. 91].

К сожалению, следует констатировать, что в юридической литературе до сих пор не сложилось единого подхода в понимании сущности таких ассоциируемых с выборами понятий как «избирательная система», «избирательное право» и «избирательный процесс».

Исследование вопроса целесообразно начать с уяснения сущности избирательного права, поскольку именно оно выступает в качестве основы и регулятора процесса организации и проведения выборов.

В литературе избирательное право рассматривается в двух аспектах: объективном и субъективном.

Под субъективным избирательным правом понимается право конкретного лица (как правило, гражданина соответствующего государства) на участие в выборах. В этом значении избирательное право подразделяется на активное (право избирать) и пассивное (право избираться, быть избранным). Такой подход к пониманию субъективного избирательного права является, пожалуй, общепризнанным.

Что же касается объективного избирательного права, то ему даются различные определения. К примеру, Баглай М. В. трактует его как совокупность норм и правил, регулирующих избирательный процесс от начала и до конца.

Василевич Г. А. под объективным избирательным правом понимает «совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие при проведении выборов» [1, с. 450].

Авакян С. А. определяет его как совокупность правовых норм о порядке выборов депутатов представительных органов и выборных должностных лиц государства и местного самоуправления.

Вместе с тем, полагаем, что наблюдающийся при этом разнобой в использовании терминологии принципиального значения не имеет, поскольку все авторы в конечном итоге представляют его в виде регулятора, определяющего порядок организации и проведения выборов, в том числе участие в них избирателей.

В научной литературе термин «избирательная система» определяется как важнейшая политическая система, которая непосредственно влияет на всю общественно-политическую систему и характер взаимоотношений между участниками политического процесса; избирательная система определяет партийную и правительственную инфраструктуру страны, а степень ее разделения имеет прямое влияние на структуру политической власти, формирование властных элит и состав основных государственных институтов» [2, с. 520].

Организация и проведение выборов в нашем государстве, как и в любом другом государстве демократической модели, базируется на принципах избирательного права. Под принципами избирательного права принято понимать фундаментальные начала, в соответствии с которыми организуются и проводятся выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В настоящее время в доктрине избирательного права можно выделить две основные группы принципов: принципы участия граждан в выборах и принципы организации выборов.

«В состав первой группы принято включать: всеобщее избирательное право, прямое избирательное право, равное избирательное право, тайное голосование, свободное и добровольное участие в выборах.

Вторую группу образуют: принцип обязательности выборов, принцип периодичности выборов, альтернативность выборов, принципы открытости и гласности выборов, принцип организации и проведения выборов избирательными комиссиями и их независимость от органов государственной власти и органов местного самоуправления» [1, с. 452].

Таким образом, избирательная система представляет собой «определенный механизм, с помощью которого можно модернизировать политическую систему общества, добиваясь упорядочивания взаимоотношений гражданского общества и правового государства, государственной власти и общественного самоуправления. Для нее характерно наличие обязательной нормативной базы, регламентирующей правила поведения субъектов электорального процесса в рамках избирательной кампании и принятия решений.

Рассмотрим более подробно названные принципы. Начнем с принципа всеобщего избирательного права, который означает, что избирательное право признается за всеми гражданами государства независимо от гендера, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения в обществе, места жительства, отношения к религии, принадлежности к общественным организациям.

В ст. 38 Конституции Республики Беларусь прямо указано, что граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть

избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании [16].

Всеобщее избирательное право ограничивается исполнением четких требований к избирателю, именуемых избирательными цензами. Наиболее распространенные избирательные цензы – возрастной ценз и ценз оседлости.

В соответствии со ст. 64 Конституции Республики Беларусь: «Выборы депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности народом, являются всеобщими: право избирать имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет.

В выборах не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей. Любое прямое или косвенное ограничение избирательных прав граждан в других случаях является недопустимым и наказывается согласно закону» [3].

Также, ст. 4 Избирательного Кодекса Республики Беларусь (далее – ИК) закреплено, что «выборы Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты представителей, депутатов местных Советов депутатов и референдум являются всеобщими: право избирать, участвовать в референдуме имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет.

В выборах, референдуме не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей» [4].

Выборы являются свободными: избиратель лично решает, участвовать ли ему в выборах и за кого голосовать. Подготовка и проведение выборов проводятся открыто и гласно.

Принцип открытости и гласности в проведении выборов означает, что все избирательные процедуры должны гарантировать необходимые условия для контроля со стороны гражданского общества за деятельностью комиссий и иных участников избирательного процесса при подготовке и проведении выборов, подсчете голосов, установлении итогов голосования, а также при определении результатов выборов [1 с. 221].

Гласность при подготовке и проведении выборов, референдума, отзыва депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, депутата местного Совета депутатов урегулирована ст. 13 ИК Республики Беларусь. Так, «подготовка и проведение выборов Президента Республики

Беларусь, депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, депутатов местных Советов депутатов, референдума, отзыва депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, депутата местного Совета депутатов осуществляются открыто и гласно.

Соответствующие комиссии, местные представительные, исполнительные и распорядительные органы информируют граждан о своей работе по подготовке и проведению выборов, референдума, отзыва депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, депутата местного Совета депутатов, об образовании избирательных округов, о составе, месте нахождения и времени работы комиссий, списках граждан, имеющих право участвовать в выборах, референдуме, голосовании об отзыве депутата, кандидатах, результатах голосования, выборах, референдума, отзыва» [4].

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь / Г. А. Василевич. Мн.: Книжный Дом, 2018. С. 767.

2. Курак, А. И. Избирательная система, избирательное право, избирательный процесс: понятие и соотношение // Науч. тр. Акад. управления при Президенте Республики Беларусь. Мн.: Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. С. 509-522.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Минск : Амалфея, 2022. С. 48.

4. Избирательный кодекс Республики Беларусь, 11 февраля 2000 г., № 370-З: принят Палатой представителей 24 января 2000 г.: одобрен Советом Республики 31 января 2000 г.: в ред. от Закона Республики Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2023.

ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. Г. Садовский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, dsadovsky99@gmail.com*

В статье рассмотрен разработанный в Китайской Народной Республике концепт системы социального рейтинга, а также проанализирована возможность его интеграции в Республике Беларусь в качестве нового типа управления. Указаны основные проблемы, связанные с потенциальным внедрением социального рейтинга в Беларуси, а также предложен его вариант, который, по мнению автора, может быть реализован в стране на данном этапе.

Ключевые слова: Республика Беларусь; государственное управление; социальный кредит; социальный рейтинг; система социального рейтинга.

POSSIBILITY OF IMPLEMENATION OF A SOCIAL CREDIT SYSTEM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. G. Sadovsky

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, dsadovsky99@gmail.com*

The article considers the concept of a social rating system developed in the People's Republic of China, and also analyzes the possibility of its integration in the Republic of Belarus as a new type of management. The main problems associated with the potential introduction of a social rating in Belarus are indicated, and its version is proposed, which, in the author's opinion, can be implemented in the country at this stage.

Keywords: Republic of Belarus; public administration; social credit; social rating; social rating system.

Система социального кредита (рейтинга) является противоречивым явлением, порождающим активные дискуссии как в научном сообществе, так и в публично-политической сфере. Место и роль в современной теории управления, преимущества и недостатки внедрения подобных механизмов, их соотношение с фундаментальными и общепризнанными правами человека – все это лишь часть вопросов, возникающих при рас-

смотреии данного явления. Темпы цифровизации, развитие сетевых взаимодействий в обществе и мировая нестабильность между тем, актуализируют потребность в подобных типах управления.

Во многих зарубежных странах рейтинги функционируют в том или ином виде, однако понимание системы социального кредита как глобальной структуры управления связано с Китайской Народной Республикой (КНР). Зарождение подобного инструментария связывается с серединой 1990-х годов, когда в КНР на повестке дня стоял вопрос об оптимизации кредитно-финансовой системы. Концепт базы данных об экономической деятельности субъекта, позволяющей определить степень его надежности и условия предоставления кредита, был одобрен на высшем уровне и частично внедрен в КНР в 2000-е годы.

Глобальный и всеобъемлющий характер концепт социального рейтинга получил в 2014 году, когда Государственный совет КНР представил План строительства Системы социального кредитования, в где социальный рейтинг назывался средством регулирования и частью системы социального управления. Основываясь на анализе данных о поведении и деятельности субъектов (физических и юридических лиц), система позволяла определить степень их надежности, соответствующим образом скорректировать условия взаимодействия. Так, действие социального рейтинга распространилось за пределы экономических отношений, закрепляя общие нормативно одобряемые правила поведения и деятельности. Работа велась по четырем основным направлениям: надежность правительства, порядочность бизнеса, социальная нравственность и доверие к судебным органам [1].

В функциональном аспекте социальный рейтинг основывается на количестве баллов, закрепленном за каждым субъектом. В зависимости от своей деятельности, те приобретают баллы за социально-одобряемое поведение и теряют их за девиантные поступки и правонарушения. Так, например, учитывается привлечение к административной, уголовной, иным видам ответственности, соблюдение правил дорожного движения, поведение в сети Интернет и другие показатели [2, с.103]. Каждый уровень в рейтинге характеризуется набором поощрений и ограничений, реализуемых через четыре блока: административный блок, рыночно-ориентированный блок, блок отраслевого воздействия, блок социального сдерживания [3]. В китайской модели важная роль отведена различным публичным символическим действиям

Система социального рейтинга функционирует в единстве трех аспектов – Национальной платформы обмена кредитной информацией, осуществляющей сбор, систематизацию данных, их передачу в системе государственных органов; «красных» и «черных» списков, включающих

наиболее благонадежных и неблагонадежных граждан согласно рейтингу и единой системы соответствующих наказаний и поощрений [4, с.1000-1001]. Так, выделяются блок сбора, обработки и обмена информацией, блок систематизации субъектов, блок ограничений и поощрений.

Практически, китайская система социального рейтинга внедрялась с 2014 года путем проведения пилотных проектов в отдельных административно-территориальных единицах и максимального охвата страны достигла в 2021 году. На данный момент, однако, единая для всей КНР система социального рейтинга не функционирует, ограничиваясь отдельными автономными блоками.

Основными проблемными моментами системы социального рейтинга в КНР видятся отсутствие единой правовой базы (общее легальное понятие социального кредита, общая система координат), потребность в больших вычислительных мощностях и персонале (данные собираются ежедневно для 1,411.78 миллионов человек [5] по 60000 параметров [6, с.69]), неоднозначная эффективность социального рейтинга как средства регулирования (несмотря на наличие рейтинга в ряде городов, коронавирусные протесты, например, в них были относительно на том же уровне, что и в регионах без системы социального кредитования).

Таким образом, китайскую модель социального рейтинга можно рассматривать как тип управления, подразумевающий упорядочивание общественных отношений путем комплексного применения различных методов (административного, экономического, идеологического и других). Двумя основными составляющими являются внедрение динамического социального и привязанного к нему правового статуса, определяемых исходя из комплексной оценки поведения субъекта. Следует отметить, что китайская модель социального рейтинга хотя и воплощает рассматриваемый концепт, но не ограничивает сферу и формы его применения.

Для того, чтобы сделать выводы о возможности применения наработок в области социального рейтинга в Республике Беларусь и предложить конкретные формы их реализации, необходимо в первую очередь рассмотреть наличие базиса для внедрения столь сложного конструкта, который условно можно разделить на технико-технологический, нормативный и социальный.

Технико-технологический базис отражает способность системы органов государственного управления сформировать блок сбора, обработки и обмена информацией, блок систематизации субъектов. В первую очередь, учитывая объемы поступающей в таких процессах информации, следует отметить необходимость активного применения технологий обработки больших данных (Big Data Analysis), работа над внедрением которых является одним из приоритетных направлений в рамках Государ-

ственной программы «Цифровое развитие Беларуси на 2021 – 2025 годы», утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. №66 [7]. В рамках указанной программы также затрагивается ряд ресурсов, способных стать основой для внедрения системы социального рейтинга. Среди них, например, Белорусская интегрированная сервисно-расчетная система, представляющая собой совокупность цифровых средств для оказания услуг и проведения административных процедур (например, подтверждение отсутствия налоговых задолженностей). В рамках Программы также ведутся работы по созданию единого информационного пространства государства с помощью платформенных решений. В рамках указанных процессов возможна интеграция ряда успешно функционирующих баз данных физических и юридических лиц, среди которых: Регистр населения Министерства внутренних дел (МВД); Персонифицированный учет населения Фондом социальной защиты населения; Кредитный регистр Национального банка Республики Беларусь (НБ); База данных МВД о гражданах, право на выезд которых временно ограничено; базы данных абонентов сотовой связи, Автоматическая информационная система (Расчет) НБ, Единый банк данных МВД о правонарушениях; База данных дактилоскопической регистрации, Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; Государственный реестр плательщиков (иных обязанных лиц); Единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним; Единый государственный реестр сведений о банкротстве; Реестр поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к закупкам; Регистр производителей и их сбытовых организаций (официальных торговых представителей)).

Дополнительно возможна интеграция различных отраслевых структур, таких как, например, телемедицинские системы. Успешное создание указанной единой информационной среды способно обеспечить технико-технологическую базу для внедрения элементов социального рейтинга (кредитный скорринг, успешно работающий в рамках кредитного регистра НБ, представляет собой социальный первоначальную экономическую версию социального рейтинга), однако оперативный анализ десятков тысяч параметров для миллионов граждан на данный момент не представляется возможным. Так, разовая обработка около 112 миллионов персональных данных в отношении 10,8 миллионов физических лиц стала высокой нагрузкой в рамках создания регистра населения.

Функционирование масштабного технико-технологического механизма должно быть урегулировано развитой нормативно-правовой базой. С одной стороны, непосредственно определение и правовые аспекты ре-

гулирования социального рейтинга будут разработаны при его гипотетическом внедрении, однако с другой в рамках уже существующего правового поля требуется наличие успешных наработок по трем основным направлениям: общее законодательство об информации, законодательство по борьбе с киберпреступностью, законодательство о защите персональных данных.

Первый из указанных блоков представлен Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. №455-З «Об информации, информатизации и защит информации» (характеризует сферу информационных отношений, определяет ее государственное регулирование, закрепляет основные понятия, устанавливает правовой режим информации и ограничения ее распространения) [8], Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. №113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (дает легальное определение указанным явлениям, регулирует полномочия основных государственных органов в сфере, раскрывает сущность электронного документа, электронной цифровой подписи, закрепляет особенности их использования) [9], указом Президента Республики Беларусь от 23 января 2014 г. №46 «Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий» (закрепляет создание республиканского центра обработки данных – РЦОД (BeCloud) – дата-центра, обслуживающего программно-технические средства и информационные ресурсы государственных органов и организаций; создание республиканского удостоверяющего центра при Национальном центре электронных услуг) [10], указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. №60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (закрепляет обязанность государственных органов и организаций размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет, а также особенности исполнения данной обязанности, в том числе и технико-технологические) [11].

Законодательство по борьбе с киберпреступностью представлено Уголовным кодексом Республики Беларусь (раздел XII указывает составы преступлений против компьютерной безопасности, среди которых в том числе Несанкционированный доступ к компьютерной информации, разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ и другие) [12], Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь (утверждена постановлением Совета безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. №1 и закрепляет основополагающие положения государственной политики в области информационной безопасности) [13], Концепцией борьбы с терроризмом (утверждена постановлением Совета министров Республики Беларусь от

25 июля 2013 г. №658 и уделяет внимание защите ключевой информационно-коммуникационной инфраструктуры, информационных технологий от противоправных посягательств) [14], указом Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. №40 «О кибербезопасности» (постанавливает создание в Беларуси Национального центра кибербезопасности и внедрения соответствующей системы, интегрированной с оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь) [15].

Законодательство о защите персональных данных представлено Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-З «О защите персональных данных» и Указе Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. №422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных». Закон о защите персональных данных (ПД) закрепляет основные понятия в области защиты ПД, формулирует общие требования к обработке ПД, определяет правовой статус и правила взаимодействия акторов в области обработки ПД [16]. Указ же вводит Национальный центр по защите персональных данных, призванный обеспечивать соблюдение Закона о защите ПД, защищать права субъекта ПД [17].

Таким образом, в Беларуси существует нормативная правовая база для внедрения социального рейтинга: вопросам информационной безопасности, особенно в последние годы, уделяется большое внимание. Однако, при этом видятся два основных проблемных момента: наличие правовых коллизий (например, после принятия, Закон о защите ПД вступал в коллизии с другими нормативными правовыми актами, такими как Кодекс Республики Беларусь об образовании и другими) и практическая защита от противоправных посягательств в цифровой сфере, нуждающаяся в доработке.

Социальный базис можно представить как сочетание цифровой культуры населения и белорусского менталитета. В цифровой культуре населения Республики Беларусь присутствует положительная динамика: использование Интернета возросло с 58,4 в 2013 году до 89,5 в 2022 году [18], что превосходит европейские показатели (88,4%) и сравнимо со статистическими данными по лидирующему региону – 93,4% [19]. Согласно индексу развития информационно-коммуникационных связей IDI (велся Международным союзом электросвязи по 2017-2018 году, возобновляется в 2023 году), формируемому по трем группам параметров (доступ к интернету и информационно-коммуникационным технологиям, использование интернета и информационно-коммуникационные навыки), Республика Беларусь занимает 32 место из 176, что является достаточно высоким и первым среди постсоветских стран показателем [20].

В отношении менталитета, опираясь на исследования профессора Кириенко В.В., можно отметить, что национальный портрет белорусов определяется во многом схожими с восточными чертами коллективизмом и социальностью, умеренным стремлением к личной свободе, что способствует внедрению рейтинговой системы [21, с.223]. Однако, склонность к более медленным социальным преобразованиям, а также кризисная международно-политическая обстановка наряду с внутренними противоречиями в белорусском обществе, вызванными событиями 2020 года, нивелируют указанные черты.

Таким образом, в Республике Беларусь присутствует технико-технологический, нормативный и социальный базис для внедрения системы социального рейтинга, однако, несмотря на это существует ряд проблем, создающих препятствия для потенциального внедрения рассматриваемой системы.

Во-первых, наряду с успешно функционирующими базами данных и перспективными проектами унифицированной цифровизации, в системе государственных органов и организаций присутствует и условно негативный опыт внедрения масштабных проектов. Одним из таких является разработка Единой республиканской телемедицинской сети (куда менее сложная структура, представляющая собой средство коммуникации, объединяющее в масштабах страны учреждения здравоохранения), которая проводилась в течение 14 лет, превысила планируемые сроки и до сих пор в полном объеме не завершена.

Необходимо отметить и наличие определенных вопросов, связанных с практическими механизмами защиты от киберпреступлений в Республике Беларусь. С одной стороны, число киберпреступлений и их удельный вес среди других противоправных деяний постоянно увеличивается. С другой, несмотря на наличие нормативной правовой базы по противодействию цифровым угрозам, ощущается острая потребность в дальнейшем улучшении механизмов предупреждения, пресечения киберпреступлений.

Другой проблемой, является общественное мнение: в современном дискурсе подобные системы часто описываются в контексте нарушения неприкосновенности личной жизни, тайны корреспонденции, иных неотъемлемых прав человека и их производных.

С учетом всего вышеописанного, целесообразным представляется внедрение системы социального рейтинга в Республике Беларусь в несколько отличном от китайского виде – условно называемый рейтинг добросовестности юридических лиц. В его контексте ранжирование применяется в отношении юридических лиц, являясь своеобразным продолжением государственного регистра и соединяя существующие систе-

мы учета. Баллы присваиваются и снимаются за экономическую (добросовестность при совершении сделок), финансовую (стабильность уплаты налогов и сборов), социально-трудовую (соблюдение законодательства о труде, взаимодействие с работниками), социально-публичную (активность в государственно-частном партнерстве) и другие составляющие. По результатам юридическому лицу присваивается рейтинг, на основании которого определяются льготы и ограничения, связанные с налогообложением, участием в государственных закупках, условиях банковского кредитования и других моментах. Однако следует учитывать возможность негативного влияния на развитие предпринимательства при необдуманном внедрении модификаторов правового статуса: предприятия, имеющие низкие рейтинги ввиду и без того упадочного состояния могут быть окончательно разорены связанными с рейтингом ограничениями, что в особенности опасно для нуждающегося в поддержке государства стратегического сектора. В связи с этим отмечается важность тонкой настройки внедряемой системы.

Библиографические ссылки

1. Го у юань гуань юй инь фа шэ хуй синь юн ти си цзянь шэ гуй хуа ган яо (2014—2020 нянь) де тун чжи [Уведомление Государственного совета о выпуске Плана строительства Системы социального кредитования (2014-2020)] (на китайском языке 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要（2014—2020年）的通知) // Официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики. 2023. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm. Дата доступа: 18.07.2023.

2. Катрашова, Ю. В. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом : перспективы внедрения и развития, угрозы реализации .Текст: электронный // Управленческое консультирование. 2021. №2 .С. 100-109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-reytinga-kak-forma-gosudarstvennogo-kontrolya-nad-obschestvom-perspektivy-vnedreniya-i-razvitiya-ugrozy> (дата обращения: 18.07.2023).

3. Лян бу мэнь ю гуань фу цзэ жэнь тань шэ хуй синь юн ти си цзянь шэ жэ дянь вэнь ти [Ответственные за два департамента рассказывают об актуальных проблемах в построении социального кредита] (на китайском языке 两部门有关负责人谈社会信用体系建设热点问题) // Официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики. 2023. Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2014-07/09/content_2714861.htm. Дата доступа: 18.07.2023.

4. Хасанова Т. О. Система социального кредитования в Китае. Екатеринбург : Урал. гос. юр. ун-т, 2022. С. 998-1004.

5. Main Data of the Seventh National Population Census // National Bureau of Statistics of China [Electronic resource]. Mode of access:

http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html. Date of access: 18.07.2023.

6. Юдина, Т. Н. Внедрение системы социального рейтинга в КНР в условиях цифровизации. – Текст: электронный // Теоретическая экономика. 2021. №2. С. 66-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-sistemy-sotsialnogo-reytinga-v-kr-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 20.07.2023).

7. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., №66 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100066>. – Дата доступа: 24.07.2023.

8. Об информации, информатизации и защит информации [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., №455-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. Дата доступа: 24.07.2023.

9. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., №113-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10900113>. Дата доступа: 24.07.2023.

10. Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс] : указ Президента Респ. Беларусь, 23 янв. 2014 г., №46 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31400046>. Дата доступа: 24.07.2023.

11. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., №60 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000060>. Дата доступа: 24.07.2023.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 257-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 мар. 2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>. Дата доступа: 24.07.2023.

13. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета безопасности Респ. Беларусь, 18 мар. 2019 г., №1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001>. Дата доступа: 24.07.2023.

14. Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июл. 2013 г., №658 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21300658>. Дата доступа: 24.07.2023.

15. О кибербезопасности [Электронный ресурс] : указ Президента Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., №40 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300040&p1=1>. Дата доступа: 24.07.2023.

16. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., №99-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики

Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1>. Дата доступа: 24.07.2023.

17. О мерах по совершенствованию защиты персональных данных [Электронный ресурс] : указ Президента Респ. Беларусь, 28 окт. 2021 г., №422 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32100422&p1=1>. Дата доступа: 24.07.2023.

18. Удельный вес населения, использующего сеть Интернет // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=226247>. Дата доступа: 26.07.2023.

19. Digital 2022: Global overview report // Datareportal [Electronic resource]. Mode of access: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>. Date of access: 26.07.2023.

21. Measuring the Information Society Report 2017 // International Telecommunication Union [Electronic resource]. Mode of access: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/08/MISR2017.pdf>. Date of access: 26.07.2023.

22. Кириенко, В.В. Менталитет современных белорусов: монография. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2004. 225 с.

ПРАВО НА СВОБОДУ ОБЪЕДИНЕНИЙ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Т. В. Сенькова

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
ул. Кирова, 119, г. Гомель, Беларусь, histchair@gsu.by*

Статья посвящена анализу понятия и содержания конституционного права на свободу объединений, оснований его ограничения. Отмечается многообразие форм реализации права на свободу объединений, а также значимость позитивной деятельности общественных объединений, способствующих демократическому развитию гражданского общества

Ключевые слова: право на свободу объединений; формы реализации права на объединений; ограничение права на свободу объединений.

RIGHT TO FREEDOM OF ASSOCIATION: ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE CONCEPT

T. V. Senkova

*Francisk Skorina Gomel state university,
Kirova st., 119, Gomel, Belarus, histchair@gsu.by*

The article is devoted to the analysis of the concept and content of the constitutional right to freedom of association, the grounds for its limitation. The diversity of forms of realization of the right to freedom of association is noted, as well as the importance of the positive activities of public associations that contribute to the democratic development of civil society

Keywords: right to freedom of association; forms of exercising the right to association; restriction of the right to freedom of association.

В современных условиях развития гражданского общества Республики Беларусь и политической системы в целом внимание к общественным объединениям возрастает, а их роль, соответственно, увеличивается. Совершенствование законодательства по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений «позволят поднять на более высокий уровень развитие партийного строительства и гражданского общества в Республике Беларусь, активизировать работу политических партий и общественных объединений, повысить ее эффек-

тивность и конструктивное взаимодействие с органами государственной власти» [1].

Права человека обоснованно рассматриваются как фундамент конституционализма. Особенно важной категорией конституционных прав для демократического правового государства являются права, обеспечивающие гражданам легитимную возможность принимать участие в публично-политической жизни своего государства. Право на объединение обеспечивает гражданам юридическую гарантию по совместной защите их прав и интересов, наполняет смыслом существование других конституционных прав (например, свободы собраний, свободы слова и др.) [2, с.3].

Чаще всего с точки зрения места права на объединение в системе прав человека его традиционно включается в группу политических прав. Однако это не в полной мере соответствует содержанию данного права, поскольку оно предполагает возможность создания не только политических партий, но и множества неполитических объединений. Сущность объединения заключается в реализации культурных, экономических, региональных, социальных и других интересов. Таким образом, потребность в создании общественных организаций исходит как из политических, так и социальных интересов.

Конституционное право на объединение предполагает многообразие форм его проявления. Создаваемые гражданами объединения могут быть религиозными, экологическими, предпринимательскими, профессиональными и др. Данное конституционное право представляет широкий спектр возможностей для самоорганизации активных, инициативных граждан в целях удовлетворения разнообразных потребностей, оказания влияния на все сферы жизнедеятельности общества, реализации собственных прав и свобод, их защиты [3, с. 105].

Право на свободу объединения является одним из основных прав человека, гарантированным как международными договорами, так и национальным законодательством. Первые документы, посвящённые закреплению прав человека в общемировом масштабе, а также необходимости их соблюдения и защиты, стали разрабатываться и приниматься после Первой мировой войны в рамках специализированной международной организации – Лиги наций [4, с. 39].

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в ст. 20 устанавливает, что «каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций». Право на свободу ассоциаций закреплено в ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., в ст. 7 п. с Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в от-

ношении женщин 1979 г., в ст. 29 Конвенции о правах инвалидов 2006 г., ст. 12 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека.

В подавляющем большинстве стран СНГ на конституционном уровне выделяется узконаправленный политический концепт категории «объединение». При этом в специальном законодательстве используется родовое понятие «объединение граждан», которое включает такие виды, как общественные организации, партии и иные общественно-политические организации.

В международно-правовой практике категория «объединение граждан» понимается довольно широко благодаря решениям Европейского Суда по правам человека в делах о защите принципа свободы ассоциаций (freedom of association) как базовой ценности общества. Понятие «ассоциация» охватывает фактически все разновидности негосударственных объединений граждан. Именно такая трактовка категории «объединение граждан» (ассоциация) следует из содержания конституций таких государств, как США, Канада, Швейцария, Япония, где право на свободу объединения в политические партии и общественные организации вообще четко не выражено. В указанных странах на уровне основного закона закрепляется только общая концепция «свободы ассоциаций» среди других форм «свободы выражения мнений». Так, ст. 21 Конституции Японии гарантирует свободу собраний и объединений, а также свободу слова, печати и всех иных форм выражения мнений. При этом статей о праве на свободу объединения в политические партии и общественные организации в тексте Конституции Японии нет [5, с. 183].

В ст. 4 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) закрепляются основы правового статуса политических партий и общественных объединений. Ст. 5 Конституции устанавливает, что «политические партии, другие общественные объединения, действуя в рамках Конституции и законов Республики Беларусь, содействуют реализации и защите прав, свобод и интересов человека и гражданина». Основой для создания и деятельности любого общественного объединения является конституционное право граждан на свободу объединения, что закреплено в ст. 36 Конституции.

Свое развитие право на свободу объединений получило в Законе Республики Беларусь «Об общественных объединениях» от 4 октября 1994 г. № 3254-ХІІ (далее – Закон), который направлен на реализацию конституционного права граждан на свободу объединений, а также на установление правовых и организационных основ создания, деятельности, реорганизации и (или) ликвидации общественных объединений, союзов (ассоциаций) общественных объединений.

В соответствии со ст. 2 Закона граждане Республики Беларусь имеют право создавать общественные объединения, вступать и участвовать в деятельности действующих общественных объединений. Таким образом, формами реализации права на свободу объединения являются создание общественных объединений, вступление в них и участие в их деятельности. В соответствующем Законе Российской Федерации право граждан на объединение включает в себя право создавать общественные объединения, право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из общественных объединений [6, ст.3]. Конституция Российской Федерации содержит положение о недопустимости принуждения к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем [7, ч.2 ст.30].

Роль и значение права на свободу объединения в системе конституционных прав состоит в том, что путем объединения в различные общественные организации граждане имеют возможность более эффективно реализовывать значительный спектр прав. Таким образом, право на объединение является важным средством обеспечения совместной защиты прав, свобод и законных интересов участников общественных организаций. Такие права как свобода мирных собраний, свобода слова и т.д. приобретают практическое значение благодаря именно праву на объединение [8, с.8]. Тем не менее, право на объединение не является абсолютным, оно может быть ограничено.

Реализация прав и свобод не может быть истолкована исключительно с позиции допускаемых правовых возможностей в демократическом обществе. Процесс реализации прав имеет ограничения, пределы при их использовании, обусловленные интересами государства и общества. Согласно общим представлениям об ограничении прав, под ним понимается допускаемые конституцией и установленные законодательством изъятия из конституционного статуса человека и гражданина [9, с.33].

Положения, допускающие возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина предусмотрены в международных актах. Так, ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что «право на свободу ассоциаций не подлежат никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц». Аналогичные нормы содержатся в ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

В соответствии с международными актами Конституция устанавливает ограничения прав и свобод путем закрепления нормы общего характера, которая ограничивает и право на объединение. Так, ст. 23 Конституции Республики Беларусь гласит: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц».

Таким образом можно выделить два основания допустимого ограничения прав и свобод, которые должны наличествовать в совокупности. Первое – формальное основание, то есть форма ограничения субъективного права. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законом. Второе основание допустимого ограничения прав и свобод – материальное, заключается в наличии фактических обстоятельств, с которыми Конституция Республики Беларусь связывает возможность установления ограничений субъективного права. Таким образом, законодатель не свободен в своем намерении, ограничение прав и свобод (при соблюдении формального критерия) возможно только по следующим материальным основаниям: а) в интересах национальной безопасности, общественного порядка; б) защиты нравственности; в) защиты здоровья населения; г) защиты прав и свобод других лиц [9, с.34]. Применительно к ограничениям деятельности общественных объединений в ст. 4 Конституции предусмотрен запрет, в соответствии с которым, идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан. Также ч. 3 ст. 5 Конституции запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды.

В развитие положений Конституции ст. 7 Закона устанавливает, что в Республике Беларусь запрещается создание и деятельность общественных объединений, союзов в целях осуществления террористической и иной экстремистской деятельности, других деяний, запрещенных законодательством. Деятельность общественных объединений, союзов, направленная на содействие предоставлению иностранными государствами гражданам Республики Беларусь льгот и преимуществ в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью в нарушение законодательства, также запрещена.

Кроме ограничений по целям и сферам деятельности, законодательством могут быть установлены ограничения в отношении отдельных категорий граждан. Однако, такие ограничения, как правило касаются уча-

ствия в деятельности политических партий. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 36 ст. Конституции судьи, прокурорские работники, сотрудники Комитета государственного контроля, военизированных организаций, военнослужащие не могут быть членами политических партий. Также в соответствии со ст. 63 Конституции осуществление прав и свобод личности может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом.

Как отмечается в научной литературе, обстоятельства природного и техногенного характера не должны являться основанием для введения ограничений права на объединение, поскольку любые ограничения должны вводиться только в том случае, если иным образом невозможно устранить возникшие чрезвычайные обстоятельства [2, с.21].

Так, ст. 13 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-3 «О чрезвычайном положении» в качестве чрезвычайных мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения, введенного при наличии беспорядков может приостанавливаться деятельность политических партий и иных общественных объединений, преследующих политические цели, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения.

Таким образом, право на свободу объединения является одним из основных прав человека, гарантированным международным и национальным законодательством. Потребность в создании общественных объединений обусловлена как политическими, так и социальными интересами. Конституционное право на объединение предполагает многообразие форм его проявления. В связи с тем, что одними из определяющих принципов создания и деятельности общественных объединений являются принципы свободы объединения и добровольности полагаем, что вполне целесообразно в содержание права на свободу объединения включать право воздержаться от вступления в общественное объединение и право выхода из него.

Анализ национального законодательства и международных правовых актов дает основание сделать выводы о возможности конституционно-правовых ограничений права на объединение в Республике Беларусь, как в любом в демократическом обществе. При этом должны быть соблюдены формальные и материальные основания ограничения права на объединение. Общественные объединения призваны решать актуальные проблемы на основе самостоятельности, независимости и заинтересованности граждан, способствуют демократическому развитию общественных отношений, формированию гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Президентом Республики Беларусь подписан Закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minjust.gov.by/press/news/normotvorcheskaya_deyatelnost/prezidentom_respubliki_belarus_podpisan_zakon_respubliki_belarus_ob_izmenenii_zakonov_po_voprosam_de/. Дата доступа : 10.09.2023.
2. Любутов, Н. А. Конституционное право граждан на объединение: правовая природа и механизм реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2011. С. 26.
3. Петухова, А. М. К вопросу о реализации прав на объединение и проведение публичных мероприятий в России как демократическом государстве. Вопросы российской юстиции. 2019. № 2. С. 103–114.
4. Права человека в международном и российском праве : учеб. пособие / В. В. Гончаров, Е. Г. Петренко. Краснодар : КубГАУ, 2020. С.134.
5. Бондарчук, И. В. Объединение граждан как юридическая категория: судебно-конституционный опыт стран СНГ и современные перспективы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 182–190.
6. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 19 мая 1995 г., № 82-ФЗ (ред. от 19.12.2022). Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/. Дата доступа : 10.09.2023.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа : 10.09.2023.
8. Войналович, М. В. Право человека на объединение и его место в системе конституционных прав // Наука, общество, государство. 2013. № 4 (4). С. 8.
9. Гакало, Е. В. Некоторые аспекты допустимых ограничений конституционного права на объединение // Перспективные разработки науки и техники – 2006 : материалы II Междунар.научно-практической конференции, Днепропетровск, 16–30 ноября 2006 г. / редкол.: С.В. Екимов [и др.]. Днепропетровск, 2006. С. 33–35.

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛАХ КОМПЕТЕНЦИИ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

В. П. Скобелев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, Skobelev@bsu.by*

В статье показано, что изменения, внесенные в законодательство в 2021 г., расширили территориальные пределы компетенции судебных исполнителей, и теперь судебные исполнители вправе совершать исполнительные действия на территории всей страны, независимо от того, в каком органе принудительного исполнения они работают. Вместе с тем законодатель преждевременно отказался от норм о возможности направления судебными исполнителями поручений и норм о возможности передачи исполнительного производства в другой орган принудительного исполнения.

Ключевые слова: орган принудительного исполнения; судебный исполнитель; компетенция судебного исполнителя; исполнительные действия.

ON THE ISSUE OF THE TERRITORIAL LIMITS OF JURISDICTION OF BAILIFFS

V. P. Skobelev

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, Skobelev@bsu.by*

The article shows that changes made to the legislation in 2021 expanded the territorial limits of the jurisdiction of bailiffs, and now bailiffs have the right to carry out enforcement actions throughout the country, regardless of which enforcement agency they work for. At the same time, the legislator prematurely abandoned the rules on the possibility of bailiffs sending orders and the rules on the possibility of transferring enforcement proceedings to another enforcement agency.

Key words: enforcement agency; bailiff; competence of the bailiff; executive actions.

Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. №90-З «Об изменении законов по вопросам исполнительного производства» (далее – Закон №90-З) были внесены значительные корректировки в Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП). Чтобы привести Инструкцию по исполнительному производству, утвержденную постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67 (далее – Ин-

струкция об ИП), в соответствии с указанными преобразованиями, Министерством юстиции Республики Беларусь было принято постановление от 21 мая 2021 г. №92 «Об изменении постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67» (далее – Постановление №92). Изменения коснулись в том числе и территориальных пределов компетенции судебных исполнителей.

В первоначальной редакции ст. 56 Закона об ИП присутствовали нормы, из содержания которых следовало, что судебные исполнители вправе совершать исполнительные действия лишь на территории юрисдикции «своего» органа принудительного исполнения, а за ее пределами – только с санкции руководителя вышестоящего органа принудительного исполнения. Эти нормы составляли содержание ч.2–4 ст. 56 Закона об ИП:

«Судебный исполнитель отдела принудительного исполнения совершает исполнительные действия на территории соответствующего района, города, района в городе, а за их пределами, но в пределах соответствующей области (города Минска) – на основании постановления главного судебного исполнителя по области (городу Минску), за пределами области (города Минска) – на основании постановления Главного судебного исполнителя Республики Беларусь.

Судебный исполнитель управления принудительного исполнения совершает исполнительные действия на территории соответствующей области (города Минска), а за пределами области (города Минска) – на основании постановления Главного судебного исполнителя Республики Беларусь.

Судебный исполнитель главного управления принудительного исполнения Министерства юстиции Республики Беларусь совершает исполнительные действия на всей территории Республики Беларусь».

Фактически о том же самом – компетенция судебного исполнителя ограничена территорией юрисдикции соответствующего органа принудительного исполнения – свидетельствовали и правила ч.1, 2 ст. 48 Закона об ИП: «Если в процессе исполнения исполнительного документа изменились место жительства (место пребывания) или место нахождения должника и установлено, что на территории, на которую распространяются полномочия судебного исполнителя, отсутствует имущество должника, на которое может быть обращено взыскание, судебный исполнитель выносит постановление о передаче исполнительного производства другому органу принудительного исполнения.

При необходимости совершения отдельных исполнительных действий на территории, на которую не распространяются полномочия судебного исполнителя, он вправе поручить совершение таких действий

соответствующему судебному исполнителю, о чем выносит постановление. Постановление судебного исполнителя направляется в соответствующий орган принудительного исполнения не позднее дня, следующего за днем его вынесения, и должно быть исполнено не позднее пятнадцати дней со дня его поступления, если в самом постановлении не предусмотрен иной срок».

Косвенно указывали на территориальные пределы компетенции органов принудительного исполнения (и, соответственно, границы полномочий работающих в них судебных исполнителей) также положения абз.3, 4 ч.3 ст. 48 Закона об ИП о том, что в целях правильного, полного и своевременного исполнения исполнительного документа «главный судебный исполнитель по области (городу Минску) вправе передать исполнительное производство из одного отдела принудительного исполнения в другой отдел принудительного исполнения в пределах этой области (города Минска); Главный судебный исполнитель Республики Беларусь вправе передать исполнительное производство из одного отдела принудительного исполнения в другой отдел принудительного исполнения в пределах Республики Беларусь».

Приведенные правила Закона об ИП были в немного иной текстуальной редакции, а также с некоторыми дополнениями отражены в ч.4–7 п.44, п.45, 46 Инструкции об ИП (до внесения в данные пункты корректировок Постановлением №92).

Очевидно, что правило об ограничении компетенции судебных исполнителей территорией «своего» органа принудительного исполнения и вытекающие из этого правила последствия (связанные с необходимостью в соответствующих случаях получать разрешение на совершение исполнительных действий на территории юрисдикции «чужого» органа принудительного исполнения, направлять в другой орган принудительного исполнения поручение о совершении отдельных исполнительных действий или же в целом исполнительное производство) значительно усложняли и замедляли процесс принудительной реализации судебных постановлений и иных подлежащих исполнению актов.

Более того, во многих случаях все это создавало для судебных исполнителей дополнительные и совершенно искусственные сложности. Дело в том, что деятельность судебных исполнителей сопряжена с постоянным получением сведений относительно должников и принадлежащего им имущества из различных электронных общегосударственных информационных ресурсов, физические носители которых (сервера и т.п.), как правило, находятся в г. Минске. Выходит, что получение такой информации – это исполнительные действия на территории «чужого» органа принудительного исполнения (за исключением судебных испол-

нителей, работающих на территории размещения физических носителей соответствующего электронного информационного ресурса), и для их совершения судебному исполнителю, с формальной точки зрения, требуется или получить разрешение, или направить поручение судебному исполнителю другого органа принудительного исполнения. То же самое нужно сказать про алгоритм получения информации относительно денежных средств и иного имущества должников из банковских организаций – головные офисы банков располагаются также в столице.

В целях преодоления отмеченных искусственных сложностей в Инструкции об ИП были закреплены правила, которые хоть и расходились с буквальным текстом Закона об ИП, но, тем не менее, помогали решению проблемы (мы приводим их в редакции, действовавшей до вступления в силу Постановления №92): «Судебный исполнитель при исполнении требований исполнительного документа получает необходимые сведения, в том числе из автоматизированных информационных систем (баз данных) государственных органов и иных организаций, о должнике и его имуществе, а также имуществе, принадлежащем ему на праве общей совместной собственности и зарегистрированном на имя супруга (супруги), и предпринимает иные меры по установлению имущества, на которое может быть обращено взыскание *на всей территории Республики Беларусь*» (ч.3 п.44 Инструкции об ИП); «Исполнительные действия по установлению и обращению взыскания на денежные средства и иное имущество, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, совершаются судебным исполнителем *на всей территории Республики Беларусь*» (ч.2 п.44 Инструкции об ИП). Отметим, что прообразом приведенных правил явилась норма ч.3 ст. 483 ГПК: «Исполнительные действия по установлению и обращению взыскания на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) или на хранении в банках или небанковских кредитно-финансовых организациях, а также по установлению иного имущества должника совершаются судебным исполнителем *на всей территории Республики Беларусь*». Данное правило было введено в ГПК Законом Республики Беларусь от 1 июля 2014 г. №175-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования гражданского судопроизводства» для того, чтобы преодолевать сложности, порождаемые ч.2 ст. 483 ГПК, по смыслу которой компетенция судебных исполнителей в территориальном плане ограничивалась территорией юрисдикции соответствующего органа принудительного исполнения, а до реформы сферы принудительного исполнения 2014 г. – территорией юрисдикции суда (мы приводим содержание нормы в самой последней ее ре-

дакции): «Если в процессе исполнения исполнительного документа изменилось место жительства (место пребывания) или место нахождения должника и имущества, на которое можно было бы обратить взыскание по прежнему месту жительства (месту пребывания) или месту нахождения должника, не осталось, исполнительный документ на основании постановления судебного исполнителя направляется для исполнения в орган принудительного исполнения по новому месту жительства (месту пребывания) или месту нахождения должника, о чем извещается взыскатель».

Законом №90-З правила ч.2-4 ст. 56, а также ст. 48 (целиком) из Закона об ИП были исключены. Соответственно Постановлением №92 из Инструкции об ИП были изъяты и все корреспондирующие данным правилам положения (за счет исключения п.45, 46 и изложения в новой редакции п. 44 Инструкции об ИП). В связи с чем возникает вопрос, означают ли данные преобразования то, что отныне компетенция судебных исполнителей в территориальном отношении (после принятия к своему производству конкретного исполнительного документа) не имеет пределов, т.е. не ограничивается территориальными границами юрисдикции того органа принудительного исполнения, в котором судебные исполнители работают. В Законе об ИП каких-либо четких, однозначных предписаний на данный счет нет.

Только в ч.3 новой редакции п.44 Инструкции об ИП можно найти указание о том, что «судебный исполнитель при исполнении требований исполнительного документа получает необходимые сведения, в том числе из автоматизированных информационных систем (баз данных) государственных органов и иных организаций, о должнике и его имуществе, а также имуществе, принадлежащем ему на праве общей совместной собственности и зарегистрированном на имя супруга (супруги), а также ***совершает иные необходимые исполнительные действия на всей территории Республики Беларусь***». Таким образом, отличие приведенной нормы от аналогичного правила, содержавшегося в ч.3 прежней редакции п.44 Инструкции об ИП, в том, что она позволяет судебному исполнителю осуществлять на всей территории Республики Беларусь не только действия по получению сведений о должнике и принадлежащем ему имуществе (в том числе из автоматизированных информационных систем (баз данных) государственных органов и иных организаций), но и вообще абсолютно любые исполнительные действия.

Оценивая преобразования, направленные на расширение территориальных пределов компетенции судебных исполнителей, в общем-то в положительном ключе, вместе с тем выскажем по этому поводу и несколько критических замечаний.

Во-первых, указание на право судебных исполнителей совершать любые исполнительные действия на всей территории Республики Беларусь (после того, как конкретный исполнительный документ был принят судебным исполнителем к своему производству) следовало закрепить в Законе об ИП, а не на уровне подзаконного нормативного правового акта – Инструкции об ИП.

Во-вторых, законодатель, как нам представляется, преждевременно отказался от норм о возможности направления судебными исполнителями поручений о совершении исполнительных действий в адрес судебных исполнителей «чужого» органа принудительного исполнения. Попутно заметим, что соответствующие нормы были исключены не только из Закона об ИП и Инструкции об ИП, но и (Законом №90-З) из Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №440-З «О судебных исполнителях» (далее – Закон о СИ) – эти нормы содержались в абз.5 ст. 7 (он предусматривал, что Главный судебный исполнитель Республики Беларусь «поручает совершение исполнительных действий судебным исполнителям и иным работникам органов принудительного исполнения») и абз.7 ст. 10 (он закреплял обязанность судебного исполнителя «выполнять поручения других судебных исполнителей о совершении отдельных исполнительных действий на территории, на которую не распространяются полномочия этих судебных исполнителей, в порядке, установленном законодательством») [1, с. 6].

Например, выявленное судебным исполнителем имущество должника (его отдельные виды) может находиться на значительном отдалении (даже в нескольких сотнях километров) от того органа принудительного исполнения, в котором было возбуждено исполнительное производство. В такой ситуации в целях соблюдения принципа процессуальной экономии (принцип закреплен в абз.3 ст. 5 Закона об ИП) судебному исполнителю более целесообразно направлять поручение об обращении взыскания на указанное имущество в адрес органа принудительного исполнения по месту нахождения имущества должника, нежели выезжать в данное место и самому заниматься соответствующей деятельностью (особенно учитывая также тот факт, что на время своей командировки судебный исполнитель фактически будет лишен возможности совершать исполнительные действия по иным находящимся в его производстве исполнительным документам).

Во-третьих, весьма поспешным нам видится и решение законодателя упразднить нормы о допустимости передачи исполнительного производства из одного органа принудительного исполнения в другой, т.к. потребность в подобных передачах может по-прежнему возникать. Так, в свое время в ст. 48 Закона об ИП было указано, что передача исполни-

тельного производства осуществляется «в целях правильного, полного и своевременного исполнения исполнительного документа». Однако, по нашему мнению, причины для передачи исполнительного производства должны быть более конкретны и заключаться в следующем:

в необходимости обеспечения принципа беспристрастности (независимости) в ходе ведения исполнительного производства (например, когда все судебные исполнители органа принудительного исполнения были отведены или когда отводы хоть и не поступили, но с учетом конкретных обстоятельств существует высокая вероятность нарушения данного принципа вследствие оказания влияния на ведение исполнительного производства со стороны каких-то местных должностных лиц и тому подобных факторов);

в потребности реализации принципа процессуальной экономии (когда с учетом конкретных обстоятельств и условий, сопутствующих исполнительному производству, будет установлено, что во всех отношениях более выгодно его вести в другом органе принудительного исполнения, например, если по месту нахождения другого органа принудительного исполнения было обнаружено множество разнообразного имущества должника, на которое требуется обратить взыскание, это имущество значительно отдалено в территориальном плане от того органа принудительного исполнения, в который изначально поступил исполнительный документ, и по месту нахождения последнего из упомянутых органов никакого имущества не осталось);

в необходимости обеспечения квалифицированного (качественного) совершения исполнительных действий (когда предусмотренное исполнительным документом взыскание отличается значительной спецификой (новизной), а судебные исполнители органа принудительного исполнения, куда изначально поступил исполнительный документ, не обладают необходимыми узкоотраслевыми умениями, знаниями и (или) навыками).

Характерно, что, несмотря на исключение ст. 48 Закона об ИП, в законодательстве продолжают присутствовать нормы о допустимости передачи исполнительного производства из одного органа принудительного исполнения в другой [2, с. 12]. Так, согласно абз.7 ст. 7 Закона о СИ Главный судебный исполнитель Республики Беларусь «принимает решение о передаче исполнительных производств на исполнение в главное управление принудительного исполнения», а в соответствии с абз.5 ст. 8 Закона о СИ главный судебный исполнитель территориального органа принудительного исполнения «принимает решение о передаче исполнительных производств на исполнение в другой орган принудительного исполнения в пределах соответствующей области (города Минска)».

Имеются на этот счет нормы и в Инструкции об ИП: «В случае удовлетворения заявления об отводе всех судебных исполнителей органа принудительного исполнения исполнительное производство направляется в соответствующее управление принудительного исполнения для определения органа принудительного исполнения, которому будет передано исполнительное производство для дальнейшего исполнения» (ч.2 п.19); «При передаче исполнительного производства из одного органа принудительного исполнения в другой орган принудительного исполнения отмена, замена ограничений (обременений), ранее установленных в отношении должника и (или) его имущества, не производятся. Полномочия по отмене, замене ограничений (обременений) переходят к судебному исполнителю, которому передано исполнительное производство» (п.47). При этом отметим нелогичность изменений, внесенных Постановлением №92 в Инструкцию об ИП. Дело в том, что изначально п.46 Инструкции об ИП воспроизводил положения ч.3 ст. 48 Закона об ИП об основаниях для передачи исполнительного производства, а п.47 Инструкции об ИП – положения ч.4 ст. 48 Закона об ИП о последствиях такой передачи. Затем Законом №90-З ст. 48 Закона об ИП была исключена из него целиком, между тем Постановлением №92 в Инструкции об ИП п.47 был оставлен. Очевидно, что, следуя логике нормативных преобразований, из Инструкции об ИП необходимо было исключить и п.47. Но, коль скоро данный пункт в Инструкции об ИП был сохранен, то сохранения требовал и предшествующий ему пункт – п.46 Инструкции об ИП.

Библиографические ссылки

1. Скобелев, В. Изменения в исполнительном производстве: комментарий к Закону от 06.01.2021 №90-З // Суд. и арбитраж. практика. 2021. №7. С. 5-10.
2. Скобелев, В. Изменения в исполнительном производстве: комментарий к Закону от 06.01.2021 №90-З // Суд. и арбитраж. практика. 2021. №9. С. 8-14.

К ВОПРОСУ О СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. В. Смолина

*Суд Московского района г. Минска
просп. Газеты Правда, 27, Минск, Республика Беларусь*

В статье исследуются правовые вопросы, связанные с определением понятия и предмета производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений. Рассматриваются также вопросы выявления различных признаков судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений.

Ключевые слова: публично-правовое отношение; судопроизводство; предмет рассмотрения; особое производство; исковое производство.

ON THE ISSUE OF LEGAL PROCEEDINGS IN CASES ARISING FROM PUBLIC LAW RELATIONS

S. V. Smolina

*Court of the Moskovsky district of Minsk
ave . Newspapers Pravda, 27, Minsk, Republic of Belarus*

The article examines legal issues related to the definition of the concept and subject of proceedings in cases arising from public relations." The issues of identifying various signs of legal proceedings in cases arising from public relations are also considered.

Keywords: public law relations, legal proceedings, subject of consideration, special proceedings, claim proceedings.

В последние годы проблема судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, является объектом изучения и дискуссий ученых и юристов-практиков [1 ; 2; 3].

К делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, мы относим дела публично-правового характера, которые в настоящее время подлежат рассмотрению в трех производствах: производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, исковом и особом производствах. Публично-правовыми признаются те правоотношения, в которых один из обязательных его участников обладает властными полномочиями и реализует их в отношении второй стороны, таковыми не обладающей [4, с.174].

Характеризуя вышеуказанные правоотношения, в первую очередь, следует сказать о судебной подведомственности дел. В соответствии со статьей 37 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее ГПК) судам подведомственны дела: 1) по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных отношений, отношений по использованию природных ресурсов, а также окружающей среды, если хотя бы одной из сторон в споре выступает гражданин, за исключением случаев, когда актами законодательства разрешение таких споров отнесено к компетенции других судов или к ведению иных государственных органов, а также иных организаций;

2) по спорам юридических лиц в случаях, установленных ГПК и иными законодательными актами;

3) возникающие из административно-правовых отношений, перечисленные в статье 335 ГПК;

4) особого производства, перечисленные в статье 361 ГПК;

5) приказного производства, перечисленные в статье 394 ГПК.

Отметим, что для дел, возникающих из административно-правовых отношений, характерным является то, что до обращения в суд спор должен стать предметом рассмотрения другого органа и несоблюдение досудебного порядка спора может служить одним из оснований для отказа в возбуждении гражданского дела.

При разрешении споров, возникающих при рассмотрении и разрешении дел из публично - правовых отношений следует руководствоваться всеми принципами гражданского процессуального права, значение которых велико как в нормотворческой, так и в правоприменительной деятельности.

Производство по делам из публично-правовых отношений также связано с разрешением споров о законности действий (бездействий) государственных органов и должностных лиц. Следует оговорить, что предмет судебной деятельности из публично-правовых отношений — это применение норм права для восстановления нарушенных прав и законных интересов организаций, граждан, урегулирование спорных вопросов. И как следствие, правильное определение предмета судебной деятельности служит залогом качества защиты нарушенных или оспариваемых прав, а также охраняемых законом интересов.

Как отмечает Ю. В. Тихомирова «предметом рассмотрения здесь является материально-правовое требование одного лица к другому, спор о праве, возникающий из государственных, административных и иных публичных правоотношений» [5,с.140]

Выбор вида гражданского судопроизводства, адекватного предмету судебной защиты и связанному с ним предмету судебной деятельности,

означает применение предусмотренных законом процессуальных правил, фиксирующих сроки рассмотрения и разрешения гражданского дела, процедуру доказывания, роль и активность суда в состязательном процессе, требования к итоговому судебному акту, и иные аспекты гражданской процессуальной формы.

Предмет судебной деятельности из публично - правовых отношений находится в зависимости от предмета судебной защиты таких отношений.

Дела, возникающие из публичных и иных административных правоотношений целесообразно дифференцировать по критерию предмета судебной деятельности, в зависимости от наличия или отсутствия правового конфликта между сторонами на спорные и бесспорные. Целью данного вида судопроизводства является защита субъективных прав и охраняемых законом интересов путем рассмотрения споров о праве между сторонами и путем осуществления контроля и надзора за действиями органов управления, должностных лиц и иных органов (организаций), которые могут нарушать права и свободы гражданина.

К спорным публичным или административным делам относятся все дела, касающиеся нарушения субъективных и общественных прав, свобод и законных интересов, например о защите избирательных прав, об оспаривании действий (бездействия) и решений должностных лиц, органов государственной власти, местного самоуправления и т.д.

Приказное производство рассматривается как относительно бесспорное. До тех пор, пока материальные правоотношения не приобрели спорный характер и не перешли в разряд исковых дел, предметом судебной деятельности по делам приказного производства является признание за взыскателем права на принудительное исполнение обязанности должника в силу обладания взыскателем права требования по закону.

Судопроизводство по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, государственных служащих имеет свои особенности. В судебном порядке можно оспорить разные действия и решения государственных служащих. Обратиться в суд можно в случае несогласия не только с формализованным решением, но и любым другим.

Ключевым видом производства, в рамках которого рассматривается подавляющее количество дел публично-правового характера, является производство по делам, возникающих из административно-правовых отношений.

Рассмотрение жалоб на неправомерные решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправле-

ния, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, нарушающих права и свободы граждан, регулируется ст. 254–258 ГПК.

Рассмотрение жалоб на действия (бездействия) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения, постановления руководителя органа принудительного исполнения, регулируется ст. 360-3 – 360-6.

Вместе с тем, рассмотрение дел, связанных с защитой публичных прав, осуществляется также в рамках искового и особого производства.

Например, в исковом производстве подлежат рассмотрению дела о ликвидации некоммерческих организаций (политической партии, общественного объединения и др.). А в порядке особого производства о принудительной госпитализации и лечении граждан (ст. 391-393 ГПК), о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения о переводе несовершеннолетних из специальных учебно-воспитательных учреждений в специальные лечебно-воспитательные учреждения, о прекращении пребывания несовершеннолетних в указанных учреждениях до истечения установленного судом срока пребывания в них, о продлении этого срока, а также о помещении несовершеннолетних в приемники-распределители для несовершеннолетних, о продлении срока нахождения несовершеннолетних в приемниках-распределителях для несовершеннолетних, об освобождении несовершеннолетних из приемников-распределителей для несовершеннолетних (ст. 393-6 – 393-8 ГПК), о направлении гражданина в лечебно-трудовые профилактории, продлении срока нахождения гражданина в лечебно-трудовом профилактории, сокращении срока нахождения гражданина в лечебно-трудовом профилактории (ст. 393-9 – 393-12 ГПК).

Предмет судебного разбирательства — проверка законности решений, действий (бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов заявителя.

Разрешая спор суд проверяет законность оспариваемых решений, действий (бездействия). Для этого суд проверяет такие факты, как компетенция органа власти или должностного лица по принятию того или иного решения, совершения действия, не совершения действия (бездействие). Проверяется, как форма, так и содержание оспариваемых решений. Суд устанавливает также факты, входящие в предмет доказывания: какие конкретно права, свободы, законные интересы заявителя нарушены, в чём состоит это нарушение.

В ходе разбирательства дела суд исследует документы, на основании которых было вынесено обжалуемое постановление или совершено обжалуемое действие (бездействие), заслушивает объяснения заявителя и

заинтересованного лица. В необходимых случаях заслушиваются свидетели.

Согласно ст. 357 ГПК по результатам рассмотрения жалобы суд выносит решение. Суд, признав обжалуемые действия (бездействие) неправомерными, ущемляющими права гражданина, выносит решение об обоснованности жалобы и обязанности устранить допущенное нарушение. Суд, установив, что обжалуемые действия были совершены в соответствии с законом, в пределах полномочий государственного органа, юридического лица, организации либо должностного лица, выносит решение об отказе в удовлетворении жалобы. Решение суда по жалобе для устранения допущенных нарушений направляется руководителю государственного органа, юридического лица, организации, должностному лицу, действия которых были обжалованы, либо в вышестоящий в порядке подчиненности государственный орган, юридическому лицу, в организацию, должностному лицу в течение трех дней со дня вступления решения в законную силу. Об исполнении решения суда по жалобе должно быть сообщено суду и заявителю не позднее чем в месячный срок со дня получения решения суда.

Если обратиться к опыту Российской Федерации, то ученые-процессуалисты отмечают позитивный эффект унификации современного нормативного правового регулирования порядка рассмотрения и разрешения судами дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Принятие и вступление в силу Кодекса административного судопроизводства РФ стало, по мнению российских ученых, еще одним шагом к единообразию толкования правовых терминов, поскольку Кодекс РФ вслед за Конституцией РФ и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации прямо оперирует термином «административное судопроизводство» [6, с.43].

Административное судопроизводство как вид судопроизводства, предусмотренный ст. 118 Конституции РФ, представляет собой процессуальную форму рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции, Верховным судом РФ и арбитражными судами административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, а также других административных дел, возникающих из иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления публичных полномочий, в т. ч. дел об административных правонарушениях.

В заключение отметим, что более логичным представляется объединить все категории публично-правовых дел в одном производстве, что приведет к расширению объема распорядительных прав сторон для более эффективной защиты гражданских прав.

Библиографический список

1. Синюк, Е. В. О совершенствовании рассмотрения и разрешения судами гражданских дел публично-правового характера // «Право.by». 2019. № 5. С. 38–43.
2. Общая характеристика производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, в гражданском процессе // Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.- метод. пособие. В 2 кн. Кн. 1. Специализация в общих судах Республики Беларусь / редкол. : В. П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. Минск : издательство «Четыре четверти», 2013. С. 259-269.
3. Колядко, И. Н. Концепции судебной защиты публичных прав в государствах – участниках СНГ // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гроднен. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2017. 246 с. Ч. 1. С. 146–150.
4. Маркушина, В. Н. Особенности публично-правовых отношений, подлежащих судебному рассмотрению в порядке административного судопроизводства // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 6-1. С. 173-181.
5. Тихомирова, Ю. В. Понятие и признаки производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений как вида гражданского судопроизводства // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2011. – № 8(70). С. 140-147.
6. Ермаков, А. Н. Систематизация законодательства, регламентирующего административное судопроизводство // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. № 1(5). С. 42-47.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

П. В. Соловьёв

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь, p.solovjov@psu.by*

В статье рассматриваются возможные направления «цифровой» трансформации положений нормативного правового акта о субъектах правовых отношений и их правах и обязанностях. Рассмотрен вопрос о введении института электронных юридических лиц и электронных государственных органов, закрепление в законодательстве цифровых прав и обязанностей человека. Обращено внимание, что внедрение цифровых элементов в ткань нормативного правового акта требует одновременной выработки гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях «цифрового обновления» законодательства.

Ключевые слова: нормотворчество; цифровизация права; цифровой нормативный правовой акт; субъекты правовых отношений; цифровые права и обязанности.

ELECTRONIC SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS AND DIGITAL RIGHTS AND RESPONSIBILITIES AS A DIRECTION FOR IMPROVING THE PUBLIC ADMINISTRATION MECHANISM

P. V. Soloviov

*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
29 Blokhin Street, 211440, Novopolotsk, Republic of Belarus, p.solovjov@psu.by*

The article discusses possible directions for the "digital" transformation of the provisions of a legal act on the subjects of legal relations and their rights and obligations. The issue of introducing the institution of electronic legal entities and electronic government bodies, fixing digital rights and obligations of a person in the legislation was considered. Attention is drawn to the fact that the introduction of digital elements into legal act requires the simultaneous development of guarantees for ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and legal entities in the context of "digital updating" of legislation.

Keywords: rulemaking; digitalization of law; digital legal act; subjects of legal relations; digital rights and obligations.

В настоящее время цифровизация нормотворческого процесса является важным инструментом создания и функционирования эффективной системы нормативных правовых актов. Можно констатировать, что сегодня, например, в Республике Беларусь все стадии нормотворческого процесса прошли определённую «оцифровку»: функционирование автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА); ведение электронного банка данных проектов законов; публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов в сети Интернет; электронное официальное опубликование нормативных правовых актов и др. Более кардинальное изменение – формируется концепция «цифрового нормативного правового акта» [1, с.137; 2].

Однако, как нам представляется, под цифровизацией нормотворчества также следует понимать не только трансформацию нормотворческого процесса или формы нормативных правовых актов, но и изменение их содержания, формирование новых подходов к их наполнению в условиях цифровизации общественных отношений.

В первую очередь, это появление нормативных правовых актов с новым «цифровым» предметом правового регулирования. Например, законодательство об обороте криптовалют, использовании систем искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, смарт-контрактов, технологий виртуальной и дополненной реальности, технологий беспроводной связи и др. В данной области правового регулирования особое значение получает опережающее нормотворчество, т.е. подготовка и принятие нормативных правовых актов, которые должны регулировать складывающиеся или прогнозируемые к появлению общественные отношения. Цель опережающего правотворчества – не допустить «правового вакуума» в условиях динамично развивающихся общественных отношений, а также задать нужный вектор развития новых общественных отношений в соответствии конституционными целями. Нормативный правовой акт, опережающий существующий уровень политического и социально-экономического развития, задает рамки и направление будущего развития новых общественных отношений. В конечном счёте, опережающее нормотворчество призвано служить элементом поддержания конституционного правопорядка в сфере «цифровых» отношений.

Однако цифровизация содержания нормативных правовых актов – это также пересмотр существующих нормативных правовых актов с позиций цифровизации, например, трансформация положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях, порядке реализации прав и обязанностей, процедурах применения права, юридической ответственности и др. В условиях цифрового общества требуется переход к

принципиально новому стилю нормотворческого мышления, при котором содержание почти каждого нормативного правового акта должно быть дополнено цифровыми инструментами в целях повышения эффективности нормативно-правового регулирования.

В этой связи, как нам представляется, есть необходимость держать в фокусе юридических исследований не только вопросы цифровой трансформации нормотворческого процесса, но и общие вопросы «оцифровки» содержания нормативных правовых актов. В рамках данной работы рассмотрим два вопроса цифровой трансформации содержания нормативного правового акта: изменения в субъектном составе и содержании их прав и обязанностей.

В первую очередь, цифровизация права предполагает пересмотр положений о субъектах правовых отношений. Как представляется, преждевременно ожидать глобальных изменений в блоке физических лиц, например, нет оснований говорить о формировании концепта цифровой личности или скором наделении правоспособностью человекоподобных роботов с необходимостью в нормативных правовых актах вводить градацию антропоморфный и неантропоморфный робот и т.д.

Однако уже следует активизировать научную дискуссию о возможности и необходимости формирования такой правовой категории как «электронное юридическое лицо». Категория электронного юридического лица на современном этапе развития общества может предполагать собой переход юридического лица из физической оболочки в электронную. Например, место нахождения юридического лица из физического адреса (населенный пункт, улица, дом, помещение и т.п.) может быть заменено на электронные реквизиты – доменное имя, e-mail, никнейм в социальных сетях и др. Такие реквизиты могли бы считаться надлежащим каналом взаимодействия с этим юридическим лицом при обеспечении интересов работников, контрагентов, государства при осуществлении контрольно-надзорных функций.

Например, ряд видов экономической деятельности не предполагают наличие производственных помещений или офисов. Электронное юридическое лицо как наниматель в трудовых отношениях гармонично встраивается в систему правового регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу, т.е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Частично подобный подход возможен и по отношению к государственным органам и учреждениям. Речь может идти об расширении электронного представительства государственных органов и учреждений в

цифровой среде. Государственный орган может быть частично из физической оболочки (почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема) перенесен в цифровую среду (доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для индивидуальных обращений). Это предполагает экономию средств на содержание государственного органа (учреждения) и должно способствовать минимизации коррупционных проявлений.

В свою очередь, в рамках цифровой трансформации государственных органов и учреждений речь может идти о создании цифровых должностных лиц для осуществления определенных функций государства посредством систем искусственного интеллекта. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур, привлечение к административной ответственности. В определённой степени это не потребует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Трансформация общественных отношений в условиях цифровизации также предполагает отражение этих изменений в законодательных перечнях прав и обязанностей участников правовых отношений. В силу разнообразного влияния цифровых технологий на общественные отношения возникает необходимость как изменения существующих прав и обязанностей, так и закрепления новых.

В настоящее время в юридической науке активно ведется дискуссия о формировании цифровых прав человека. В. Д. Зорькин говорит о том, что цифровые права человека – это конкретизация универсальных прав человека в условиях цифровой трансформации (гражданских, политических, экономических и др.) [3], в свою очередь, М.С. Абламейко допускает признание цифровых прав в качестве самостоятельной группы прав [4, с.22], в которую могут быть включены: право на доступ к информации и доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в интернет; право на защиту частной жизни и персональных данных; имущественные права в цифровом имущественном обороте; приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта и др. На данный момент единый и системный подход в юридической науке по этому вопросу ещё не выработан.

Однако уже сейчас можно говорить о необходимости включения в отдельные нормативные правовые акты прав и обязанностей, обусловленных цифровизацией общественных отношений. В частности, применительно к такому элементу цифровизации как искусственный интеллект,

можно говорить о формировании следующего общего списка новых прав и обязанностей субъектов правовых отношений, подлежащих отражению, например, в трудовом и банковском законодательстве:

- право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при прохождении собеседования при приеме на работу [5, с.54] или при прохождении аттестации у нанимателя, при обращении в банки и небанковские кредитно-финансовых организации, при рассмотрении обращения и др.);

- право физического лица на рассмотрение обращения или дела человеком, а не системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при принятии решения об отказе в приеме на работу, определении работника подлежащего сокращению; при принятии банком или небанковской кредитно-финансовой организацией решения об отказе в предоставлении услуги и др.);

- обязанность физического лица владеть навыками безопасного использования цифровых технологий в целях защиты интересов других лиц;

- и др.

Изменение подходов к формированию перечня прав и обязанностей субъектов правоотношений в условиях цифровизации обусловлен тем, что здесь возникает новая группа отношений, подлежащих правовому регулированию. Так, право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта и право физического лица на рассмотрение его вопроса человеком, а не системой искусственного интеллекта направлено на преодоление риска небезопасности искусственного интеллекта и возможной дегуманизации права.

Таким образом, цифровизация нормотворчества – это не только трансформация нормотворческого процесса, но и переход к принципиально новому стилю нормотворческого мышления призванного сохранить ценность права в условиях цифровой революции. В первую очередь, это устранение «правового вакуума» в вопросах цифровизации общественных отношений, оперативное создание нормативных правовых актов с новым «цифровым» предметом правового регулирования, например, закон об искусственном интеллекте. Однако не менее важно обеспечить модернизацию содержания существующих нормативных правовых актов через их обогащение цифровыми инструментами в целях повышения эффективности нормативно-правового регулирования. Это предполагает трансформация положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях, порядке реализации прав и обязанностей, процедурах применения права, юридической ответственности и др. Однако

внедрение цифровых элементов в ткань нормативного правового акта требует одновременной выработки гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях «цифрового обновления» законодательства.

Библиографические ссылки

1. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. С. 234.
2. Соловьёв, П. В. Цифровой нормативный правовой акт как направление развития правотворческой и правоприменительной деятельности // Информационные технологии и право : правовая информатизация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 356–360.
3. Зорькин, В. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. № 115. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 05.07.2023.
4. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 19–26.
5. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 2-е издание, обновленное и дополненное. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. С. 275.

ИНСТИТУТ РОТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А. И. Стрельцова

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
ул. Кирова, 119, г. Гомель, Беларусь, histchair@gsu.by*

В международной практике ротация является одним из рабочих механизмов противодействия коррупции, а также повышения профессиональной подготовки служащих. В данной статье анализируется правовая регламентация института ротации в странах-участниках СНГ. Автор предлагает в дальнейшем развивать институт ротации в отечественном законодательстве, закрепив легальное понятие «ротации» и поэтапный механизм осуществления данного процесса.

Ключевые слова: ротация; перевод; перемещение; цели; этапы ротации.

INSTITUTE OF ROTATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND FOREIGN COUNTRIES

A. I. Streltsova

*Francisk Skorina Gomel state university,
Kirova st., 119, Gomel, Belarus, histchair@gsu.by*

In international practice, rotation is one of the working mechanisms for combating corruption, as well as improving the professional training of employees. This article analyzes the legal regulation of the institution of rotation in the CIS member countries. The author proposes to further develop the institution of rotation in domestic legislation, establishing the legal concept of “rotation” and a step-by-step mechanism for implementing this process.

Key words: rotation; transfer; movement; goals; rotation stages.

Ротация (от лат. *rotatio* – круговое движение) представляет собой, как правило, частичное обновление состава представительных органов власти. Также ротацию можно представить, как служебное перемещение – процесс перевода работника с одной должности на другую по горизонтали в порядке осуществления регулярной сменяемости кадров с целью их оптимального использования [1].

Необходимо отметить, что в настоящее время институт ротации служит не только инструментом повышения профессионального уровня управленческого кадрового корпуса, но и является эффективным механизмом противодействия коррупции, стимулирования антикоррупционного поведения государственных служащих.

Проведение ротации преследует следующие цели: стимулирование мотивации к службе; профессиональное развитие сотрудника через перемещение или существенное изменение его должностных обязанностей; предупреждение профессионального выгорания; активизацию служебно-профессионального продвижения; подготовку новых руководящих кадров и оптимизацию их расстановки и т. д. [2].

В Японии считается, что длительное пребывание работника в одной должности приводит к потере его интереса к работе и снижению уровня ответственности, поэтому трудовая ротация является эффективным средством борьбы с безразличием, безответственностью к работе, консерватизмом и автоматизмом в рабочих действиях [3].

Анализ специальной литературы позволяет говорить о том, что введение института ротации является фактором, усиливающим активность гражданских служащих и способствующим созданию наиважнейших механизмов противодействия (профилактики) коррупции на гражданской службе [4].

Ротация в зависимости от цели её проведения имеет свойство осуществляться в двух порядках: в обязательном порядке и по соглашению сторон, то есть по желанию служащего.

Существует мнение, что только обязательный, а это не связанный с волеизъявлением государственного служащего переход на иную должность может рассматриваться в качестве ротации [5, с.170]. При этом, согласно зарубежной практике ротация рассматривается не только как антикоррупционный механизм, но и как метод, который обеспечивает профессиональное развитие каждого из государственных служащих. На наш взгляд, данный подход достаточно обоснован, так как он корректно и полно отражает суть ротации.

В Республике Беларусь отсутствует собственный организационно-правовой механизм реализации ротации руководящих кадров, поэтому можно сделать вывод о наличии оснований для анализа и изучения законодательства государств-участников СНГ, где создана административно-правовая система ротации и механизмы её реализации. Безусловно, опыт зарубежных стран в сфере правового обеспечения ротации в системе государственной гражданской службы полезен для формирования современной модели института ротации. Рассмотрим системы и механизмы реализации ротации в таких странах как: Республика Армения (далее – Арме-

ния), Российская Федерация, Республика Таджикистан (далее – Таджикистан).

В Армении ротация (перевод) осуществляются путём решения должностного лица, которое обладает полномочиями назначения на должность, с согласия гражданского служащего. Однако в связи с особенностями организации работы соответствующего органа решением Правительства Армении могут быть установлены случаи, когда при осуществлении ротации или перевода согласие гражданского служащего не требуется. А также в случае ротации и перевода расчет с гражданским служащим вовсе может и не производиться.

В Российской Федерации институт ротации государственных гражданских служащих является сравнительно новым. Данный институт был введен Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. №395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе». В дальнейшем он претерпевал значительные изменения. В нормативно-правовых актах Российской Федерации ротация определяется как «приоритетное направление формирования кадрового состава гражданской службы», также ротация определяется как «обеспечение формирования кадрового состава государственной службы».

В Таджикистане в соответствии с Законом от 5 марта 2007 г. №233 «О государственной службе» понятие «ротация» используется применительно к перемещению руководящих кадров государственной службы. Целью данного перемещения является «эффективное использование профессиональных полномочий государственных служащих, а также предотвращение коррупционных действий». Также ротация имела своё применение в отношении милиции Таджикистана. В соответствии со ст.19.1 Закона Таджикистана «О милиции» перемещение (ротации) начальствующего состава органов внутренних дел Таджикистана проводится с целью «предупреждения проявлений коррупционных деяний, конфликта личных и государственных интересов в органах внутренних дел».

В настоящий момент в Республике Беларусь термин «ротация» используется в главе 4 Положения «О дипломатической службе Республики Беларусь», утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. №276, где подчеркивается определенный интервал времени осуществления ротации.

В Законе Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» предусматривается перевод гражданского служащего в том же органе на другую должность и (или) в

другую местность с его письменного согласия. Однако, само понятие «ротация» не используется.

Также можно упомянуть и применение института ротации в системе органов внутренних дел (далее – ОВД) Республики Беларусь. Однако, нормативного определения понятия «ротация кадров» не имеет. Положение «О прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь», утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. №133, оперирует такими категориями, как «перевод» и «перемещение».

При анализе законодательства Республики Беларусь видится возможность перспективного развития института ротации в практике государственного управления Республики Беларусь. Актуальность вопроса обусловлена, в том числе, и вниманием главы белорусского государства, который отметил: «...Ротация управленческих кадров, укрепление центрального и региональных звеньев вертикали власти – это важнейшие вопросы... По мере развития государства должен идти нормальный и естественный процесс становления и совершенствования кадрового потенциала страны, застой здесь неприемлем... ибо он приведет... к стагнации, регрессу и откату назад» [3]. Данное высказывание подчеркивает необходимость продолжения развития института ротации. Затрагивая эту тему, Президентом было поручено Совету Министров Республики Беларусь совместно с облисполкомами и Минским горисполкомом разработать и внедрить систему рейтинговой оценки гражданами эффективности деятельности организаций, оказывающих услуги, обеспечивающие жизнедеятельность населения, качества осуществления административных процедур путем анкетирования и иных мероприятий с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Обеспечить надлежащий учет этой информации и использование ее при оценке деятельности организаций и проведении ротации [6].

Исходя из анализа законодательства государств-участников СНГ, можно сделать следующий вывод. Следует закрепить в правовых актах понятие ротации, провести его четкое разграничение с переводом (перемещением), и определить подробный поэтапный механизм ее реализации, включающий: 1) первоначальный этап (решение о проведении процесса ротации руководством организации (органа); сбор информации о сотрудниках, показателях деятельности организации (органа), текучести кадров, степень удовлетворенности служащих; создание группы сотрудников, ответственных за ротацию; планирование кадровых перемещений; отбор потенциальных кандидатов); 2) подготовительный этап (переподготовка и повышение квалификации сотрудников, в отношении

которых будет применена ротация); 3) ротационный этап (перевод сотрудников на новую должность).

Предложение позволит улучшить различные показатели организации (органа), а также морально-психологический климат в коллективе, при этом снизить текучесть кадров и организационные издержки, повысить мотивацию сотрудников. Указанный механизм руководству организации (органа) четко понимать свои цели и действия на каждой ступени процесса и систематизировать полученные результаты. Процесс ротации следует рассматривать как составную часть системы развития кадров, в которой перемещения работников носят индивидуальный характер, планируются заблаговременно и способствуют разрешению поставленных задач.

Библиографические ссылки

1. Калинин, В.В. Управление деловой карьерой как фактор развития персонала организации // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-delovoy-karieroy-kak-faktor-razvitiya-personala-organizatsii-na-primere-administratsii-zheleznodorozhnogo-rayona-g>. – Дата доступа: 18.03.2023.

2. Савченко, И.П. Система ротации кадров как инструмент управления карьерой персонала организации // Новый университет. Серия «Экономика и право» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-rotatsii-kadrov-kak-instrument-upravleniya-karieroy-personala-organizatsii>. Дата доступа: 18.03.2023.

3. Лебедева, Е.А. Опыт организации социальных коммуникаций в системе ротации кадров японского менеджмента и возможности его использования в условиях белорусской экономики // Молодежь для науки и экономики: разработки и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/229428>. Дата доступа: 18.03.2023.

4. Гиммельрейх, О.В. Административно-правовой институт ротации руководящих кадров в системе органов внутренних дел // Научно-практический журнал «Вестник Академии МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elib.amia.by/handle/docs/2108>. Дата доступа: 18.03.2023.

5. Беляцкий, Н.П. Интеллектуальная техника менеджмента: учеб. Пособие / Н.П. Беляцкий. Минск: Новое знание, 2001. С. 320.

6. О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения: Директива №2 от 27.12.2006 г.: в ред. от 23.03.2015 г. №135 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Т. В. Телятицкая

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский 26, 220070, г. Минск, Беларусь, tvt@bseu.by*

Статья посвящена роли цифровых технологий в совершенствовании процессов административного принуждения. Подчеркивается активная интеграция цифровых технологий в сферу административного принуждения. Акцентируется внимание на упрощении бюрократических процессов с помощью цифровых технологий, улучшении взаимодействия между гражданами и государством, придании административному принуждению большей эффективности и прозрачности. Приведены примеры успешного применения цифровых технологий в различных странах.

Ключевые слова: цифровые технологии; административное принуждение; автоматизация процессов; электронный документооборот; искусственный интеллект.

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR IMPROVING ADMINISTRATIVE COERCION PROCESSES

T. V. Telyatitskaya

*Belarusian State Economic University,
Partizansky Ave 26, 220070, Minsk, Belarus, tvt@bseu.by*

The article is dedicated to the role of digital technologies in improving the processes of administrative coercion. The active integration of digital technologies into the sphere of administrative coercion is emphasized. Attention is focused on simplifying bureaucratic processes with the help of digital technologies, improving interaction between citizens and the state, and making administrative coercion more efficient and transparent. Examples of successful application of digital technologies in various countries are provided.

Keywords: digital technologies; administrative coercion; process automation; electronic document management; artificial intelligence.

Цифровые технологии активно интегрируются в различные аспекты современного общества, радикально меняя традиционные методы управления и регулирования. Одним из направлений, где они проявляют своё влияние, является сфера административного принуждения, что подразу-

мекает использование государственными органами специальных средств для обеспечения исполнения законов и иных нормативных актов.

В центре этой трансформации стоит, прежде всего, автоматизация процессов. Электронный документооборот значительно сокращает время на обработку запросов и исполнение решений, а использование ботов и искусственного интеллекта помогает автоматизировать рутинные задачи, уменьшая человеческий фактор и вероятность ошибок.

Технологии блокчейна и децентрализованных систем обеспечивают высокую степень прозрачности и отслеживаемости, гарантируя непреложность и открытость записей. Кроме того, введение мобильных приложений делает процесс взаимодействия с государственными органами более удобным и доступным для граждан. Электронные уведомления служат мощным инструментом для улучшения связи между гражданами и государством, обеспечивая своевременное информирование о статусе дел и предстоящих обязательствах. Защите персональных данных, уменьшению риска утечки информации способствует цифровая идентификация и биометрические технологии.

С учетом этих аспектов, можно с уверенностью заявить, что цифровые технологии имеют колоссальное влияние на административное принуждение, обеспечивая путь к более совершенной, адаптивной и инклюзивной системе государственного управления. Однако важно также учитывать потенциальные риски и создавать соответствующие правовые механизмы для предотвращения злоупотреблений и нарушений прав граждан в эпоху цифровизации.

В условиях активной цифровизации общества, правовые аспекты административного принуждения подвергаются серьёзным трансформациям. С одной стороны, цифровые технологии облегчают процесс контроля и учета со стороны государственных органов, с другой – появляются новые формы административных правонарушений, совершенствуются способы их совершения.

В первую очередь следует отметить возможности цифровой идентификации и мониторинга, которые играют центральную роль в трансформации механизмов административного принуждения. Современные технологии облегчают задачу государственным органам в отслеживании действий граждан и организаций, создавая основу для более строгого и оперативного реагирования на правонарушения. Например, введение цифровых паспортов и системы биометрической идентификации позволяет более точно и быстро идентифицировать личности. Биометрические данные, такие как отпечатки пальцев или сканирование сетчатки глаза, могут служить надежными средствами идентификации, что значительно упрощает процесс привлечения к административной ответственности.

Аналитические инструменты и алгоритмы больших данных обеспечивают возможность обработки огромных массивов информации для выявления и предотвращения административных правонарушений. Например, системы видеонаблюдения, интегрированные с технологиями распознавания лиц, могут автоматически определять нарушения ПДД, фиксируя их и немедленно передавая соответствующим органам для принятия мер административного принуждения.

Также следует отметить роль социальных сетей и онлайн-платформ в контексте административного мониторинга. Государственные органы могут использовать данные из этих источников для отслеживания и пресечения различных форм незаконной активности, включая распространение дезинформации, экстремистских материалов или организацию незаконных собраний.

Цифровые технологии не только облегчают процесс быстрого реагирования на нарушения, но и позволяют применять более персонализированный и целенаправленный подход к административному принуждению. Так, нарушители могут использовать определенные, хорошо разработанные техники и методы для совершения нарушений. Например, в сфере киберпреступности это может включать в себя определенные виды фишинговых атак или вирусов. Некоторые нарушители могут действовать по определенному графику или выбирать специфическое время для совершения нарушений — например, ночные часы или определенные дни недели. Они могут предпочитать определенные места для совершения правонарушений, основывая свой выбор на уровне безопасности, контроля или доступности потенциальных жертв.

Используя аналитические инструменты и данные большого объема, правоохранительные органы могут анализировать эти паттерны с целью предсказания и предотвращения будущих нарушений, а также для разработки более эффективных стратегий реагирования на уже совершенные правонарушения. Это особенно актуально в эпоху цифровизации, где данные о поведенческих паттернах могут быть собраны и анализированы с несравненно большей точностью и скоростью, чем ранее.

С развитием цифровых технологий появляются новые виды правонарушений – например, связанные с нарушением персональных данных, кибер-преступлениями и т.д. Это требует корректировки механизмов административного принуждения и введения специализированных инстанций для контроля и регулирования этих процессов.

В этом контексте, усиление цифровой безопасности становится приоритетной задачей для государственных органов. Сложность киберпреступлений и специфика правонарушений, связанных с нарушением персональных данных, требуют выработки новых, более сложных и гибких

стратегий административного регулирования. Так, например, может потребоваться создание отдельных цифровых патрульных служб, специализирующихся на отслеживании и предотвращении кибератак и фишинговых кампаний.

Более того, для борьбы с новыми видами правонарушений необходимо внедрение инновационных технологических решений. Это может включать в себя разработку программного обеспечения для автоматического отслеживания несанкционированных действий в сети, а также создание искусственных интеллектов, способных анализировать большие массивы данных для выявления потенциальных угроз и нарушений.

Кроме того, с учетом глобального характера цифровых технологий, акцентируется важность международного сотрудничества в этой области. Государства должны работать совместно для создания международных норм и стандартов, направленных на борьбу с киберпреступностью и защиту данных на глобальном уровне.

Создание специализированных образовательных программ, направленных на подготовку кадров, способных эффективно бороться с новыми видами правонарушений, также является важным аспектом этого процесса. Это поможет обеспечить наличие компетентных специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющемуся цифровому ландшафту и эффективно реагировать на новые угрозы и вызовы.

Современные технологии могут усилить эффективность административного принуждения, автоматизируя процессы контроля и привлечения к ответственности за административные правонарушения.

Таким образом, адаптация механизмов административного принуждения к новой цифровой реальности требует комплексного подхода, включающего технологическое инновационное развитие, международное сотрудничество и инвестиции в образование и подготовку специалистов. Это создаст основу для более безопасного и стабильного цифрового общества в будущем.

Следовательно, эпоха цифровизации предъявляет новые требования к механизмам административного принуждения, требующие адаптации правовой системы к меняющейся реальности. Это включает в себя не только использование новых технологий для повышения эффективности административного принуждения, но и создание новых нормативных рамок для регулирования отношений в цифровой среде, обеспечивая при этом защиту прав и свобод граждан. В этой связи заслуживает внимания позитивный зарубежный опыт.

Так, в США разработаны программы предиктивной полиции, которые анализируют большие данные для прогнозирования вероятных мест

и времени совершения правонарушений, позволяя полиции оптимизировать патрулирование и предотвратить нарушения [1].

Кроме того, там широко используются дроны для мониторинга окружающей среды, например, для обнаружения незаконного сброса отходов или порчи природных ресурсов [2].

В некоторых штатах США экспериментируют с использованием виртуальной реальности как инструмента для реабилитации лиц, совершивших административные правонарушения, позволяя им «пройти» через симуляции, направленные на коррекцию поведения [3].

В **Испании** существуют онлайн-платформы, позволяющие гражданам быстро и удобно сообщать о различных нарушениях, от неправильной парковки до экологических правонарушений, что облегчает работу органов административного принуждения [4].

В **Австралии** разрабатываются системы виртуальной реальности для тренировки сотрудников правоохранительных органов, позволяя им усовершенствовать навыки принятия решений в условиях, максимально приближенных к реальности [5].

В Амстердаме, **Нидерланды**, существует система быстрого реагирования на шум. Она автоматически регистрирует уровни шума в различных районах города, позволяя быстро реагировать на нарушения норм шума, например, в ночное время [6].

Эстония использует технологию блокчейн для обеспечения прозрачности и надежности государственного управления, что помогает предотвратить коррупцию и другие административные правонарушения на государственном уровне [7].

Канада внедрила систему цифровой трассировки оружия для борьбы с незаконным оборотом, позволяющую быстро и эффективно отслеживать передвижение оружия и предотвращать его попадание в руки преступников [8].

В **Великобритании** активно используется Искусственный Интеллект для мониторинга финансовых транзакций в реальном времени, что помогает в борьбе с финансовыми правонарушениями, в том числе отмыванием денег и финансированием терроризма [9].

В Дубае, **ОАЭ**, введены роботы-полицейские, которые помогают обеспечивать общественный порядок и безопасность, предлагая гражданам интерактивный способ связи с полицейскими службами [10].

В **Китае** внедрена система социального кредита, которая анализирует поведение граждан и организаций и присваивает им рейтинг на основе их действий, в том числе и административных правонарушений, создавая стимулы для законопослушного поведения [11].

В **Великобритании** тестируется система онлайн-судопроизводства, где некоторые виды дел можно рассмотреть дистанционно через интернет-платформу, что ускоряет процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях [12].

В **Сингапуре** запущены тесты беспилотных автомобилей для патрулирования улиц, обеспечивая непрерывный мониторинг и возможность быстрого реагирования на нарушения [13].

В **Южной Корее** созданы виртуальные амбассадоры безопасности, которые через различные платформы общаются с гражданами, предоставляя информацию и советы по безопасности, а также помогают в репортинге нарушений [14].

В **Индии** внедряются платформы, позволяющие гражданам активно участвовать в процессах мониторинга и докладывания о различных типах нарушений, создавая сильное общественное давление на нарушителей [15].

Такие практики отражают глубокую интеграцию цифровых технологий в системы административного принуждения, позволяя не только более быстро и точно выявлять правонарушения, но и прогнозировать потенциальные нарушения, создавая предпосылки для их предотвращения в будущем. Применение передовых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и виртуальная реальность, может способствовать созданию более современной, эффективной и открытой системы административного принуждения в Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Predictive Policing Study, RAND Corporation [Электр. ресурс]. Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2812.html. Дата доступа: 04.09.2023.
2. Environmental Protection Agency - EPA [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.epa.gov/enforcement/national-compliance-initiative-reducing-hazardous-air-emissions-hazardous-waste>. Дата доступа: 04.09.2023.
3. VR for Rehabilitation: [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.correctionsone.com/products/facility-products/articles/how-vr-is-used-in-modern-law-enforcement-training-1XVd74VxwOh3qFLU/>. Дата доступа: 04.09.2023.
4. Policia – Denuncias [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.policia.es/denuncias/denuncias.php>. Дата доступа: 06.09.2023.
5. Australian Police using VR for Training [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.police.vic.gov.au/victoria-police-explore-use-virtual-reality-training>. Дата доступа: 06.09.2023.
6. Amsterdam Noise Monitoring [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://amsterdamsmartcity.com/projects/noise-monitoring>. Дата доступа: 06.09.2023.
7. E-Estonia [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://e-estonia.com/solutions/security-and-safety/>. Дата доступа: 06.09.2023.

8. Canadian Firearms Program [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.rcmp-grc.gc.ca/en/firearms>. Дата доступа: 07.09.2023.
9. UK Finance [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.ukfinance.org.uk/> – Дата доступа: 07.09.2023.
10. Dubai Police Robot [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.dubaipolice.gov.ae/> – Дата доступа: 07.09.2023.
11. China's Social Credit System [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.wired.co.uk/article/china-social-credit-system-explained> Дата доступа: 07.09.2023.
12. UK Online Court Pilot [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/hmcts-reform-programme>. Дата доступа: 07.09.2023.
13. Autonomous Police Patrols in Singapore [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/singapore/transport/self-driving-police-cars-and-drones-to-patrol-streets-from-around-2025> – Дата доступа: 07.09.2023.
14. Virtual Safety Ambassadors in South Korea [Электр. ресурс]. Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/09/119_315398.html. Дата доступа: 07.09.2023.
15. Community Policing Initiatives in India [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/tamil-nadu/initiatives-launched-to-promote-community-policing/article34742234.ece> – Дата доступа: 07.09.2023.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

О. Н. Толочко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, belrus@bsu.by*

В статье анализируется опыт и перспективы введения цифровых валют центральных банков. Определяется соотношение таких валют с криптовалютами, а также безналичными и наличными деньгами. По мнению автора, введение цифровых валют центральных банков, обусловленное стремлением заместить криптовалюты и создать альтернативную систему трансграничных платежей, вряд ли способно заметно повлиять на достижение этих целей.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка; ЦВЦБ; правовое регулирование денежного обращения; платёжная система; трансграничные платежи.

LEGAL NATURE AND PROSPECTS OF THE CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCY

O. N. Tolochko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, belrus@bsu.by*

The article analyzes the experience and prospects for the introduction of digital currencies of central banks. The ratio of such currencies with cryptocurrencies, as well as non-cash and cash money is determined. According to the author, the introduction of digital currencies of central banks, due to the desire to replace cryptocurrencies and create an alternative system of cross-border payments, is unlikely to significantly affect the achievement of these goals.

Keywords: digital currency of the central bank, CBDC, legal regulation of money circulation, payment system, cross-border payments.

Стремительное развитие цифровых технологий не могло не затронуть систему денежного обращения. Последние десятилетия ознаменовались широким применением IT-технологий в деятельности банков и появлением таких экономико-социальных конструктов как криптовалюта и блокчейн, претендующие если не на замещение фиатных денег, то, как минимум, на то, чтобы взять на себя часть их функций. Расширение

оборота криптовалют, совершенствование технологий распределенных реестров, довольно высокая маржинальность рынка криптовалют обусловили закономерный интерес со стороны центральных банков, в том числе, разработку в ряде стран проектов введения цифровых валют центральных банков (далее – ЦВЦБ). Такие валюты уже есть у КНР, Ямайки, Багамских и Карибских островов [1]. Возможность выпуска цифровых валют обсуждалась в США, Канаде, Японии, Швеции, Норвегии, в ряде других стран [2, с. 81–82]. В 2021 г. Концепцию цифрового рубля представил Банк России [3]. В 2023 году о планах по внедрению цифрового белорусского рубля заявил Национальный банк Республики Беларусь [4, с. 15–16].

Вместе с тем, вопросы природы ЦВЦБ, их соотношения с фиатными деньгами, перспектив развития, правового регулирования их гражданского оборота остаются пока дискуссионными [5; 6; 7]. Многочисленные научные публикации фокусируются чаще на технических аспектах, особенностях «архитектуры» и «дизайна» той или иной ЦВЦБ, их отличиях от криптовалют, стэйблкоинов и государственных криптовалют. Однако не менее актуальным представляется анализ предпосылок и общей логики развития ЦВЦБ, который может способствовать определению их перспектив.

Цифровые валюты – продукт цифровой трансформации и развития IT-технологий. Первая криптовалюта (биткоин) была «изобретена» в 2009 г. В настоящее время под криптовалютой понимается любой вид валюты в цифровой или виртуальной форме, выпускаемой и существующей в децентрализованной системе и зашифрованной средствами криптографии для защиты транзакций [8]. Криптовалюты обрабатываются в распределённом «публичном» реестре – блокчейне, где хранятся записи обо всех транзакциях, обновляемые держателями. Единицы криптовалюты («монеты») создаются в процессе майнинга, т. е. решения посредством вычислительных мощностей компьютеров математических задач, в качестве вознаграждения за полученный «результат». Результат условен, поскольку никакого практического смысла, помимо получения вознаграждения в виде биткоина или иной криптовалюты решение задач не несет. Публичность блокчейна также условна, поскольку речь идет о прозрачности для участников процесса, а не для сторонних наблюдателей.

Таким образом, майнинг направлен на «добычу» монеты путем решения абстрактной математической задачи. При этом добытая монета представляет ценность лишь в контексте спроса со стороны адептов. При наличии такого спроса монета может выполнять функции средства платежа, средства накопления или средства обращения.

Однако обычные фиатные деньги эти функции тоже выполняют, причём делают это гораздо успешнее. Спрос на криптовалюты, очевидно, связан с некими их качествами, которыми фиатные деньги не обладают.

Нетрудно заметить, что идейной составляющей конструкта криптовалюты является независимость от государства и его институтов. Криптовалюта эмитируется частными субъектами и обращается в их среде. Транзакции открыты для участников процесса, прозрачны и децентрализованы, что создает ощущение свободы и сопричастности. Поскольку обособленность от государства является фундаментальным качеством, можно сказать, что криптовалюта воплощает идеи анархизма.

Идея «частных» денег, обращающихся по соглашению контрагентов, не нова. Только в США в середине XIX века было выпущено около 8000 различных видов денег, эмитентами которых выступали отдельные штаты, муниципалитеты, частные банки, железные дороги, магазины, рестораны, церкви и даже индивиды [9]. «Частные» деньги появлялись в разные времена в разных странах (как правило, в периоды кризисов и войн), однако к XXI веку использование в экономике таких инструментов маргинализировалось, и практически повсеместно денежное обращение перешло под контроль государства. Этот процесс не всегда оценивается позитивно: некоторые склонны видеть в этом насилие или регресс. Так, по мнению видного австрийского экономиста и социолога Ф. А. фон Хайека, государство не способно дать обществу деньги лучшего качества, чем те, которые создаются без его участия. Государственные деньги менее надежны и пригодны к обращению, а монопольное право правительства на эмиссию денег ведет к усилению государства, что Ф. А. фон Хайек, как и многие другие либертарианцы, считал пагубным. Общество должно быть организовано вокруг рынка, а механизм государства должен использоваться лишь для того, чтобы установить юридический порядок, состоящий из абстрактных правил, а не специфических команд [9]. Появление криптовалют подарило этим идеям вторую жизнь.

Разработчики биткойна и блокчейна привнесли в идею «частных» денег флёр и привлекательность передовых высоких технологий, что было одним из факторов расширения круга адептов и способствовало стремительному росту популярности. Тем не менее, как социальный конструкт, биткойн – не изобретение, а реинкарнация старых практик «частных» негосударственных денег.

Учёт данного обстоятельства важен для понимания роли и места цифровых валют центральных банков во всей этой системе. Участие государства в лице регулятора – центрального банка – подрывает саму идею децентрализованного распределённого реестра, отсутствия единого

эмиссионного центра и регулирования. Конструкт цифровой валюты центрального банка – оксюморон, пятое колесо, роль которого в системе децентрализованных «денег» не может быть конструктивной: либо условный биткоин подорвёт систему фиатных денег, либо государство возьмёт его под контроль, уничтожив либертарианскую суть и превратив в разновидность обычных денег. Сосуществование их в одной системе координат представить сложно.

Данный вывод косвенно подтверждается тем фактом, что какой-то общей модели ЦВЦБ по настоящее время нет. Предлагаются различные варианты: оптовая и розничная, двухуровневая и одноуровневая, централизованная и распределенная, частично анонимная и требующая идентификации и т.д. [2; 6; 7]. Цели тоже определяются по-разному. Так, целями введения цифрового юаня являлись: 1) вытеснение из обращения криптовалют и стейблкоинов; 2) трансформация платежной системы Китая и подготовка к будущим инновациям; 3) разработка платежной системы для трансграничных расчетов на основе ЦВЦБ, в том числе с Гонконгом [10, с. 27]. Таким образом, предполагалось встроиться в рынок криптовалют с собственным, более привлекательным, по задумке, продуктом; найти применение блокчейну, на перспективности которого настаивали адепты; использовать цифровые валюты как альтернативу сложившейся системе международных расчётов.

Определенные результаты на данный момент достигнуты: цифровой юань является сегодня самой распространенной ЦВЦБ в мире. По состоянию на конец июня 2023 г. объем транзакций в e-CNY составил 249,33 млрд. долл. США (преимущественно в розничных внутренних платежах) [11]. Однако это сравнительно немного с учётом объёма китайской экономики. Кроме того, трудно судить, насколько использование e-CNY было выбором экономических акторов, а не результатом административных мер. В-третьих, e-CNY эмитируется Народным Банком Китая (НБК) и является его обязательством, входит в состав M0, выполняет все функции денег, и, таким образом, отличается от фиатных безналичных денег лишь технически: цифровые кошельки в e-CNY не связаны с банковскими счетами, а идентификация пользователей производится по номеру телефона. При этом в настоящее время НБК ограничивает количество e-CNY в обращении, что должно уменьшить риск снижения банковских депозитов. Таким образом, e-CNY представляет одну из трёх форм юаня как официальной национальной валюты, в силу чего речь не может идти о вытеснении криптовалют как принципиально иного экономического конструкта. Что касается общей трансформации платёжной системы Китая, то этого не произошло. Расчёты с Гонконгом также не претерпели больших изменений. Сам Гонконг, запустив в 2021 г. исследования о

внедрении собственной ЦВЦБ (e-NKD), на данный момент от этой идеи отказался [12].

Опыт Нигерии (пилотный проект eNaira) показал, что если на первом этапе было создано 252 тыс. потребительских и 17 тыс. торговых кошельков, а количество транзакций на платформе превысило 200 тысяч общим объёмом 4,4 млрд. eNaira, то на втором этапе (с сентября 2022 г.) еженедельные транзакции регистрировались только в 8% загруженных кошельков [13, с. 14]. Эти факты можно объяснить интересом к новому проекту с соответствующей рекламой, который впоследствии, возможно, не оправдал ожиданий пользователей.

Как уже отмечалось, введение ЦВЦБ планируется в России и Беларуси. Первоначально российский ЦБ относился к проекту негативно. «Выпуск центральными банками цифровых валют несет в себе риски для финансовой системы», – заявляла глава ЦБ России Э. Набиуллина в 2019 г. – «Для нас, как для ЦБ РФ, это неочевидно, мы видим здесь риски, если будут выпущены цифровые валюты центральных банков, это может серьезно повлиять на основы функционирования банковской системы» [14]. Впоследствии позиция регулятора изменилась. Необходимость введения цифрового рубля ЦБ России объясняет тем, что это обеспечит ряд преимуществ для граждан, для участников финансового рынка, а также для государства. Предполагается, что граждане и бизнес получат доступ к цифровому кошельку через любую финансовую организацию, в которой обслуживается клиент; снизятся затраты на проведение операций; повысится их доступность за счет офлайн-режима; повысится уровень сохранности средств и уровень безопасности (за счет уникальных номеров цифровых рублей); расширится линейка инновационных сервисов, улучшится обслуживание клиентов. Участникам финансового рынка гарантируется повышение конкуренции; создание инновационных платёжных сервисов за счет применения блокчейна; развитие новой платёжной инфраструктуры. Государство при этом должно получить новые возможности контроля за расходованием бюджетных средств, снижение издержек на администрирование бюджета и потенциал для упрощения трансграничных платежей [3].

Похожие эффекты от введения цифрового белорусского рубля ожидаются и в Республике Беларусь. При этом в докладе заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д. Л. Калечица на расширенном заседании Правления акцентировалась как раз последняя составляющая – внедрение и вывод цифрового белорусского рубля на трансграничный уровень [4, с. 5]. Стимулом к активизации проектов цифровой валюты в обеих странах стало санкционное давление, сузившее возможности для внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, центральные банки хотели участвовать в системе обращения криптовалют на фоне резко растущего рынка и намеревались влиять на них с позиций безопасности и правопорядка. Однако роль криптовалют, как и в других подобных случаях внедрения «частных» денег, снизилась. Их рынок до сих пор значителен, на нём обращаются крупные суммы, но конкуренции традиционному денежному обращению он в настоящее время не представляет по тем же причинам, по которым каждый раз «частные» деньги уступали «государственным».

С правовой точки зрения деньги – это выраженные в количественном измерении обязательства. Они неразрывно связаны с государством как гарантом исполнения юридических обязательств. «Частные» же деньги работают на доверии, и инструментализация такого доверия в условиях анонимности и децентрализации является гораздо более затратным мероприятием, нежели в обкатанной веками банковской системе с единым эмитентом и регулятором. В этой связи криптовалюты не могут стать полноценной заменой «юридическим» деньгам – национальной валюте.

Второй аргумент введения ЦВЦБ – приверженность инновациям – тоже не кажется достаточным. Инновации – не самоцель. Желание «приспособить» технологии криптовалют и блокчейна к решению социальных задач не оправдывают экспериментов с системой денежного обращения, которая чутко и не всегда позитивно реагирует на такие шаги. То же можно сказать и о мотивах улучшения обслуживания клиентов: совершенствование платёжных сервисов и обеспечение доступности банковских услуг может осуществляться менее инвазивными способами.

Наиболее весомым аргументом, который, вероятно, был определяющим в принятии решений о ЦВЦБ, является желание создать альтернативу сложившейся в мире системе международных расчётов. Действительно, у развивающихся стран могут быть проблемы с трансграничными платежами: во-первых, они осуществляются через сеть банков-корреспондентов с участием банков-посредников, что приводит к высокой стоимости и низкой скорости расчётов; во-вторых, в такие системы слабо интегрированы валюты развивающихся стран (международная платёжная система CLS использует всего 18 валют); в-третьих, возможности Беларуси и России по интеграции в мировую финансовую систему сокращаются из-за санкций [7, с. 54]. Очевидно, что определенные надежды в такой ситуации возлагаются на ЦВЦБ.

Трудно сказать, насколько успешным будут проекты цифрового российского и белорусского рублей в плане международных расчётов. Однако ни пилотные проекты, ни уже действующие ЦВЦБ на текущий момент не оказали сколь-нибудь заметного влияния на сложившуюся си-

стему внутреннего и трансграничного денежного обращения. Цифровой юань как ЦВЦБ самой крупной на сегодня экономики мира не получил пока широкого распространения. Что касается фиатного доллара США, то по состоянию на июль 2023 г. его доля в международных расчётах достигла рекордного за 5 лет уровня, составив 46,46% (далее идут евро (24,42%) и британский фунт (7,63%)). Расчеты в китайских юанях во всех его формах составили 3,06%.

В целом, как представляется, цифровая валюта центрального банка – довольно затратный и рискованный проект, который вряд ли сможет оправдать возлагающиеся на него надежды.

Библиографические ссылки

1. Central Bank Digital Currency Tracker [Electronic resource] // Atlantic Council. Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/>. Date of access: 07.09.2023.
2. Кочергин, Д.А. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 4. С. 80–98.
3. Концепция цифрового рубля // Банк России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf. Дата доступа: 07.09.2023.
4. Основные направления развития платёжного рынка. Доклад заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д.Л. Калечица на расширенном заседании Правления // Банкаўскі веснік. 2023. № 7 (720). С. 11–19.
5. IMF Approach to Central Bank Digital Currency Capacity Development // IMF [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2023/04/12/IMF-Approach-to-Central-Bank-Digital-Currency-Capacity-Development-532177>. Date of access: 07.09.2023.
6. Ситник, А.А. Цифровые валюты центральных банков // Вестник Университета им. О.Е.Кутафина. 2020. № 9. С. 180–186.
7. Осмоловец, С. Зарубежный опыт эмиссии цифровой валюты центральных банков // Банкаўскі веснік. 2023. № 3 (716). С. 49–58.
8. Что такое криптовалюта и как она применяется? / Kaspersky [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cryptocurrency>. Дата доступа: 07.09.2023.
9. Хайек, Ф. А. Частные деньги / пер. Б. Верпаховский; ред. Р. Капелюшников, М. Козловская. М., 1996 // Московский Либертариум [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://libertarium.ru/l_lib_prmoney. Дата доступа: 07.09.2023.
10. Towards Central Bank Digital Currencies in Asia and the Pacific / S. Jahan [et al.] // IMF [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-otes/Issues/2022/09/27/Towards-Central-Bank-Digital-Currencies-in-Asia-and-the-Pacific-Results-of-a-Regional-Survey-523914>. – Date of access: 07.09.2023.
11. Объем транзакций с использованием цифрового юаня вырос почти до \$250 млрд // РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64b8f1de9a79476b31f4a912>. Дата доступа: 07.09.2023.

12. Four essential Q&As for e-HKD // Hong Kong Monetary Authority [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.hkma.gov.hk/eng/news-and-media/insight/2022/04/20220427/> . Date of access: 07.09.2023.

13. Wezel, T. Nigeria – Fostering Financial Inclusion through Digital Financial Services: Nigeria / T. Wezel, J. Ree // IMF [Electronic resource]. Mode of access: https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Selected-IssuesPapers/2023/English/SIP_EA2023020.ashx. Date of access: 07.09.2023.

14. Набиуллина: Криптовалюты центральных банков несут риски для финансовой системы // Прайм: Агентство экономической информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://1prime.ru/finance/20191011/830399664.html>. Дата доступа: 07.09.2023.

УДК 338.51

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ПРИ ТРАНСФЕРТНОМ ЦЕНООБРАЗОВАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Н. В. Хашковский

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, khashkovsky.nv@gmail.com*

Статья посвящена кратким характеристикам форм налогового администрирования и порядку их реализации при трансфертном ценообразовании с использованием информационно-коммуникационных технологий. В статье предложены пути совершенствования использования налоговыми органами информационных технологий при трансфертном ценообразовании.

Ключевые слова: налогообложение; трансфертное ценообразование; цифровизация; налоговое администрирование; налоговый контроль; проверка; мониторинг; информационные технологии.

TAX ADMINISTRATION IN TRANSFER PRICING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF ECONOMY

N. V. Khashkovsky

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 22003, Minsk, Belarus, khashkovsky.nv@gmail.com*

The article is devoted to the brief description of the forms of tax administration and the order of their implementation in transfer pricing with the use of information and communication technologies. The article suggests the ways of optimization and improvement of the use of information and communication technologies by tax authorities in transfer pricing.

Keywords: taxation; transfer pricing; digitalization; tax administration; tax control; verification; monitoring; information technology.

Экономическая глобализация, развитие новых «электронных» экономик и их инфраструктур, быстрый рост электронной коммерции и бизнес-моделей, основанных на использовании глобальной компьютерной сети Интернет, требуют совершенствования подходов налоговых органов при налоговом администрировании, а также своевременного внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в контрольную

деятельность, что не только оптимизирует, но и повысит эффективность их работы.

Использование налоговыми органами ИКТ чаще всего проявляется в процессе сбора информации о субъекте в рамках проверки или мониторинга. Это особенно важно в ценообразовании, которому в последнее время уделяется пристальное внимание. Во всех случаях применение ИКТ не только экономит время, но и может являться единственным способом проверки получаемой информации.

В зарубежной практике трансфертное ценообразование (ТЦО) является наиболее простым и распространенным способом оптимизации налогообложения при распределении денежных средств в рамках группы компаний, расположенных в разных юрисдикциях, что достигается путем договоренности компаний о применении наиболее выгодной для каждой из них цены с учетом налоговой нагрузки. Установление заниженной, по сравнению с рыночной, цены сделки приводит к уменьшению налоговой базы и, как следствие, к снижению суммы налога на прибыль.

Усиленный контроль налоговых органов сосредоточен на ТЦО именно потому, что при манипулировании ценами республиканский бюджет не получает значительные суммы денежных средств, что, в том числе, приводит к дефициту бюджета, и негативно сказывается на поддержании оптимального уровня финансирования социальной сферы.

В настоящее время налоговое администрирование при ТЦО невозможно без использования информационно-коммуникационного комплекса, поэтому столь важно не только поддерживать информационно-техническое развитие налоговых органов на уровне, соответствующем уровню цифровизации процессов между бизнес-структурами, но и совершенствовать его.

В теории налогового права налоговое администрирование ТЦО можно определить как деятельность налоговых органов, проводимая в форме учета и контроля (проверка, мониторинг) за установлением рыночных цен в определенных видах сделок [1].

Налоговое администрирование в форме учета общее для всех плательщиков Республики Беларусь, ведется налоговыми органами в локальной базе данных, информацию из которой может получить любое заинтересованное лицо посредством общедоступного информационного ресурса «Государственный реестр плательщиков (иных обязанных лиц)». Реестр не содержит сведений о том, что плательщик попадает под контроль за применением в сделках трансфертных цен. Более того, в Республике Беларусь не существует онлайн-ресурса, позволяющего проверить, подлежит ли потенциальная сделка контролю ТЦО. По мнению автора, введение такого ресурса позволит не только автоматизировать про-

верку сделок, но и повысит финансовую грамотность бизнеса. Для налоговых органов она сможет стать дополнительным источником получения информации о субъектах, намеренных заключить сделку со взаимозависимым лицом.

Налоговый контроль за установлением рыночной цены между взаимозависимыми лицами по определенным видам сделок проводится в форме мониторинга и проверок в целях предотвращения занижения налоговой базы по налогу на прибыль.

Мониторинг ранее проводился в соответствии с НК, а теперь проводится в соответствии с Положением о порядке проведения мониторинга, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (Указ № 510).

Он носит профилактический и предупредительный характер и заключается в наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей в целях оперативной оценки деятельности плательщика на предмет соответствия требованиям законодательства, выявления и предотвращения причин и условий, способствующих совершению нарушений, без использования полномочий, предоставленных налоговым органам для проведения проверок [2].

Мониторинг наиболее эффективен в отношении субъектов, преимущественно или исключительно осуществляющих предпринимательскую деятельность дистанционно, поэтому при его проведении должностные лица налоговых органов наделены правом использовать доступные средства глобальной компьютерной сети Интернет, видео- и телекоммуникационные ресурсы дистанционного контроля [2], что позволяет выявить первичные признаки, свидетельствующие о возможном нарушении.

Мониторинг, предметом которого является установление трансфертных цен, не проводится по причине необходимости в проведении глубокого анализа и сложных расчетов, требующих во всех случаях использование специальных полномочий, предоставленных налоговым органам, что возможно только в ходе проведения проверки.

Проверка ТЦО – это вторая и основная форма контроля, в ходе которой налоговый орган проверяет соответствие применяемых между взаимозависимыми лицами цен, в результате установления которых возможно занижение суммы налога на прибыль и, при выявлении нарушений, производит корректировку налоговой базы или суммы убытков. Как верно отмечает Ю.В Бутко, главной задачей контроля ТЦО является недопущение потерь бюджета государства [3], поэтому после проведения корректировки субъект обязан подать уточняющую декларацию и произвести доплату налога на прибыль.

Объектом налогового контроля ТЦО выступают действия плательщиков по исполнению ими обязанностей, предусмотренных законодательством о ТЦО. Такая достаточно широкая формулировка конкретизируется предметом налогового контроля, в качестве которого может выступать одно или одновременно несколько действий.

А) Использование метода, который с учетом фактических обстоятельств и условий анализируемой сделки позволяет наиболее обоснованно сделать вывод о соответствии цены анализируемой сделки рыночной цене. Необходимо учитывать, что при проведении проверки налоговый орган осуществляет контроль с использованием метода, примененного плательщиком. Применение иного метода допускается при обосновании налоговым органом невозможности точного определения рыночной цены методом, примененным плательщиком.

Б) Соблюдение последовательности применения методов ТЦО. В НК не установлена иерархия методов, последовательность их применения основывается на правиле выбора метода в случае, если применим только один метод, и на правиле выбора метода в случае, если возможно применить два и более метода (правило приоритетности).

В) Соблюдение плательщиком обязательных требований к методологии расчета рыночной цены в сделках, подлежащих контролю соответствия рыночным ценам. НК устанавливает правила расчета диапазона рыночных цен (показателей рентабельности), которыми необходимо руководствоваться для определения минимальной и максимальной цены в сделке со взаимозависимым лицом. В связи с постоянным ростом количества таких сделок и непростым порядком расчета диапазона, целесообразно разработать и разместить на общедоступном ресурсе Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (МНС) калькулятор расчета диапазона. В настоящее время на сайте МНС приведен лишь пример его расчета.

Следует помнить, что в Республике Беларусь действует презумпция соответствия цены сделки рыночной, в связи с чем, в случае несогласия налогового органа с примененной ценой, на него возлагается обязанность доказать нарушение порядка рыночного ценообразования.

Г) Соблюдение плательщиком требований об информировании налоговых органов о заключении контролируемой сделки. Во исполнение обязанности по информированию плательщики предоставляют соответствующую информацию через портал «Электронные счета-фактуры», который размещен на информационном ресурсе МНС.

Д) Составление документации, подтверждающей экономическую обоснованность примененной цены по некоторым видам сделок. В случае возникновения необходимости в предоставлении такой документации

со стороны налогового органа плательщику в электронном или письменном виде направляется уведомление (при камеральной проверке) или только в письменном виде запрос (при выездной проверке).

Как отмечают налоговые органы, на этапе заполнения экономического обоснования многие организации добровольно корректируют налоговую базу, но также имеются случаи проведения корректировок налоговой базы непосредственно налоговыми органами, примеры которых за период 2019-2020 г. приведены на сайте МНС [3].

Е) Исполнение плательщиком соглашения о порядке определения цен для целей налогообложения и (или) применения методов определения рыночных цен. Реализация права на заключение соглашения осуществляется по заявительному принципу, а примерная форма заявления и соглашения размещены в электронном виде на сайте МНС.

Ж) Исполнение плательщиком устных и письменных требований налоговых органов, входящих в предмет проверки, и соблюдение требований, изложенных в решениях, касающихся ТЦО.

Несмотря на то, что налоговые органы уполномочены проводить проверки также в соответствии с Указом № 510, налоговый контроль за ТЦО проводится только на основании НК в виде камеральной или выездной (выборочной, внеплановой) проверки.

Камеральная проверка ТЦО – это упрощенная разновидность проверки по месту нахождения налогового органа без уведомления плательщика на основании изучения документов и (или) информации о плательщике, имеющихся в налоговом органе, без выдачи предписания. Выездная проверка назначается руководителем налогового органа с вынесением предписания и проводится, как правило, по месту постановки на учет плательщика. В отличие от выборочной проверки в соответствии с Указом № 510 информация о камеральной и выездной проверках не размещается публично в электронном виде.

При комплексном анализе деятельности плательщика происходит обращение к собственным локальным информационным базам данных, информационным базам смежных организаций (например, к Единому государственному регистру юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) и удаленным ресурсам компьютерной сети Интернет (например, сайт Федеральной налоговой службы РФ или информационно-ценовых агентств «Thomson reuters», «Bloomberg», «Spark»). Также могут направляться электронные запросы с использованием системы межведомственного электронного документооборота.

В налоговых органах функционирует мощная интеллектуальная система, позволяющая автономно собирать данные о плательщиках, их

операциях и проводить анализ, что позволяет изучать взаимосвязи плательщиков, цепочки движения товара и ценообразование в них.

После изучения проверяемого субъекта налоговые органы определяют перечень взаимозависимых лиц и осуществляют поиск рыночных цен (показателей рентабельности) в сделках организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность. Далее условия анализируемой сделки сравниваются с условиями нескольких сопоставимых неконтролируемых сделок, совершённых в схожих или аналогичных коммерческих и (или) финансовых условиях.

В основном, в качестве источников информации при сопоставлении условий сделок используются специализированные электронные ресурсы. Например, обзор биржевого товарного рынка Белорусской универсальной товарной биржи, результаты состоявшихся закупок и статистическая отчетность организаций, размещаемая в свободном доступе.

Белорусскими исследователями предлагается разработать собственную публичную платформу, основанную на базе информации по сделкам, попадающим под контроль ТЦО, с широкими возможностями, начиная с автономного выбора метода, подбора сопоставимых организаций и заканчивая расчетом диапазонов, электронной подготовкой документов и направлением уведомлений [4, с. 211].

Создание такой платформы – длительный и дорогостоящий процесс, реализацию которого необходимо начинать поэтапно. Например, первый этап – создание калькулятора расчета минимальной цены и расширение возможностей уже апробированной системы префайлинга.

Цифровизация налогового администрирования ТЦО проявляется и в международном взаимодействии, которое происходит в порядке электронного обмена информацией в соответствии с протоколом, действующим в рамках СНГ, и осуществляется налоговыми органами по открытым каналам связи с применением средств криптографической защиты информации, обеспечивающих безопасность обмена.

Обмен происходит информацией как о самом юридическом лице, так и о доходах, облагаемых налогом у источника выплаты в другом государстве-участнике обмена (например, доходы от отчуждения ценных бумаг, долей, движимого и недвижимого имущества) и в интересах контроля за ТЦО позволяет получать информацию об учредителях иностранной компании, размерах их долей, о цене последующей перепродажи товара или имущества, что предоставляет возможность сделать вывод о взаимозависимости, установить конечных бенефициаров и действительные цели отчуждения (хоть и косвенно).

Похожий протокол действует и в рамках Евразийского Экономического Союза, однако предмет обмена ограничивается информацией о косвенных налогах.

Об электронном взаимодействии с иными странами говорить не приходится. В таких ситуациях по-прежнему действуют международные запросы, которые направляются только на бумажном носителе.

Таким образом, контроль за ТЦО проводится только налоговыми органами и сводится к установлению факта соответствия или несоответствия цены договора или контракта (цена анализируемой сделки), с ценой, сложившейся в сопоставимых сделках на идентичные (при их отсутствии – однородные) предметы сделки (рыночная цена).

Правоотношения, складывающиеся при налоговом администрировании ТЦО, требуют постоянного контроля и взаимодействия с плательщиками, а внедрение «высоких» технологий, в том числе, искусственного интеллекта, позволит не только оптимизировать эти процессы, но и сделать их более оперативными и эффективными.

Библиографические ссылки

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 декабря 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 ноября 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 декабря 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Бутько, Ю. В. Трансфертное ценообразование: контроль со стороны налоговых органов [Электронный ресурс] / Ю. В. Бутько // Налоги Беларуси. 2020. № 42. Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEPI/85860/#M100040>. Дата доступа: 01.09.2023.

4. Лычагина, Е. С. Цифровизация трансфертного ценообразования в Республике Беларусь // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики : междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 01-31 окт. 2020 г. / Витеб. государ. техн. ун-т ; ред.: А. А. Кузнецов [и др.]. Витебск, 2020. С. 209-212.

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ**

О. А. Хотько

*Белорусский государственный университет
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, o.a.khatsko@gmail.com*

Статья посвящена вопросам государственного управления в сфере цифровизации транспортной отрасли, а именно в связи с применением интеллектуальных транспортных систем, включая эксплуатации новых видов транспортных средств. Обосновывается недостаточность правового регулирования и необходимость совершенствования подходов к институционализации в данной сфере.

Ключевые слова: правовое обеспечение; транспортная безопасность; цифровизация; интеллектуальные транспортные системы; информационная безопасность.

**LEGAL PROBLEMS OF STATE MANAGEMENT IN THE FIELD
OF ENSURING TRANSPORT SAFETY IN THE CONTEXT
OF OPERATION OF INTELLIGENT TRANSPORT SYSTEMS**

O. A. Khotsko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8 220030 Minsk Belarus, o.a.khatsko@gmail.com*

The article is devoted to issues of public administration in the context of digitalization of the transport industry, namely the intensive use of intelligent transport systems, as well as the operation of new types of vehicles. The inadequacy of legal regulation and the need to improve approaches to institutionalization in this area are substantiated.

Keywords: legal support; transport security; digitalization; intelligent transport systems; Information Security.

В условиях роста перевозок и развития инновационных подходов к транспортной деятельности, а также трансформации транспортной системы, обусловленной переводом транспортных процессов на цифровые технологии возрастает необходимость эффективного правового обеспе-

чения государственного управления в сфере транспортной безопасности. Совершенствование подходов на правовом уровне в регулировании транспортных правоотношений коррелирует с проблемой обеспечения информационной безопасности, что является одной из актуальных задач в современном национальном и международном правотворчестве. На данную проблематику обращают внимание ученые в области транспортного права и иных отраслевых юридических наук [1–4].

Создание правовых основ развития интеллектуальных транспортных систем имеет особое значение, так как правовые положения способствуют комплексному решению ряда важнейших задач, касающихся осуществления управления транспортным средством и дорожным движением, государственного управления в случае чрезвычайных ситуаций, оптимизации и информирования специальных служб по соблюдению законодательства и повышения безопасности дорожного движения, включая доведение информации до сведения всех субъектов транспортной деятельности. Особая роль интеллектуальной транспортной системы принадлежит как фактору, влияющему на обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду [5], правовое обеспечение в данной области «должно способствовать развитию новых технологий в этой сфере» [6] и способствовать недопущению вредного воздействия на окружающую среду.

В Республике Беларусь с 2022 года установлены камеры видеофиксации, которые считывают номера автомобилей, на основании чего выявляются владельцы автомобильных транспортных средств, участвующие в дорожном движении без прохождения технического осмотра и привлекаются к ответственности. С помощью искусственного интеллекта ведется контроль за соблюдением норм административного и транспортного законодательства и осуществляется фиксация правонарушений. Развитие данных интеллектуальных систем может направлено в том числе на установку экологических датчиков, позволяющих оперативно уточнять данные об уровне загрязнения атмосферного воздуха. Таким образом, значимость настоящего исследования заключается в том, что сфера транспортной безопасности, защищенности граждан и в целом национальной безопасности подлежат анализу с позиции обеспечения управления в данной области отношений, а именно определения институциональных условий осуществления транспортной деятельности с учетом цифровых возможностей.

Обратимся к правовым положениям, закрепляющим на национальном уровне регулирование интеллектуальных транспортных систем. В Концепции обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 мая

2023 г. № 329, установлено, что государственная политика в области безопасности дорожного движения основывается на осуществлении мер, принимаемых в том числе в отношении интеллектуальных транспортных систем. В п. 14.6 вышеназванной Концепции определено, что такая политика включает формирование требований к новым транспортным средствам разных категорий, а также разработку состава и иерархии интеллектуальных транспортных систем с учетом цифровизации систем управления дорожным движением, внедрения современных информационно-коммуникационных технологий обеспечения безопасности дорожного движения и автоматизации его управления. Кроме того, в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 25 октября 2022 г. № 724 «О порядке функционирования интеллектуальных транспортных систем» (далее – Постановление № 724), которым утверждено положение, касающееся применения таких систем на автомобильных дорогах общего пользования и улицах населенных пунктов, содержатся нормы относительно целей и задач, порядка создания интеллектуальных транспортных систем, что направлено на повышение эффективности дорожного движения, качество транспортной деятельности. Соответственно, при использовании интеллектуальных транспортных систем повышается эффективность организации дорожного движения, управление транспортной деятельностью и транспортной инфраструктурой, а также повышается уровень взаимодействия участников дорожного движения.

Вместе с тем отметим, что в белорусском законодательстве отсутствует полное системное регулирование в исследуемой области отношений, включая терминологию в Законе Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-З «Об основах транспортной деятельности». С нашей позиции целесообразно в главе 4 «Обеспечение транспортной деятельности» отразить нормы в отношении эксплуатации интеллектуальных транспортных систем и закрепить определение понятия в данном акте. Доказательством тому служит то, что консолидирующий транспортную деятельность вышеуказанный Закон должен учитывать новейшие технологические разработки. В то же время схожие проблемы закрепления понятийного аппарата в рассматриваемой сфере имеются в законодательстве Российской Федерации, на что обращают внимание ученые-правоведы [7].

Соответственно, в целях эффективного государственного управления в данной области в национальном законодательстве требуется уточнение правовых положений относительно безопасности транспортной деятельности. На сегодняшний день в законодательных актах, включая документы стратегического характера, фрагментарно осуществлено правовое регулирование интеллектуальных транспортных систем. Однако не только вопросов безопасности дорожного движения, включая координа-

цию создания и развития в отношении таких систем на автомобильных дорогах и улицах, касается развитие интеллектуальных транспортных систем, но и эксплуатации беспилотного летательного транспорта, применяемого в целях оперативного принятия решений. Последний вид транспорта можно отнести к новейшим видам, но он, как и иные средства автоматизации, являет собой интеграцию технических, информационных и коммуникационных технологий.

Можно отметить ряд преимуществ эксплуатации интеллектуальной транспортной системы: эффективность, оперативность, информационно-коммуникационный фактор, безопасность, экономичность, экологичность, устойчивость транспортной деятельности. Однако результативность их применения видится в системном правовом регулировании отношений на основе комплексного научного подхода. Соответственно, требуются дополнения в регулировании интеграционных актов, а именно в Протокол о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).

Одной из проблем в государственном управлении является возложение создания и развития интеллектуальных транспортных систем на несколько ведомств. Согласно Постановлению № 724 в отношении республиканских автомобильных дорог контроль выполнения работ с помощью вышеуказанной системы на Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, в отношении – местных автомобильных дорог и улиц населенных пунктов – на местные исполнительные и распорядительные органы, на автодорогах и улицах населенных пунктов в части обеспечения безопасности и эффективности организации дорожного движения – на Министерство внутренних дел.

Кроме того, Государственный учет беспилотных летательных аппаратов осуществляется в Департаменте по авиации при Министерстве транспорта и коммуникаций Республики Беларусь в соответствии с Руководством по порядку государственного учета и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов, утвержденном Департаментом по авиации от 4 октября 2022 г. № 268. Так, увеличивается рост проблем, связанных с нарушением правил использования воздушного пространства. За их нарушение установлена административная ответственность, при этом в зависимости от последствий действия правонарушителя могут быть классифицированы по некоторым статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Рост роли цифровизации в принятии решений сталкивается с проблемой неполного и недостаточно системного правового регулирования. Так, в законодательстве о государственной охране определены случаи,

при которых запрещается использование авиамodelей, а порядок их использования устанавливается утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь Правилами использования авиамodelей в Республике Беларусь. Однако подготовлены изменения в Воздушный кодекс Республики Беларусь относительно беспилотных летательных средств, в частности, введение запрета на их эксплуатацию без осуществления государственного учета, уточняется терминология и дополняется новый термин «гражданское беспилотное воздушное судно».

Важно обратить внимание на то, что правовое регулирование в данной области общественных отношений в Российской Федерации сложилось на программном уровне с целью его развития в нормативных правовых актах. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р утверждена Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г., соответственно, создана правовая основа для функционирования беспилотной авиации. Данный акт включает множество аспектов, в том числе отражает сферы применения беспилотных летательных аппаратов, что указывается и в научных исследованиях [8]. Однако к содержанию государственного управления в данной области использования транспортных средств необходим функциональный и комплексный подходы с целью учета всех факторов их применения, включая риски их неправомерного использования и риски реализации результатов, которые могут быть получены с их помощью.

Совершенствование правовых норм для обеспечения контроля за полетами беспилотных летательных средств, системы управления является необходимым фактором обеспечения информационной безопасности современного этапа. Это способствует обеспечению национальной и региональной безопасности на основе развития новой перспективной высокотехнологичной отрасли экономики, которая связана с использованием беспилотного транспорта и которая будет сформирована в течение некоторого времени.

Комплексный подход к государственному управлению в сфере эксплуатации интеллектуальных транспортных систем предусматривает охват всех явлений и совокупного их влияния на все сферы жизнеобеспечения, а также использование достижений как технической, так и правовой науки. Соответственно, учитывая социально-политические, информационные, правовые, технические аспекты, необходимо выработать направления как систематизирующие и развивающие теоретические основы правового обеспечения данных отношений, которые связаны с решением задач безопасного функционирования транспортных средств, так и системно сформировать институциональную среду и основные прин-

ципы институционализации, связанные с обеспечением устойчивости и безопасности в сфере перемещения транспортных средств.

Таким образом, в национальном законодательстве правовую категорию «интеллектуальная транспортная система» следует признать системообразующей при совершенствовании правового регулирования анализируемых отношений и отразить ее понятие в качестве основы гармонизации законодательства в сфере транспортной деятельности. Вместе с тем особое значение имеет обоснование существования особого нового вида правоотношений, возникающих в связи с эксплуатацией интеллектуальной транспортной системы как единой комплексной сферы правового регулирования, с определением места в транспортно-правовой науке и подлежащих дальнейшему расширению с определением объектов и субъектов и иных элементов. Данный вывод опирается на позицию о недостаточности регулирования информационного обеспечения в государственном управлении, что обусловлено использованием транспортных средств с использованием искусственного интеллекта, цифровых решений в транспортной отрасли. На законодательном уровне необходимо показать уровень полномочий всех органов управления относительно использования интеллектуальных транспортных систем, что будет отвечать и обеспечению состояния защищенности государства и способствовать слаженному их взаимодействию. Для усиления решения общих вопросов в углублении интеграции и развитии новых инновационных решений, ускоряющих логистическую деятельность, предлагается возложить дополнительные функции на отделы Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, что будет охватывать цифровую повестку в данной сфере.

Решение обозначенных проблем поспособствует устойчивому развитию Республики Беларусь при усилении внимания к вопросам безопасности транспортной деятельности, укрепит эффективность эксплуатации интеллектуальных транспортных систем и позволит применять соответствующие методы и формы государственного управления для обеспечения информационной безопасности и иных сфер национальной безопасности в контексте проникновения цифровых технологий в современные транспортные процессы.

Библиографические ссылки

1. Хотько, О.А. Цифровизация и экологизация транспортной деятельности на евразийском пространстве: правовые аспекты обеспечения эффективности // Информационная безопасность личности в современном международном праве: материалы кругл. стола, каф. гос. упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. /

Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.С. Михайловский (гл. ред.), Е.Ф. Довгань, Н.О. Мороз. Минск : БГУ, 2022. С. 294–298.

2. Бажина, М.А. Трансформация транспортных отношений в условиях цифровой реальности // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : сб. ст. к 70-летию проф. В.С. Белых / отв. ред. В.А. Бублик. М.: Проспект, 2023. С. 57–66.

3. Макаров, О.С. Правовое регулирование обеспечения международной информационной безопасности на пространстве ОДКБ // Состояние, проблемы и перспективы развития юридической науки и практики в условиях глобализации общественных отношений: сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2022. С. 317–320.

4. Мороз, Н.О. Обеспечение информационной безопасности в контексте устойчивого развития // Обеспечение прав и свобод человека в информационном обществе / Г.А. Василевич [и др.] ; нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск : Колорград, 2022. С. 299–318.

5. Хотько, О.А. Теоретические основания законодательного регулирования интеллектуальных транспортных систем в контексте правового обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития государства и общества // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: материалы Третьего Междунар. трансп.-правового форума, приуроч. к 125-летию Рос. ун-та трансп., Москва, 10-11 февр. 2021 г. / Рос. ун-та трансп. ; под ред. А.А. Чеботаревой, В.Е. Чеботарева. М. : Юрид. ин-т РУТ (МИИТ), 2021. С.127–132.

6. Молчанов, А.А. Некоторые правовые аспекты и проблемы использования интеллектуальных транспортных систем // Аграр. и зем. право. 2018. № 2. С. 21–27.

7. Бажина, М.А. Правовое регулирование применения интеллектуальной транспортной системы как основы осуществления транспортной деятельности: сравнительно-правовое исследование // Трансп. право. 2022. № 1. С. 3–7.

8. Бутакова, Н.А. Перспективы применения беспилотных транспортных средств для решения проблем, связанных с транспортно-логистической деятельностью в чрезвычайных ситуациях // Трансп. право. 2022. № 3. С. 11–13.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Чернолевская
Л. А. Краснобаева

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, belrus@bsu.by*

В статье рассматриваются правовые аспекты цифрового развития отдельных общественных отношений. Авторами анализируется предоставление электронных услуг в области образования и здравоохранения. Обозначены пути совершенствования правовой основы цифровизации государственного контроля.

Ключевые слова: цифровое развитие; цифровизация; общественные отношения; образование; здравоохранение; электронные услуги.

LEGAL BASIS OF DIGITAL DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. A. Chernolevskaya
L. A. Krasnobaeva

*Belarusian State University,
Leningradskaya str., 8, 220030, Minsk, Belarus, belrus@bsu.by*

The article reviews the legal aspects of digital development of particular public relations. The authors analyze the provision of electronic services in the fields of education and healthcare. The ways of improving the legal basis of state control digitalization are outlined.

Keywords: digital development; digitalization; public relations; education; healthcare; electronic services.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2023 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» под цифровым развитием понимается внедрение информационных и других передовых технологий в управленческие и бизнес-процессы в целях их качественной трансформации во всех сферах жизнедеятельности государства и общества [1].

Очевидно, что данное легитимное определение прямо указывает на прямую взаимосвязь цифрового развития и всех без исключения общественных отношений.

При этом под цифровизацией общественных отношений следует понимать процесс реализации государственных ресурсов посредством цифровых (сквозных) технологий, в основе которых лежит анализ больших данных в целях оптимизации управленческих процессов. Ее признаком является изменение не только способов реализации общественных отношений, исполнение государственных функций, но и изменение их состава и принципов их реализации.

Методология данного исследования основана на применении общенаучных и частнонаучных методов. Диалектический метод познания базировался на усвоении основных принципов государственного управления и позволил при изучении догматических положений сформулировать понятие цифровизации общественных отношений. Логический подход в исследовании отдельных аспектов цифрового развития в том числе управленческой деятельности дал возможность сформулировать проблемы ее осуществления. Частноправовые методы позволили определить некоторые правовые понятия, выявить их признаки, а также толковать содержание установленных правовых предписаний. Основная задача заключалась как в уяснении и объяснении действующего законодательства, в его систематическом изложении и истолковании для целей правотворческой и правоприменительной практики в сфере реализации общественных отношений.

В качестве примеров цифрового развития общественных отношений в Республике Беларусь можно привести цифровую платформу «Правовой форум Беларуси»; возможность подачи электронного обращения по различным вопросам в органы государственной власти; проведение заседаний консультативных структур в формате онлайн; доступ к контактам уполномоченных лиц государственных органов через сайты министерств и ведомств; иные мероприятия, организуемые с помощью сети интернет.

С 2017 года функционирует единая информационная система таможенных органов Республики Беларусь [2, с.143], реализован механизм контроля за перевозкой товаров с использованием инновационных технологий, обеспечивающих дистанционный контроль за перемещением транспортных средств, регулируемый постановлением Совета Министров Республики Беларусь 25 мая 2020 г. № 311 «О применении навигационных устройств (пломб)» [3], предусмотрена подача статистической декларации в виде электронного документа, регламентировано информационное взаимодействие между Государственным таможенным комитетом и Министерством юстиции, реализованы возможность получения ин-

формации, содержащейся в информационных ресурсах таможенных органов, находящихся в ведении таможенных органов и взаимодействие в рамках общегосударственной автоматизированной информационной системы. Созданный в 2020 году региональный центр электронного декларирования, в котором совершались таможенные операции с применением технологии удаленного выпуска товаров и автоматического распределения документов, поданных в виде электронного документа, в настоящее время функционирует, как полноценный центр электронного декларирования. Работа данного центра позволяет совершать таможенные операции, связанные с выпуском товаров в любом таможенном органе вне зависимости от места нахождения товара. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300–З «Об обращениях граждан и юридических лиц» предусматривает подачу электронных обращений только с помощью государственной единой (интегрированной) республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц – интернет–ресурса «Обращения.бел».

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 г. № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» предусмотрены этапы цифровизации образовательной системы и ожидаемые результаты, среди которых наиболее значимыми являются создание программного обеспечения, необходимого для цифровой трансформации процессов в системе образования; широкая доступность электронных образовательных услуг для населения, развитие дистанционного обучения как самостоятельной формы получения образования [4]. Кодексом Республики Беларусь об образовании в статье 1 п.1.30 дано определение информационно–образовательной среды как «совокупности государственных автоматизированных информационных систем в сфере образования, обеспечивающих взаимодействие государственных органов и организаций, учреждений образования и иных субъектов образовательных отношений и удовлетворение их информационных потребностей» [5].

Именно на основе электронных услуг формируются направления образования, возникающие в процессе его цифровой трансформации: мобильное образование (m–learning), позволяющее получить необходимые знания и компетенции «в любое удобное время и в любом удобном месте» [6]; открытое образование; эвристическое обучение на современных информационно–коммуникационных платформах [7]; индивидуальное обучение, направленное на построение собственных траекторий образовательного процесса и персонализацию учебных программ. Преимуществами цифровой трансформации образовательного процесса является развитие онлайн–обучения, замещение бумажного контента и об-

разовательных программ на цифровой; апробация кооперации образовательных организаций в цифровой среде, а также развитие цифровой культуры педагогических работников. Кодексом Республики Беларусь об образовании предусмотрены и значительные корректировки системы цифровизации в сфере образования, а именно, дистанционная форма как самостоятельная форма получения образования, наличие сетевой формы взаимодействия.

В области здравоохранения учреждения здравоохранения активно внедряют комплексные медицинские автоматизированные системы, создаются диагностические рабочие места и рабочие места врачей общей практики, проводится масштабные мероприятия по внедрению автоматизированные системы «Многопрофильная больница», «Взрослая поликлиника», «Детская поликлиника», «Стоматологическая поликлиника», «Диспансер», «Электронный рецепт» и пр. Действуют информационные системы национального уровня, позволяющие проводить мониторинг состояния здоровья различных групп населения и принимать оперативные решения по управлению здравоохранением. К системе «электронный рецепт» начиная с 2016 г. подключено 187 организаций. В качестве основных критериев эффективности и качества развития системы здравоохранения выступают: сокращение существующего разрыва в показателях состояния здоровья населения Республики Беларусь и европейских стран; увеличение продолжительности жизни населения, скорректированной с учетом нарушений здоровья до 69 лет в 2030 году; снижение уровня заболеваемости на 10 процентов и тяжести первичной инвалидности населения до 60 процентов к 2030 году. Однако серьезным фактором, затрудняющим создание цифрового здравоохранения, является отсутствие стандартов в сфере электронного здравоохранения и регламентов обмена электронной медицинской информацией [8].

Цифровизацией охвачены все области государственного управления, и, несмотря на то, что Беларусь в 2020 году заняла 40 место из 193 в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства, и впервые попала в топ-40 стран с очень высоким индексом развития электронного правительства (по индексу электронного участия (E-Participation), поднялась на 57 место (в 2016 году была на 76)), можно выделить основные организационные процессы, требующие изменений в условиях перехода в цифровую плоскость, а именно:

- исключение бумажных процессов;
- создание единого цифрового профиля;

Под цифровым профилем понимается совокупность сведений о физических и юридических лицах, содержащихся в информационных си-

стемах государственных органов, а также в единой системе идентификации и аутентификации.

Перевод общественных отношений в цифровой формат, начиная от момента обращения и заканчивая осуществлением административной процедуры, опираясь преимущественно на оцифрованные данные, а не на бумажные документы, является сущностью сервисного государственного управления, основанного на принципе взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и цифровых данных в публичном управлении. Создание инфраструктуры, баз данных и механизмов их обработки с использованием цифровых технологий требует особого подхода к информационной безопасности как одного из основополагающих компонентов государственных услуг, который во многом отвечает за сохранность персональных данных.

К основным рискам цифрового развития и цифровой трансформации общественных отношений следует отнести:

- неодинаковый доступ к интернету в различных регионах;
- проблему обеспечения безопасности данных, защищенности серверов и защиту персональных данных;
- отсутствие конкуренции между цифровыми платформами и отсутствие должного государственного регулирования;

Также обозначим и общие направления развития государственного управления, такие как сочетание частного и бюджетного финансирования государственных услуг в различных сферах общественной жизни, организация взаимодействия государственного и частного секторов экономики при оказании государственных услуг.

Одной из причин низкой эффективности при внедрении электронного правительства стало создание новых электронных технологий при сохранении ранее действующих аналоговых, или бумажных, и применение к ним единых правовых норм. В частности, например, одинаковые сроки регистрации и 15-дневный срок рассмотрения обращений граждан, поступивших как в письменной форме, так и в форме электронных документов, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц».

Таким образом, цифровизация представляет собой форму реализации общественных отношений. В настоящее время административные отношения не полностью охвачены правовым регулированием. Отсутствуют нормы права, регулирующие порядок проактивного, мультимедийного и автоматизированного режима реализации общественных отношений. Не разработана нормативная правовая база, регламентирующая вопрос использования персональных данных в автоматическом режиме при предоставлении услуг в электронном виде без письменного со-

гласия субъекта личных данных и т.д. Требуется дальнейшего развития создание, развитие и функционирование единого реестра обязательных требований; создание типового облачного решения по автоматизации контрольной деятельности; организация сервисов на цифровой платформе для процесса осуществления государственного контроля.

Кроме того, несмотря на то, что внедрение современных цифровых технологий позволит сократить число государственных функций и, таким образом, снизить расходы на содержание государственного аппарата и значительно понизить коррупционные риски, необходимо сохранить в качестве альтернативы традиционные способы оказания государственных услуг. Подчеркнем, что цифровизация не должна стать самоцелью и привести лишь к изменениям в содержании полномочий государственных органов и организаций. Цифровая трансформация может признаваться эффективной лишь при условии повышения качества управления. Согласимся с мнением ученых, что «часть населения страны нуждается не только в повышении компьютерной грамотности, но и в выравнивании возможностей доступа к электронным услугам» [9, с.234].

Опираясь на мировой опыт и современные реалии можно с уверенностью утверждать, что обеспечение дальнейшего цифрового развития предусматривается решением следующих основных задач:

- совершенствованием механизмов отраслевого и регионального (городского) управления с применением платформенных и кросс-платформенных решений;

- минимизацией затрат граждан на получение государственных услуг и совершения административных процедур посредством их перевода в электронную форму;

- цифровой трансформацией реального сектора экономики за счет внедрения современных информационно-коммуникационных технологий, способствующих увеличению производительности труда, добавленной стоимости, повышению качества производимой продукции и расширению рынков ее сбыта;

- сокращением затрат на осуществление внутренних и внешних бизнес-процессов отечественных организаций путем их перевода в электронную форму;

- обеспечением безопасности граждан, защиты их личных данных при использовании информационных технологий за счет применения организационных и технических решений;

- внедрением информационно-коммуникационных технологий в управление межгосударственными интеграционными процессами и организацию межгосударственного информационного взаимодействия;

созданием благоприятных условий жизни населения, включая повышение:

доступности качественного образования для подготовки граждан к жизни и работе в условиях цифровой экономики;

качества, скорости и возможностей оказания высококвалифицированной медицинской помощи;

уровня безопасности жизнедеятельности.

Указанные задачи, по сути, являются существенными предпосылками к созданию цифрового государства, представляющего собой информационно-технологическую организацию политико-правового взаимодействия граждан и органов государственной власти, направленного на повышение эффективности работы всего государства путем оптимизации взаимодействия граждан, госструктур и бизнеса с использованием цифровых технологий.

В заключение сформулируем ряд авторских понятий: цифровизация общественных отношений – это вид цифровизации, оказываемый государственными организациями посредством сквозных и информационно-коммуникационных технологий; цифровая инфраструктура – это совокупность сквозных и информационных технологий, позволяющих оказывать услуги в электронной форме; цифровая платформа – это комплекс программно-технических средств, обеспечивающий использование информационных ресурсов и функционирующих на них сервисов, позволяющих потребителям и поставщикам связываться онлайн для реализации прав и законных интересов

Для дальнейшего развития общественных отношений требуется совершенствование цифрового государственного контроля как одного из наиболее реформируемых направлений деятельности органов: создание и функционирование платформы исполнения государственных функций, в том числе при осуществлении контрольной деятельности; создание, развитие и функционирование единого реестра обязательных требований; создание типового облачного решения по автоматизации контрольной деятельности; организация сервисов на цифровой платформе для процесса осуществления государственного контроля.

Библиографические ссылки

1. Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 апр. 2022 г., № 136 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.04.2023, № 102 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Шапкина, Ю.А. Анализ практики и условий для открытого размещения информации государственных органов в интернет–пространстве в Республике Беларусь // Веснік сувязі. 2019. № 5 (157). С. 39–44.

3. Червякова, Т. А. Система тарифных преференций Евразийского экономического союза // Право.by. 2022. № 4(78). С. 143–150.

4. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 ноября 2021 г., № 683 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

5. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243–З, принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г., одобрен Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.03.2023 № 257-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

6. Духнич, Ю. Мобильное обучение – Mobile Learning [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.smart-edu.com/mobile-learning.html – Дата доступа: 27.06.2023

7. Король, А.Д. Эвристический урок. Результаты, анализ, рефлексии (Как разработать и провести эвристический урок): методическое пособие / А. Д. Король. Мн: Вышэйшая школа, 2017. С. 223.

8. Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года // офиц. сайт Министерства здравоохранения Респ. Беларусь: Режим доступа: https://minzdrav.gov.by/upload/dadvfiles/CONCEPT_E-Health.pdf – Дата доступа: 27.06.2023

9. Холодная, Е.В. О цифровой трансформации государственного администрирования Дании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 230 –234.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. Ю. Чешко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, vladimir_cheshkos@mail.ru*

В статье рассматривается правовое регулирование системы информационной безопасности, выделяются отдельные проблемы в данной сфере. Обосновывается необходимость закрепления правового статуса службы информационной безопасности, совершенствование механизма обеспечения защиты персональных данных, а также усиление ответственности для должностных лиц государственных органов за необеспечение информационной безопасности.

Ключевые слова: система информационной безопасности; правовое регулирование; юридическая ответственность; защита персональных данных.

PARTICULAR PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM

V. Yu. Cheshko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, vladimir_cheshkos@mail.ru*

The article considers the legal regulation of the information security system, highlights certain problems in this area. The need to consolidate the legal status of the information security service, improve the mechanism for ensuring the protection of personal data, as well as strengthen responsibility for officials of state bodies for failure to ensure information security is justified.

Keywords: information security system; legal regulation; legal liability; personal data protection.

Информационная безопасность представляет собой состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Правовой основой для обеспечения информационной безопасности выступает Конституция Республики Беларусь. В ней определено, что

государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом;

каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании;

гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав [1, ст. 25, 28, 34].

Анализ правового регулирования показывает наличие следующей системы нормативных правовых актов, устанавливающих основу информационной безопасности в Республике Беларусь:

1) Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [2];

2) Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 (далее – Концепция национальной безопасности) [3];

3) Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 г. № 1 (далее – Концепция информационной безопасности) [4].

Представленная система правового регулирования обеспечения информационной безопасности свидетельствует о том, что в Республике Беларусь имеется существенная правовая основа для обеспечения информационной безопасности, приняты как концептуальные акты, так и нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу общественных отношений.

Переходя к анализу проблем в данной сфере следует изначально определить, что рассматриваться будут только проблемы организационно-правового характера. В ходе исследования правового регулирования системы обеспечения информационной безопасности следует выделить

следующие направления совершенствования законодательства в данной сфере:

- правовой статус сотрудников службы информационной безопасности;

- порядок правового обеспечения защиты персональных данных;

- ответственность в сфере информационной безопасности.

Правовой статус сотрудников службы информационной безопасности. Правовой статус – это совокупность элементов, характеризующих правовое положение субъекта, которое отражает его фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом, другими объектами и государством. Правовой статус отражает юридически оформленные взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими. В нем выражаются легальные пределы свободы личности, объем ее прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности. В структуру правового статуса, как правило, включают следующие элементы: права; обязанности; ответственность.

В настоящее время в различных государственных органах и иных организациях существуют определенные структурные подразделения и должностные лица, осуществляющие обеспечение информационной безопасности. Однако для системной работы по эффективному обеспечению информационной безопасности на различных уровнях полагаем целесообразным разработать типовое положение о службе информационной безопасности. Полагаем, что такой акт следует принять в форме постановления Совета Министров Республики Беларусь и распространить на все республиканские органы государственного управления. В данном положении предусмотреть следующие разделы:

- общие положения. Определить, что служба информационной безопасности является структурным подразделением государственного органа (организации), создаваемая (учреждаемая) в целях обеспечения информационной безопасности его деятельности;

- структура службы информационной безопасности;

- задачи службы информационной безопасности. К задачам отнести разработку и реализацию политики информационной безопасности, контроль за обеспечением организации технических средств защиты информации и их функционированием, проведение контрольных мероприятий, реагирование на различные угрозы информационной безопасности и др.;

- права, обязанности и ответственность сотрудников службы информационной безопасности.

Порядок правового обеспечения защиты персональных данных. В Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г., № 99-З «О защите персональных данных» регулирует данный вопрос. Подход, заложенный в этот

нормативный правовой акт, является новым для Республики Беларусь и создает немало проблем по его толкованию и правоприменению.

На наш взгляд, ряд норм этого нормативного правового акта содержит положения, при применении которых достаточно сложно определить их границу. Так, например, в ст. 8 установлены случаи, когда согласие на обработку персональных данных не требуется. В частности, к таким случаям отнесены предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством, законодательством в области национальной безопасности, об обороне, о борьбе с коррупцией, о борьбе с терроризмом и противодействии экстремизму, о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения, о Государственной границе Республики Беларусь, о гражданстве, о порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь, о статусе беженца, дополнительной защите, убежище и временной защите в Республике Беларусь [5].

При этом в указанном законе не установлен никакой механизм защиты прав граждан и иных субъектов. В связи с этим полагаем, что следует определить порядок обжалования данных решений в случае существенных нарушений персональных данных пользователя, либо при наличии совершенного в связи с этим преступления или административного правонарушения.

Ответственность в сфере информационной безопасности. Следует отметить, что, исходя из публичных начал обеспечения защиты информационной безопасности государства и общества, в данном вопросе внимание будет уделено уголовной и административной ответственности в сфере обеспечения информационной безопасности.

Преступления в данной сфере закреплены в гл. 31 УК и включают 5 статей [6]. Среди них: Несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349); Модификация компьютерной информации (ст. 350); Неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352); Разработка, использование либо распространение вредоносных программ (ст. 354); Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355).

Кроме того, к преступлениям данной сфере следует отнести также следующие составы, закрепленные в УК: хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212); причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216, путем модификации компьютерной информации). Отдельную группу преступлений включают преступления, связанные с содержанием компьютерных данных: детская порнография, нарушение авторского права.

В Беларуси установлены широкие запреты в отношении всех порнографических материалов. В ст. 343 и ст. 343-1 УК распространение порнографических материалов посредством сети Интернет является квалифицирующим признаком (ст. 343 УК. Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера).

В отношении нарушений авторских прав с использованием компьютерных технологий уголовное право Республики Беларусь не предусматривает каких-либо специальных норм.

Данная категория административных правонарушений предусмотрена гл. 23 КоАП, которая включает в себя 10 статей [7].

Родовым объектом этих правонарушений являются регулируемые законодательством общественные отношения в сфере связи и информации. Вместе с тем, дополнительными объектами по отдельным составам могут быть: общественный порядок и общественная безопасность (части 4 и 5 ст. 23.5); отношения интеллектуальной собственности (ст. 23.6); права и свободы физического лица (ст. 23.7); установленный законодательством порядок управления (ст. 23.8); отношения в сфере хозяйственной деятельности (ч. 1 ст. 23.9).

Исходя из анализа норм по уголовной и административной ответственности можно сделать вывод, что в Республике Беларусь имеется значительное правовое регулирование по защите информационной безопасности государства, общества и человека, однако, на наш взгляд, имеется направление для его совершенствования. Наиболее существенный вред в сфере обеспечения информационной безопасности может быть причинен непосредственно должностным лицом государственного органа, как правило, правоохранительного. Это обусловлено тем, что в ходе осуществления своей деятельности данная категория обладает достаточно простым и неограниченным доступом к различным информационным системам и, соответственно, может их использовать в целях, не предназначенных для этого. Наглядным примером выступает Российская Федерация, где за денежные средства можно приобрести практически любую ценную информацию из закрытых информационных ресурсов государственных органов. В связи с этим, полагаем, что для повышения эффективности обеспечения информационной безопасности УК и КоАП необходимо дополнить составами о нарушении информационной безопасности должностным лицом государственного органа и предусмотреть ответственность за это гораздо серьезнее, чем за должностные преступления и правонарушения.

Таким образом, по результатам рассмотрения проблем правового регулирования в системе обеспечения информационной безопасности можно сделать следующие выводы:

для системной работы по эффективному обеспечению информационной безопасности на различных уровнях полагаем целесообразным разработать типовое положение о службе информационной безопасности. Полагаем, что такой акт следует принять в форме постановления Совета Министров Республики Беларусь и распространить на все республиканские органы государственного управления;

в Законе «О защите персональных данных» не установлен никакой механизм защиты прав граждан и иных субъектов в случаях, когда согласие на обработку их персональных данных не требуется. В связи с этим полагаем, что следует определить порядок обжалования данных решений в случае существенных нарушений персональных данных пользователя, либо при наличии совершенного в связи с этим преступления или административного правонарушения;

для повышения эффективности обеспечения информационной безопасности в УК и КоАП необходимо дополнить составами о нарушении информационной безопасности должностным лицом государственного органа и предусмотреть ответственность за это гораздо серьезнее, чем за должностные преступления и правонарушения.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г и 27 фев. 2022 г. Минск : НЦПИ, 2022. С. 80.

2. Об информации, информатизации защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : в ред Закона от 10.10.2022 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

4. О концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 мар. 2019 г., № 1 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

5. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З : в ред Закона от 01.06.2022 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Шаршун

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, sharshun@bsu.by*

В статье рассматриваются современное состояние, некоторые проблемы и перспективы применения информационных технологий в нормотворческой деятельности как важного инструмента государственного управления. В настоящее время в Республике Беларусь актуальной задачей в данной сфере является разработка и внедрение в практическую деятельность субъектов нормотворческого процесса АИС «Нормотворчество». Вносятся предложения относительно функционала данной системы, направленного на обеспечение эффективности нормотворческой деятельности, в том числе путем внедрения технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: нормативный правовой акт; законодательство; нормотворчество; цифровизация; автоматизированная система; искусственный интеллект.

ON SOME ISSUES OF APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN RULE-MAKING ACTIVITIES

V. A. Sharshun

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, sharshun@bsu.by*

The article considers the current state, some problems and prospects of information technology application in the rule-making activity as an important tool of public administration. At present in the Republic of Belarus the urgent task in this sphere is the development and introduction of the AIS "Rulemaking" into the practical activity of the subjects of the rulemaking process. Proposals are made regarding the functionality of this system aimed at ensuring the effectiveness of rulemaking activity, including through the introduction of artificial intelligence technologies.

Keywords: regulatory legal act; legislation; rulemaking; digitalization; automated system; artificial intelligence.

Одним из важным средств государственного управления является правовое регулирование как средство управления обществом, государством, экономикой, социальной сферой. Его эффективность во многом определяется качеством нормотворческой деятельности как способа со-

здания и установления правовых норм. В современных условиях формирования информационного общества большое значение приобретают гибкость и оперативность изменения правового регулирования. Это обусловлено необходимостью адаптации общественных отношений в связи с быстро меняющейся обстановкой, принятия и введения в действие новых актов законодательства в сжатые сроки, гибкого подхода к определенным сферам и изменениям в них, участия широкого круга граждан и иных субъектов при подготовке проектов нормативных правовых актов. В связи с этим важное значение имеют оптимальные процедуры и инструменты нормотворческой деятельности, связанные с использованием новых цифровых технологий. Процессы цифровизации, цифровой трансформации оказывают влияние на формы и содержание нормотворческой деятельности. Сегодня такие процессы являются неотъемлемым элементом электронного правительства, они проявляются в самых различных формах. Все это обуславливает важность и актуальность исследования вопросов, связанных с применением цифровых технологий в отечественной нормотворческой деятельности.

Внедрение цифровых технологий в нормотворческую деятельность осуществляется поэтапно, путем перевода в цифровой вид его отдельных стадий. Так, в нашей стране внедрение данных технологий в нормотворческий процесс связано с возникновением и развитием государственной системы правовой информации Республики Беларусь. Цифровизация нормотворчества началась с заключительной стадии нормотворческого процесса – официального опубликования нормативных правовых актов. Исходя из роста количества пользователей сети Интернет, повышения ее доступности произошел постепенный переход к электронному официальному опубликованию нормативных правовых актов. Он завершился 1 июля 2012 г., когда вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь».

Затем начался переход к электронному документообороту в рамках нормотворческого процесса. С 1 января 2016 г. в практической деятельности государственных органов стала использоваться разработанная Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА). В этой системе первоначально осуществлялось электронное взаимодействие на таких стадиях нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов областных и районных советов депутатов и исполнительных комитетов, ведомственных нормативных право-

вых актов, включение их в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (далее – НРПА) и официальное опубликование. С 16 апреля 2018 г. согласно Указу Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2018 г. № 135 «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов» все правовые акты представляются для включения в НРПА только в электронном виде. Нормативно определены два способа направления правовых актов для включения в НРПА – с помощью системы межведомственного электронного документооборота, а также АИС НРПА.

Следующий этап внедрения цифровых технологий в нормотворческую деятельность был определен Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности». Это было связано с необходимостью перехода к работе с проектами нормативных правовых актов на различных стадиях нормотворческого процесса в рамках единой цифровой инфраструктуры. С 1 апреля 2021 г. проекты правовых актов Президента Республики Беларусь, законов, постановлений Правительства направляются на согласование в государственные органы, для проведения обязательной юридической и иных экспертиз, а также вносятся в Правительство для их визирования или подписания с помощью АИС НРПА. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 770 «Об автоматизированной информационной системе, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь» было утверждено Положение о порядке функционирования этой системы.

Следует отметить, что в ряде стран существуют подобные автоматизированные системы, реализующие в определенной степени нормотворческий процесс в цифровой форме, например, в Литовской Республике, Эстонии [1, с. 50]. Значительное внимание этому направлению уделяется и в Российской Федерации. В 2019 г. в деятельность Правительства г. Москвы была внедрена автоматизированная информационная система «Согласование документов». Эта система предназначена для автоматизации деятельности органов исполнительной власти г. Москвы, Аппарата Мэра и Правительства Москвы и подведомственных им организаций по подготовке проектов правовых актов г. Москвы и хранения данных правовых актов [2]. Кроме того, в Российской Федерации в настоящее время создается государственная информационная система «Нормотворчество» для обеспечения цифрового характера существующих процессов разработки, согласования и утверждения нормативных правовых актов, разрабатываемых органами государственной власти Российской Федерации, осуществляющими функции по выработке государственной политики и

нормативному правовому регулированию в установленной сфере деятельности [3].

В настоящее время АИС НРПА обеспечивает цифровое взаимодействие более 6000 пользователей из 360 государственных органов и организаций, включая районные и областные исполнительные комитеты и Советы депутатов, министерства и государственные комитеты, Научно-практический центр Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Аппарат Совета Министров Республики Беларусь. До недавнего времени система включала такие стадии нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы ведомственных нормативных правовых актов, нормативных правовых актов местных органов власти областного и базового уровней, технических нормативных правовых актов, включение их в НРПА и официальное опубликование. В 2021 г. была осуществлена модернизация АИС НРПА, что дало возможность работать в рамках системы также и с проектами законодательных актов и постановлений Правительства, в том числе осуществлять их согласование с заинтересованными, проведение криминологической и юридической экспертиз, внесение в Совет Министров Республики Беларусь, подготовку проектов в его Аппарате для внесения на подпись Премьер-министру Республики Беларусь.

АИС НРПА представляет собой цифровую среду, в которой осуществляются указанные стадии нормотворческого процесса. С 2016 г. с помощью данной системы было включено в НРПА свыше 40 тыс. правовых актов. С использованием АИС НРПА в настоящее время прошли все стадии нормотворческого процесса от согласования до подписания Премьер-министром Республики Беларусь более 300 постановлений Совета Министров Республики Беларусь.

Согласно подпункту 4.2 пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 с 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов (организаций) в полном объеме должна была осуществляться с использованием автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса. Координация вопросов цифровизации нормотворческой деятельности была поручена НЦПИ. Центром проводилась работа по созданию общегосударственной системы подготовки и принятия нормативных правовых актов – автоматизированной информационной системы «Нормотворчество» (далее – АИС «Нормотворчество»). К реализации этого проекта НЦПИ приступил в 2018 году, были проведены соответствующие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. По ряду причин система не была создана. 17 октября 2022 г. было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь № 697, которым были

внесены изменения в Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы. В соответствии с подпунктом 29.1 пункта 29 комплекса мероприятий данной Государственной программы в редакции названного постановления в 2022-2024 г. г. предусматривается создание автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса (АИС «Нормотворчество») как основы цифровой платформы нормотворческой деятельности. Работы по созданию системы продолжаются.

Разработка АИС «Нормотворчество» даст возможность на основе единой цифровой платформы объединить все нормотворческие органы и все стадии нормотворческого процесса, в том числе подготовку текста проекта, его согласование, проведение экспертиз, публичное обсуждение, подписание нормативного правового акта и его официальное опубликование. Приоритетной задачей, по нашему мнению, является создание полного цикла цифрового нормотворческого процесса в рамках АИС «Нормотворчество» в виде особой системы электронного документооборота, которая бы охватывала всех субъектов нормотворческого процесса – от местных советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня до Парламента, Совета Министров Республики Беларусь и Администрации Президента Республики Беларусь, а затем – внедрение в систему новых сервисных функций, в том числе на основе технологий искусственного интеллекта.

Применение искусственного интеллекта имеет большие перспективы для использования в нормотворческой деятельности. Однако искусственный интеллект не может исключить человека из нормотворчества как творческой деятельности, но может быть использован на отдельных стадиях нормотворческого процесса с целью выработки оптимального правового регулирования, высвобождения творческих способностей человека от рутинных операций. Первоочередными направлениями применения искусственного интеллекта в нормотворческом процессе представляется его использование при проведении правового мониторинга, прогнозировании последствий принятия нормативных правовых актов, создании текстов проектов, проведении их публичного обсуждения, экспертиз и официального опубликования нормативных правовых актов. Внедрение технологий искусственного интеллекта, по нашему мнению, целесообразно осуществлять в рамках единой цифровой платформы нормотворческой деятельности. Применительно к Беларуси такой платформой должна стать АИС «Нормотворчество». При этом следует оптимизировать существующие бизнес-процессы в сфере нормотворчества, адаптировать правила нормотворческой техники к возможности применения в нормотворческом процессе искусственного интеллекта, создать

все необходимые условия для эффективного участия всех субъектов в нормотворческом процессе.

В перспективе целесообразно обеспечить, чтобы АИС «Нормотворчество» автоматически формировала и поддерживала актуальные редакции текстов правовых актов. Это позволит повысить оперативность доведения актуального содержания нормативных правовых актов до всех заинтересованных, доступность правовой информации, а также существенно сократить человеческие трудозатраты и освободить достаточное большое количество работников НЦПИ от выполнения рутинной и кропотливой работы по приведению текстов нормативных правовых актов в актуальное (контрольное) состояние. При этом следует также обеспечить на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь свободный доступ к текстам актов законодательства в актуальной редакции с учетом внесенных изменений, а не только к текстам актов, официально опубликованных на определенную дату. Соответственно нуждается в корректировке и статья 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Такой подход реализован в ряде государств. Например, в Российской Федерации согласно Указу Президента Российской Федерации от 3 марта 2022 г. № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» с 1 июля 2022 г. на указанном портале размещаются тексты правовых актов с учетом внесенных изменений [4].

АИС «Нормотворчество» в значительной степени должна способствовать единообразному соблюдению правил нормотворческой техники в автоматическом режиме, а ответственные за подготовку проектов правовых актов исполнители смогут уделять больше внимания содержательной части проектов. В перспективе система должна обеспечивать также и возможность принятия актов машиночитаемого законодательства, которые могут исполняться и искусственным интеллектом.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в нормотворческую деятельность сегодня имеет важное значение в национальной правовой системе, поскольку именно данная деятельность должна обеспечивать оптимальное и оперативное создание норм права в современных условиях. Результатом цифровой трансформации нормотворческой деятельности должна стать единая цифровая платформа взаимодействия всех его участников при подготовке и принятии нормативных правовых актов в виде автоматизированной информационной системы. В Республике Беларусь решение данной задачи возможно посредством создания и внедрения в практическую деятельность всех субъектов нормотворческой деятельности АИС «Нормотворчество», что станет очередным зна-

чимым шагом в направлении повышения эффективности нормотворческой деятельности и, соответственно, государственного управления.

Библиографические ссылки

1. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе: новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» // Право.by. 2018. № 6. С. 46-52.

2. Об автоматизированной информационной системе «Согласование документов»: постановление Правительства Москвы, 25 сентября 2019 г., № 1239-ПП [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561311473>. Дата доступа: 15 августа 2023 г.

3. Работы по созданию национальной единой среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество») [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. – Режим доступа: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0173100008622000017&utm_source=pocket_mylist. Дата доступа: 15 августа 2023 г.

4. Тексты НПА с внесенными в них поправками, размещаемые на портале pravo.gov.ru, будут считаться официальными [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1531144>. – Дата доступа: 15 августа 2023 г.

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Н. М. Шевко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, ms.shevko@inbox.ru*

Современное развитие Европейского Союза (далее ЕС) характеризуется цифровой трансформацией. Принимая во внимание тот факт, что дети, включая детей с инвалидностью, активно вовлекаются в цифровую среду, ЕС преследует амбициозную цель по обеспечению цифровой безопасности для каждого ребенка. Принимая во внимание уязвимость положения детей с инвалидностью в цифровой среде, ЕС адаптирует действующие и принимает новые правовые инструменты в области прав ребенка и прав людей с инвалидностью.

Ключевые слова: дети с инвалидностью; цифровая среда; Стратегии Европейского Союза; цифровые правовые инструменты; правовое обеспечение безопасности.

LEGAL INSTRUMENTS TO ENSURE A SAFE DIGITAL ENVIRONMENT FOR CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE EUROPEAN UNION

N. M. Shevko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, ms.shevko@inbox.ru*

The modern development of the European Union (hereinafter referred to as the EU) is characterized by digital transformation. Recognizing that children, including children with disabilities, are actively involved in the digital environment, the EU has an ambitious goal of ensuring digital security for every child. Taking into account the vulnerability of children with disabilities in the digital environment, the EU adapts existing and adopts new legal instruments in the field of children's rights and the rights of people with disabilities..

Keywords: children with disabilities; digital environment; European Union Strategies; digital legal tools; legal security.

Стратегия Европейского Союза (далее ЕС) по правам ребенка 2021-2024 гг. указывает на то, что дети являются цифровыми аборигенами [1, п.5]. В свою очередь такая группа детей, как дети с инвалидностью не является исключением. Действительно, цифровая среда и использование

новых технологий способствует тому, что дети с инвалидностью наравне с детьми без инвалидности реализуют свои права онлайн. Несмотря на то, что отдельные проблемы или барьеры не имеют цифровых решений, технологические разработки предоставляют детям с инвалидностью возможности, связанные с поиском информации, выражением мнений, общением, играми и социализацией. По сути, информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) делают для детей с инвалидностью возможным то, что остается невозможным для них в нецифровом мире [2, с. 10]. Однако, находясь в непропорционально неблагоприятном положении (независимо от степени и характера инвалидности), цифровая среда представляется менее безопасной для детей с инвалидностью. Так, согласно исследованиям, проведенным в ЕС, дети с инвалидностью особо подвержены киберзапугиваниям, секстингу, онлайн-домогательствам, дезинформации и неинформативному распространению информации [3, с. 8]. Усиление внимания к исследуемой теме обусловлено в первую очередь тем, что на современном этапе ЕС развивается по пути цифровой трансформации. В этой связи, особое значение приобретают вопросы, связанные с правовым обеспечением безопасности цифровой среды для детей с инвалидностью, а также расширением их возможностей онлайн, как одной из наиболее уязвимых групп детей в ЕС.

Стоит отметить, что у ЕС нет четкой компетенции в отношении детей с инвалидностью. В свою очередь Paula Frederica Hunt указывает на то, что вопросы, связанные с детьми с инвалидностью, в значительной степени отсутствуют при разработке и реализации политики ЕС [4, с. 7]. В ЕС насчитывается около 68 миллионов детей в возрасте до 15 лет (Eurostat, 2020), но нет данных о том, сколько из них имеют инвалидность. Схожая ситуация по детям с инвалидностью складывается и в европейском цифровом пространстве. Очевидно, что дети и молодежь в ЕС растут и развиваются в цифровой среде. В то время как количество исследований, изучающих их опыт, увеличивается, к такой уязвимой группе детей, как дети с инвалидностью не проявляется должный интерес. В результате, детям с инвалидностью практически не уделяется внимание в национальном или европейском законодательстве о правах ребенка [2, с. 7]. Однако, развиваясь по пути цифровой трансформации, ЕС придерживается правовых инструментов в области прав ребенка и прав людей с инвалидностью, разработанных как внутри Союза, так и на международном уровне.

Не ставя своей целью изучение законодательства ЕС в области защиты прав детей с инвалидностью, мы, тем не менее, отметим, что защита и поощрение прав ребенка является одной из основных целей функци-

онирования ЕС (как на уровне Союза, так и за его пределами) [5, ст. 3]. В дополнении Хартия основных прав ЕС (в ред. 2000 года) гарантирует защиту прав всех детей при реализации законодательства ЕС [6, ст. 24]. Кроме того, все государства-члены ЕС ратифицировали Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года (далее КПР), тем самым взяв на себя обязательства по обеспечению полноценной и достойной жизни для неполноценного в умственном или физическом отношении ребенка (п. 1 Ст. 23). Стоит отметить, что ЕС ратифицировал Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах инвалидов 2006 года (далее КПИ), тем самым впервые в своей истории стал участником международного договора по правам человека. В рамках исследуемой проблематики следует отметить Замечание общего порядка № 25 «О правах детей в связи с цифровой средой» (далее Замечание), опубликованное Комитетом по правам ребенка в 2021 году. В Замечании Комитет особо указывает на то, что «дети с инвалидностью могут быть в большей степени подвержены рискам в цифровой среде, включая киберагрессию и сексуальную эксплуатацию и сексуальные надругательства» [7, п. IX] и призывает «выявлять и устранять риски, с которыми сталкиваются дети с инвалидностью, принимая меры по обеспечению безопасности цифровой среды для них, борясь при этом с предрассудками, с которыми сталкиваются дети с инвалидностью и которые могут привести к чрезмерной защите или исключению из жизни общества» [7, п. IX]. Знаменательным является то, что исходя из своего видения цифровой трансформации ЕС, в том же году Европейская комиссия приняла ряд обновленных стратегий, как в отношении детей, так и в отношении людей с инвалидностью. Так, стратегия ЕС «Союз равенства: Стратегия по правам людей с инвалидностью 2021-2030» определяет доступность к искусственной и виртуальной средам, к ИКТ, а также к цифровым продуктам и услугам, как фактор, обеспечивающий права, равенство и автономии людей с инвалидностью [8, п. 2]. Не обладая особым правом на доступ к цифровой среде, доступность технологий для детей с инвалидностью играет ключевую роль в обеспечении реализации таких прав, как: право не подвергаться дискриминации (ст. 2 КПИ), право на образование (ст. 28 КПИ), право на игры (ст. 31 КПИ), право на свободу выражения мнения (ст. 13 КПИ), право на поиск, получение и распространение информации (ст. 13 КПИ). С другой стороны, неравенство в цифровом мире может привести к достаточно высоким рискам более низких результатов обучения, плохого психического здоровья и отсутствия долгосрочных перспектив.

Также, в 2021 году Европейская Комиссия приняла «Стратегию по правам ребенка» (далее Стратегия), всеобъемлющей целью которой «яв-

ляется создание наилучшей возможной жизни для детей в Европейском Союзе и во всем мире» [1]. В Стратегии признается, что использование цифровых инструментов может помочь детям с инвалидностью в обучении, общении и участии в развлекательных мероприятиях в Интернете при условии, что они доступны [1, п. 5]. В тоже время, присутствие детей, включая детей с инвалидностью, в Интернете, сопряжено с риском вредных и незаконных контактов (киберухаживание, сексуальные домогательства, киберзапугивание). В этой связи, ИКТ - компаниям было предложено добровольно сообщать властям о сексуальном насилии над детьми в той мере, в какой такая практика является законной. Более того, ИКТ-компаниям следует обеспечить, чтобы права детей, включая неприкосновенность частной жизни, защиту личных данных и доступ к соответствующему возрасту контенту, были включены в цифровые продукты и услуги изначально и по умолчанию, в том числе для детей с инвалидностью [1, п. 5]. В дополнение к рассматриваемой Стратегии, Европейская комиссия разработала цифровую стратегию «Цифровое десятилетие для детей и молодежи: новая европейская стратегия лучшего интернета для детей (VIK+)» (далее VIK+). В частности, в VIK+ отражен принцип, который недавно был предложен в Европейской декларации о цифровых правах и принципах для Цифрового десятилетия. Согласно данному принципу, каждый должен иметь доступ к безопасным, надежным и защищающим конфиденциальность цифровым технологиям, продуктам и услугам. При этом, особое внимание уделяется детям и молодежи, которые должны чувствовать себя в безопасности и иметь возможность пользоваться Интернетом. [9, п. 5]. Таким образом VIK+ стремится дополнить и поддержать практическую реализацию существующих мер по защите детей в Интернете, развивать навыки детей и дать им возможность безопасно наслаждаться и формировать свою жизнь в Интернете [10, п. 1]. В продолжении необходимо добавить, что указанные выше Стратегии основаны на законодательстве ЕС, которое также претерпевает значительные реформы на фоне быстро развивающейся цифровой среды.

Так, пересмотренная Директива об аудиовизуальных медиауслугах 2018/1808, усилила защиту детей от вредоносного контента и неприемлемых коммерческих сообщений [11, п. 20, п. 30]. Как верно отмечает E. Lievens, жизнь детей становится все более «данной» вследствие того, что: личные данные детей собираются в беспрецедентных количествах предприятиями, правительствами, школами и другими организациями; поведение детей в Интернете отслеживается с помощью файлов cookie и подключаемых модулей; присоединение к платформе социальных сетей или загрузка приложения обычно включает передачу личной информации; рекламные игры предлагают контент с учетом возраста или пола

ребенка; подключенные игрушки взаимодействуют с детьми и даже записывают разговоры [12, с. 269]. В этой связи, в новом Общем регламенте ЕС по защите персональных данных 2016 года (далее GDPR) (применяется с 2018 года) прямо указано, что персональные данные детей заслуживают особой защиты. GDPR также вводит новые требования к онлайн-обработке персональных данных детей. Кроме того, в GDPR содержится требование предоставлять соответствующие возрасту уведомления о конфиденциальности для детей и утверждается, что право на удаление персональных данных особенно важно, когда обработка основана на согласии ребенка [13, с. 10]. В дополнение к GDPR, в ЕС был принят Закон о цифровых услугах 2022 года (далее DSA). Положения DSA обяжут все онлайн-платформы разрабатывать свои системы с учетом прав детей-пользователей. В частности, дети должны быть в состоянии легко понять условия службы, которой они пользуются. Также, в соответствии с новыми правилами все онлайн-платформы, предлагающие услуги детям в Союзе, такие как социальные сети или интерактивные игровые платформы, будут обязаны принимать надлежащие и соразмерные меры для обеспечения конфиденциальности, безопасности и защиты детей при использовании их услуг. Кроме того, онлайн-платформам будет запрещено показывать детям рекламу на основе профилирования. Дополнительно, довольно крупные онлайн-платформы и поисковые системы должны будут учитывать любые системные риски, связанные с их услугами [10, п. 2]. И наконец, ЕС завершает работу над «Законом об искусственном интеллекте» (AI Act), который станет первым в мире всесторонним нормативным актом, регулирующим использование искусственного интеллекта (далее ИИ). Предложенный AI Act направлен на установление единых правил для ИИ в ЕС, а также на создание единого рынка надежных приложений ИИ, которые будут использоваться при полном соблюдении основных прав, включая права детей.

Таким образом, стоит признать, что за последние несколько лет ЕС активизировал усилия, направленные на обеспечение безопасности цифровой среды для детей. В частности, политические инициативы Европейской Комиссии, реформирование законодательства, а также существенное финансирование направлены на то, чтобы дети чувствовали себя безопасно, реализовывали свои права и расширяли возможности онлайн. В тоже время считаем, что такой группе детей, как дети с инвалидностью, в ЕС не уделяется должного внимания. Несмотря на то, что в Союзе признают уязвимость положения детей с инвалидностью, которое сопровождается особыми рисками и потенциальными угрозами в цифровой среде, разработанных правовых инструментов в области прав ребенка и области прав людей с инвалидностью недостаточно для того, чтобы дети

с инвалидностью в полном объеме и наравне с другими детьми пользовались своими правами и чувствовали себя безопасно в цифровом мире.

Библиографические ссылки

1. EU strategy on the rights of the child 2021-2024 [Electronic resource] // The European Commission. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0142>. Date of access: 08.08.2023.

2. Lundy, L. Two clicks forward and one click back «Report on children with disabilities in the digital environment» [Electronic resource] / L. Lundy, B. Byrne, M. Templeton, G. Lansdown // The Council of Europe. 2019. Mode of access: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/<https://rm.coe.int/two-clicks-forward-and-one-click-back-report-on-children-with-disabili/168098bd0f>. Date of access: 08.08.2022. P.25.

3. Children and young people with disabilities in an online world [Electronic resource] // The European Commission. Mode of access: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/<https://www.betterinternetforkids.eu/documents/167024/200055/Best-practice+guideline+-+Children+and+young+people+with+disabilities+-+March+2021+-+FINAL.pdf/>. Date of access: 08.08.2023.

4. Hunt, P. F. Target Group Discussion Paper on Children with Disabilities [Electronic resource] / P.F. Hunt // Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion. 2019. Mode of access: file:///C:/Users/msshe/Downloads/KE-02-20-556-EN-N%20(2).pdf. Date of access: 08.08.2022.

5. Treaty of European Union [Electronic resource]. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>. Date of access: 08.08.2023.

6. Charter of fundamental rights of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/ https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf. Date of access: 08.08.2023.

7. General comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment [Electronic resource] // Committee on the Rights of the Child. Mode of access: file:///C:/Users/msshe/Downloads/G2105343.pdf. Date of access: 08.08.2023.

8. Union of Equality: Strategy for the Rights of Persons with Disabilities 2021-2030 [Electronic resource] // The European Commission. Mode of access: file:///C:/Users/msshe/Downloads/union%20of%20equality-KE0221257ENN.pdf. Date of access: 08.08.2023.

9. European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade European [Electronic resource]. Mode of access: file:///C:/Users/msshe/Downloads/European_Declaration_on_Digital_Rights_and_Principles_signed_002_sPqb0eme38LoyyLQatnQJjkCZGU_94370%20(1).pdf. Date of access: 08.08.2023.

10. A Digital Decade for children and youth: the new European strategy for a better internet for kids (BIK+) [Electronic resource] // The European Commission. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2022:212:FIN>. Date of access: 08.08.2023.

11. EU Directive 2018/1808 Audiovisual Media Services Directive [Electronic resource] // The European Parliament and of The Council. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1808/oj>. Date of access: 08.08.2023.

12. Lievens, E., Verdoodt V. Looking for needles in a haystack: Key issues affecting children's rights in the General Data Protection Regulation / E. Lievens, V. Verdoodt // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34, Is. 2. P. 269–278.

13. Children and the GDPR [Electronic resource] // The General Data Protection Regulation. Mode of access: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://ico.org.uk/media/for-organisations/guide-to-the-general-data-protection-regulation-gdpr/children-and-the-gdpr-1-0.pdf>. Date of access: 08.08.2023. P. 45.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. Г. Шляхтова

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
ул. Советская, 135/60, 246007, г. Гомель, Беларусь, luna116@mail.ru*

Разработка механизмов обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь включает в себя мероприятия по информатизации, прежде всего правовой сферы. Первоочередными мероприятиями по реализации государственной политики обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь являются разработка и внедрение механизмов реализации правовых норм, регулирующих отношения в информационной среде.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровизация; информационная среда; киберпреступления.

INFORMATION SECURITY PRIORITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

O. G. Shlyahтова

*Francisk Skorina Gomel State University,
Sovetskaya St., 135/60, 246007, Gomel, Belarus, luna116@mail.ru*

The development of mechanisms for ensuring information security of the Republic of Belarus includes measures for informatization, primarily in the legal sphere. The primary measures for the implementation of the state policy for ensuring information security of the Republic of Belarus are the development and implementation of mechanisms for the implementation of legal norms governing relations in the information environment.

Keywords: information security; digitalization; information environment; cybercrime.

Постепенный процесс становления Республики Беларусь как сильного и процветающего государства невозможно рассматривать без контекста развития новых глобальных тенденций и реалий. Одной из таких реалий является тот факт, что в настоящее время мир находится на этапе перехода от индустриального общества к информационному. Глобальная компьютеризация (цифровизация) с одной стороны открывает перед обществом новые возможности, с другой – стремительное развитие технологий, увеличение количества электронных устройств, услуг и интернет-сервисов привели к появлению рисков и угроз и, в свою очередь, к росту числа кибер-

преступлений. В связи с этим остро встают вопросы обеспечения информационной безопасности.

Основные направления обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь заключаются в нескольких аспектах:

1) Правовой аспект. Информационная безопасность – состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [1, п. 8] и является важным приоритетным направлением правового регулирования в Республике Беларусь.

Существует ряд законодательных актов, которые предъявляют требования к обеспечению безопасности различных видов деятельности: Декрет № 8 от 21.12.2017 г. «О развитии цифровой экономики», Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2021–2025 гг., Концепция информационной безопасности от 18 марта 2019 г. Кроме того, существует ряд других нормативно-правовых актов, которые регулируют вопросы информационной безопасности, в том числе законы о защите окружающей среды и природных ресурсов, о защите государственных секретов, Положение о криптографической защите данных и др. Также постоянно совершенствуются и уголовно-правовые нормы, касающиеся преступлений в информационной среде.

Считаем, что одним из средств повышения уровня цифровой безопасности является дальнейшее укрепление нормативной базы. Назрела необходимость принятия документа стратегического планирования, в котором обеспечение информационной безопасности как составляющей национальной безопасности определено одним из основных долгосрочных приоритетов. Представляет интерес Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ № 646 от 05.12.2012 г. [2]. Проведя анализ данного нормативного акта, можно отметить, что Доктрина Российской Федерации содержит значительный и емкий комплекс мер, которые направлены на регламентацию общественных отношений в области информационной безопасности. Полагаем, что такой опыт необходимо принять во внимание в процессе подготовки Республикой Беларусь сходного правового акта. Нельзя не учесть и тот факт, что в законодательстве нашей страны действует значительное число норм, предусматривающих ответственность за противоправные деяния в информационной среде, тем самым особо отмечая Беларусь на фоне стран Таможенного союза. Поэтому наш опыт регулирования и регламентации отношений в рассматриваемой сфере, а также

опыт Российской Федерации, необходимо учитывать другими государствами.

Стоит отметить, что первые шаги к созданию единого документа об обеспечении безопасности в цифровой среде уже сделаны. Президент Республики Беларусь 14 февраля 2023 г. подписал Указ «О кибербезопасности». Данный нормативный правовой акт объединяет положения Концепций национальной и информационной безопасности Беларуси и направлен на создание в республике национальной системы обеспечения кибербезопасности.

2) Технический аспект. Обеспечение информационной безопасности является серьезной проблемой для правительств, предприятий и частных лиц. Согласно Глобальному индексу кибербезопасности (GCI), который представляет собой глобальное исследование, проводимое Международным союзом электросвязи (МСЭ), в 2020 г. Беларусь заняла 97-е место из 194 стран с точки зрения уровня кибербезопасности [3]. С 2017 г. рейтинг нашей страны по данному исследованию падает: 2017 г. – 39-е место, 2018 г. – 69-е место, 2019 г. – 89-е место. Снижение происходило не за счет ослабления по оцениваемым параметрам, а благодаря усилению позиций других государств. Все это позволяет говорить о том, что страны все больше уделяют внимание уровню своей кибербезопасности и достигают определенного прогресса в ответ на новые вызовы. В блоке стран СНГ Беларусь стабильно занимает 5-е место с 2017 г. GCI учитывает такие факторы, как нормативно-правовая база, технические меры, организационные меры, меры в отношении сотрудничества и наращивание потенциала.

В Беларуси, как и во многих других странах, необходимость защиты конфиденциальной информации от несанкционированного доступа, кражи или неправомерного использования становится все более важной по мере развития технологий и передачи и хранения большего количества информации в цифровом виде. Органы государственного управления в информационной сфере обеспечивают технические возможности доступа к информационным ресурсам для всех категорий пользователей, формируют государственные информационные ресурсы путем создания эффективной сети сбора и накопления информации, системы стандартизации, сертификации и контроля качества информационных продуктов и сетей, предпринимают меры к созданию единой развитой системы классификации и кодирования информации.

3) Организационный аспект. Стоит отметить, что, как и многие другие страны, Беларусь, сталкивается с рядом проблем в области информационной безопасности, в том числе с необходимостью соблюдения ба-

ланса безопасности и конфиденциальности, быстрыми темпами технологических инноваций и растущим числом киберугроз.

В Республике Беларусь принимается ряд мер по совершенствованию своих технических мер и наращиванию потенциала в области информационной безопасности. Создана система сертификации специалистов по информационной безопасности, которая позволяет отдельным лицам пройти сертификацию в различных областях кибербезопасности. Правительство обеспечивает обучение и сертификацию специалистов через Национальный центр электронных услуг. Стоит отметить, что данный центр является оператором важнейших межведомственных информационных систем, составляющих основу электронного правительства. Беларусь сохраняет свои позиции с высоким уровнем готовности к электронному правительству и входит в топ-40 стран по уровню развития технологий, что стало возможным благодаря госпрограммам по цифровизации.

Помимо существующей нормативно-правовой базы органы государственного управления осуществляет ряд других мероприятий для обеспечения информационной безопасности. Например, в стране реализован ряд технических мер по защите информации, включая использование шифрования, межсетевых экранов и систем обнаружения вторжений.

Важным направлением является также раскрытие новейших тенденций в области международного сотрудничества по вопросу обеспечения информационной безопасности. Республика Беларусь является государством-участником стран СНГ и принимает участие в обсуждении вопросов, связанных с сотрудничеством в области информационной безопасности, реализуемым в рамках международных организаций, функционированием и развитием безопасного Интернет-пространства, а также с межведомственным взаимодействием.

Республика Беларусь также является государством-наблюдателем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая создала Региональную антитеррористическую структуру (РАТС), осуществляющая борьбу и с кибертерроризмом.

Республика Беларусь инвестирует в исследования и разработки в области кибербезопасности, включая разработку новых технологий и инструментов для защиты информации. Например, в Оперативно-аналитическом центре при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ) будет создан Национальный центр кибербезопасности (НЦК). Правовая основа создания и функционирования национальной системы обеспечения кибербезопасности определена Указом Президента Республики Беларусь от 14.02.2023 г. № 40 «О кибербезопасности».

В целом эти и другие меры демонстрируют приверженность Беларуси к совершенствованию своих технических мер, наращиванию потенци-

ала в области информационной безопасности, которая является приоритетным направлением.

4) Социальный аспект. В Беларуси с каждым годом растет количество пользователей сети Интернет. Однако уровень цифровой грамотности все еще остается низким. Интернет является источником информации в различных сферах для большинства пользователей и занимает лидирующие позиции в информационном пространстве, отодвинув телевидение на второе место [4]. В связи с этим целесообразно для повышения уровня цифровой грамотности граждан проводить семинары, тренинги, брифинги, курсы по повышению квалификации работников, создавать службы информационной безопасности в организациях и на предприятиях. В учреждениях образования проводить единые дни информирования детей и молодежи, ввести в учебные программы дисциплины или специальные курсы, позволяющие изучать основы цифровой безопасности.

Растущая информатизация общества усилила влияние информационной составляющей в системе национальной безопасности Республики Беларусь, что объективно требует эффективного функционирования системы информационно-психологического обеспечения национальной безопасности страны.

Следует иметь в виду, что при возникновении конфликтных ситуаций и усилении степени противостояния государств с различными идеологиями и культурами «информационная борьба», которая практически постоянно ведется в мирное время, легко может перерасти в агрессивную «информационную войну». Вмешательство во внутренние дела государств, нарушение суверенитета и культуры народов, разжигание недоверия и вражды между народами – это прямая политическая и психологическая подготовка к реальной войне, а также экономической дестабилизации и манипулированию информацией со стороны противника, как в мирное, так и в военное время.

Исходя из этого, необходимо предпринимать меры по защите психики населения, социальных групп, граждан от деструктивных информационно-психологических воздействий общественного мнения, противодействовать попыткам манипулирования процессами восприятия информации населением со стороны враждебных Республике Беларусь политических сил, проводимых с целью ослабления политической стабильности и обороноспособности государства, отстаивать национальные интересы, цели и ценности Беларуси в информационном пространстве (европейском, стран СНГ, национальном).

Стоит отметить, что МВД проводится активная информационная и правовая работа по снижению деструктивного влияния экстремистских Интернет-ресурсов на сознание белорусского населения, недопущению

реабилитации нацизма, введению ответственности по отдельным статьям административного и уголовного законодательства.

В соответствии с постановлением Совета Министров от 12.10.2021 г. № 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» регламентирована работа по признанию экстремистскими формированиями и привлечению к уголовной ответственности их создателей и активных участников. По данным МВД, на сегодня таковыми признаны более 300 Telegram-каналов и чатов [5, с. 6].

В 2021–2022 гг. по заявлениям МВД информационная продукция 778 Telegram-каналов (чатов) и иных Интернет-ресурсов признана судами экстремистскими материалами.

В результате идеологической, информационной, нормотворческой и практической работы органов внутренних дел по снижению деструктивного влияния экстремистских Интернет-ресурсов с осени 2021 г. по настоящее время зафиксировано более 500 тыс. отписок пользователей от основных экстремистских Telegram-каналов и чатов (всего их более 1 тыс., а количество подписчиков более 2 млн.), специализировавшихся на белорусской повестке.

В условиях возрастающего информационного давления на Республику Беларусь приоритетной задачей для редакций государственных СМИ является создание качественного и аргументированного контрпропагандистского контента. В эфире всех теле- и радиоканалов Белтелерадиокомпании, а также в сообществах в социальных сетях оперативно размещается информация официальных представителей государственных органов и организаций, связанная с реагированием на распространение фейков и вбросов деструктивной информации.

Телеканал «ОНТ» запустил проект «Антифейк», созданы спецрубрики (например, «Будет дополнено»), реализуются авторские проекты «Полит STAND UP», «Пропаганда». На телеканале «СТВ» опровержение фейковых новостей осуществляется в информационно-аналитической программе «Неделя». Активно работают БелТА, «СБ. Беларусь сегодня», «Звезда», другие центральные издания. Большая работа в данном направлении ведется региональными СМИ. Созданы специальные рубрики, проекты (в том числе в соцсетях): «Факты против фейков», «Развеиваем слухи», «Достоверно», «Актуально», «Стоп! Фейк!», «Антифейк», «Острый ракурс», «По слухам» и др. [5, с. 7].

Таким образом, Республика Беларусь является динамично развивающейся страной, где год от года в разные сферы деятельности внедряются новые информационные технологии, увеличивается количество цифровых услуг и т.д. Цифровая трансформация страны требует одновременно совершенствования экономических и правовых аспектов, регули-

рующих сферу информационных технологий. Существует необходимость закрепления на законодательном уровне акта, который будет основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы безопасности в информационной сфере. Наличие фундаментальной и четко регламентированной нормативно-правовой базы наиболее полно обеспечит защиту законных интересов общества и государства от угроз в информационной среде.

В то же время необходимо постоянно привлекать инвестиции, развивать технологии и оборудование, повышать цифровую грамотность населения. Важны образовательные меры, обеспечивающие повышение осведомленности людей об информационных угрозах. Они должны предусматривать разработку и внедрение образовательных курсов по информационной безопасности, о безопасном поведении в сети. Целесообразно также расширение каналов обратной связи для информирования о подозрительных, заведомо ложных и экстремистских сообщениях в информационном пространстве.

Можно сделать вывод, что национальная безопасность Республики Беларусь во многом будет зависеть от эффективности обеспечения её информационной безопасности.

Библиографические ссылки

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г. № 1. Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=p219s0001>. Дата доступа : 28.10.2022.

2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ, 5 декабря 2016 г., № 646. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>. Дата доступа : 11.02.2023.

3. Глобальный индекс кибербезопасности 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.itu.int/epublications/publication/D-STR-GCI.01-2021-HTML-E>. Дата доступа : 01.07.2023.

4. Председатель Президиума НАН Беларуси – об информационной безопасности страны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/mart/33256/>. Дата доступа : 02.07.2023.

5. Основные направления государственной политики в области информационной безопасности : материалы для членов информационно-пропагандистских групп (декабрь 2022 г.) / Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Минск, 2022. С. 10.

ЦИФРОВОЙ БЕЛОРУССКИЙ РУБЛЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

В. В. Шпаковская

*Нотариально бюро № 1 города Бобруйска,
ул. М. Горького, 32-19, 213827, г. Бобруйск, Беларусь, shpv_v@mail.ru*

Исследован цифровой белорусский рубль как вид цифровой валюты. Определено понятие цифрового белорусского рубля, обозначены его признаки и преимущества. Изучены материалы Национального банка Республики Беларусь, направленные на внедрение цифрового белорусского рубля в экономику Республики Беларусь.

Ключевые слова: цифровая валюта; цифровой рубль; цифровая экономика.

DIGITAL BELARUSIAN RUBLE AS A VARIANT OF DIGITAL CURRENCY

V. V. Shpakouskaya

*Notary Bureau No. 1 of the city of Bobruisk,
st. M. Gorky, 32-19, 213827, Bobruisk, Belarus, shpv_v@mail.ru*

The digital Belarusian ruble has been studied as a type of digital currency. The concept of the digital Belarusian ruble and its features are defined and the advantages are indicated. The materials of the National Bank of the Republic of Belarus aimed at studying and introducing the digital Belarusian ruble into the country's economy were studied.

Keywords: digital currency; digital ruble; digital economy.

В условиях стремительных изменений, обусловленных активным и повсеместным внедрением цифровых технологий во все сферы экономики, финансовая система Республики Беларусь должна соответствовать изменяющимся запросам населения и субъектов хозяйствования в более быстрых, удобных, дешевых и безопасных средствах денежного обращения, содействовать внедрению инноваций в экономике. Одним из таких инструментов является цифровая валюта.

Понятие цифровая валюта собирательное, и включает в себя такие виды цифровых валют, как:

1. Цифровые валюты эмитируемые государством или цифровые валюты центральных банков (CBDC);
2. Цифровые валюты, не эмитируемые государством;

3. Виртуальные валюты.

В целях формирования единого понимания цифрового белорусского рубля, а также взаимовыгодных перспектив трансграничного взаимодействия цифровых валют центральных банков, необходимо исследовать необходимость внедрения в гражданский оборот цифровой валюты центральных банков в виде цифрового белорусского рубля.

На сайте Национального банка Республики Беларусь 28 июля 2023 г. был опубликован доклад заместителя Председателя Правления Национального банка «Основные направления развития платежного рынка» (далее – Доклад). В докладе уделено внимание вопросу внедрения цифрового белорусского рубля (далее – ЦБР).

Национальный банк Республики Беларусь определяет ЦБР как законное платежное средство, которое выполняет все функции денег, эмитируется центральным банком имеет одинаковую ценность с наличным и безналичным белорусским рублем [1].

Расчеты в цифровом рубле планируется относить к безналичной форме расчетов.

Особый интерес представляет возможность осуществления трансграничных платежей в цифровых валютах центральных банков. Взаимодействие платформ цифровых валют центральных банков позволит повысить доступность трансграничных платежей с контрагентами из стран-партнеров путем их интеграции, что особенно актуально в условиях санкционного давления на экономики России и Беларуси, а также ограничения доступа к международным платежным системам [1].

Реализация функционала смарт-контрактов предполагает создание инновационных финансовых сервисов для клиентов. Как следствие, у банков (финансовых организаций) получается возможность получения доходов от обслуживания смарт-контрактов и новых продуктов (услуг) [1].

Целевая функциональная модель ЦБР – гибридная модель, основными характеристиками которой являются:

1. Концентрация обязательств и платежей в ЦБР в рамках одной платформы;
2. Доступность ЦБР для физических и юридических лиц с участием банком (финансовых организаций), задействующих свою инфраструктуру для обслуживания клиентов;
3. Возможность резервного восстановления системы в случае сбоев [1].

Многие центральные банки отдают предпочтение именно гибридной модели. Такая модель в основном соответствует характеристикам двухуровневой банковской системы.

Необходимо отметить, что Национальным банком Республики Беларусь разработан проект Концепции цифрового белорусского рубля (далее – проект Концепции). Документ предлагает проект Концепции ЦБР, а также описывает этапы реализации пилотного проекта ЦБР,

Проект концепции определяет, что ЦБР – это национальная валюта Республики Беларусь, которая эмитируется Национальным банком Республики Беларусь и учитывается на цифровых счетах участников платформы ЦБР. Это отражено соответствующими цифровыми записями в реестре платформы ЦБР [2].

На основе анализа, указанного выше определения, доклада и проекта Концепции, можно выделить следующие признаки и преимущества ЦБР.

Признаки:

1. Единым эмитентом выступает государство в лице Национального банка Республики Беларусь;
2. Является самостоятельной формой национальной (официальной) валюты как цифровой белорусский рубль;
3. Беспрепятственно обращается внутри государства как между физическими, так и юридическими лицами;
4. Обладает теми же признаками, что и деньги: выступает как средство платежа, мера стоимости, средство накопления;
5. Ввиду того, что эмитентом выступает центральный банк, данная цифровая валюта обеспечена резервами государства, чего нельзя сказать о виртуальных валютах и цифровых валютах, которые не эмитируются государством.

Преимущества:

1. Исключена подделка, в отличие от бумажных денег;
2. Являются законным средством платежа;
3. Прозрачная тарифная политика (комиссии по операциям будут тарифицироваться по единым правилам);
4. Эмиссия и контроль осуществляются государством;
5. Возможность осуществления переводов как в режиме онлайн, так и офлайн;
6. Затраты выпуска значительно ниже, чем печать и выпуск бумажных денег и монет (предполагается, что 1 единица ЦБР = 1 единице национальной валюты);
7. Увеличивается скорость совершения финансовых операций;
8. Развитие новых финансовых инструментов и платежных сервисов;
9. Снижается потребность Республики Беларусь в иностранной валюте при осуществлении трансграничных расчётов;
10. Обеспечивается денежный и платежный суверенитет Беларуси.

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод, что внедрение в экономику Беларуси ЦБР имеет ряд преимуществ, а закрепление в законодательстве Республики Беларусь понятия «цифровой белорусский рубль» позволит определить его правовую природу и правовой режим, что будет способствовать развитию цифровой среды во всех сферах деятельности государства и общества.

Библиографические ссылки

1. Доклад «Основные направления развития платежного рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nbrb.by/top/pdf/doklad_murin_27-07-2023.pdf– Дата доступа: 11.08.2023.

2. Проект Концепции цифрового белорусского рубля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nbrb.by/payment/digital-ruble.pdf>. Дата доступа: 11.08.2023.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ АКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Д. О. Яковицкий

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, skychnozhit@gmail.com*

Настоящая научная статья посвящена правовому анализу защиты персональных данных в эпоху цифровых технологий. Посредством защиты персональных данных обеспечивается принцип неприкосновенности частной жизни в условиях цифровой трансформации, а также устанавливается гарантия соблюдения прав человека и гражданина при использовании его персональных данных. Однако, как показывает практика, имеющиеся средства защиты персональных данных являются недостаточными в условиях использования новых технологий.

Ключевые слова: персональные данные; частная жизнь; право на защиту; защита.

PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE AGE OF DIGITAL GOVERNMENT

D. O. Yakovitskiy

*Mogilev State University named after A. A. Kuleshov,
Kosmonavtov str. 1, 212022, Mogilev, Belarus, skychnozhit@gmail.com*

This scientific article is devoted to the legal analysis of the protection of personal data in the digital age. By protecting personal data, the principle of privacy in the context of digital transformation is ensured, and a guarantee of respect for human and citizen rights when using his personal data is established. However, as practice shows, the available means of protecting personal data are insufficient in the context of the use of new technologies.

Keywords: personal data, privacy, right to protection, protection.

В период интенсивной информатизации общества, важное значение уделяется вопросам обеспечения безопасности информации, в особенности персональным данным, поскольку становление такой информации общедоступной может нанести ощутимый вред ее собственникам. Стремительное развитие информационных технологий привело к появлению ряда проблем, из которых несанкционированное ее использование выде-

ляется в качестве одной из основных. Использование неправомерно полученной информации может осуществляться в разных целях: от использования в маркетинговых целях до краж или мошенничества. Эта проблема обуславливается отсутствием сложностей при сборе такой информации и возможностью ее использования в удаленном доступе, а также минимизацией затрат, связанных с ее хранением. При осуществлении ряда сделок в сети Интернет (купля-продажа в интернет-магазинах) присутствие человека становится необязательным и представляется возможным использовать цифровую информацию о нем. Повышение актуальности вопросов обеспечения информационной безопасности в первую очередь связано с процессом информатизации. Информатизация – организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений [1, с.15].

Персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [2, с. 1]. Такое определение дано в законе Республики Беларусь, и в свою очередь, в сравнении с определением данным в Российском законодательстве, является не полным. Персональные данные – любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация [3, ст. 153-ФЗ].

Содержание такой категории как защита персональных данных образуют правомочия, направленные на невозможность третьим лицам каким-либо образом воздействовать на персональные данные при отсутствии согласия собственника (субъекта), а также предполагает наличие четко сформулированного правового статуса как субъектов персональных данных, так и лиц их обрабатывающих.

Основы правовой защиты личной информации заложены в статье 28 Конституции Республики Беларусь, что одновременно является и главной гарантией осуществления этой защиты, согласно которой каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на честь и достоинство. Известно, что в европейских странах право на защиту персональных данных «выводится» из права на защиту частной жизни. Право на частную жизнь – одна из азбучных истин континентального права; например, французская доктрина различает

две составляющие частной жизни – личная частная (персонально-интимная) жизнь и социальная частная жизнь [4, с. 121].

За рубежом, данная связь между частной жизнью и персональными данными применяется и на более высоком уровне – в работе Организации Объединенных Наций. Например, 24 марта 2015 года Комитет по правам человека принял решение о создании должности Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни на три года. В обязанности докладчика входит защита персональных данных.

В Республике Беларусь действует государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы, вынесенная постановлением Совета Министров от 2 февраля 2021 года. В ней заложены основы защиты персональных данных, но эти основы требуют дополнений.

В настоящую эпоху расцвета киберпреступности, проблема незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных становится одной из главных угроз для реализации волеизъявления человека, тесно связанных между собой. В частности, в Постановке комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» за авторством А. А. Гаева, В. И. Диско и др. отмечается, что: система защиты персональных данных – это совокупность правовых, организационных и технических мер, вытекающих из законодательства о персональных данных, предусмотренных локальными правовыми актами оператора, целью принятия которых является защита персональных данных, обрабатываемых оператором [5].

Безусловно, широкое использование цифровых технологий в различных сферах государственной деятельности уже сегодня способствует созданию прозрачности в отношениях между государственными органами, коммерческими и некоммерческими организациями и гражданами. Во многих секторах экономики государство осуществляет контроль над деятельностью предпринимательских субъектов (например, банки контролируют финансовые операции юридических лиц и граждан). Множество банковских операций выполняется через интернет (открытие счетов для юридических и физических лиц, перемещение денежных средств и т. д.). В то же время, как отмечают некоторые авторы, доступность информации о субъектах и предпринимательских отношениях в целом является положительным явлением, но возникает проблема защиты данных в сети интернет.

Стоит выделить конкретную проблему регламентации отношений при передаче персональных данных, а также необходимость их обезличивания.

Трансформационные процессы на уровне международных организаций, использование той или иной технологии (в нашем случае цифровых платформ), порождают ряд вопросов, связанных с защитой персональных данных, процессом обезличивания данных и т.д. Например, массовые утечки информации о пользователях, использование данных их аккаунтов злоумышленниками, незаконный перенос данных с одной цифровой платформы на другую и т. д. [7, с. 117]

В современных условиях цифровизации необходима более детальная регламентация отношений, возникающих при передаче в электронной форме данных, содержащих личные сведения граждан, так как всегда существует риск утечки. Поэтому стоит отдельно рассматривать определенные вопросы данной сферы, такие как улучшение защиты данных при электоральной компании, обезличивания данных граждан в случаях, когда эти данные не являются важной частью какого-либо действия. Это является обязательным элементом в процессе взаимодействия власти и общества посредством электронных сервисов. Защита персональных данных технически может быть обеспечена с помощью криптографических средств предотвращения несанкционированного доступа. Необходимо также разработать и законодательно закрепить механизмы контроля за соблюдением операторами требований по защите персональных данных и четко определить меры ответственности за нарушения в этой сфере [7, с. 4].

Для более полной защиты персональных данных, стоит принять ряд определенных мер, таких как: шифрование данных, установка систем защиты, анонимизация данных и т.д. Организации и предприятия должны строго соблюдать законы и нормативные правовые акты, которые регулируют обработку и защиту таких данных. Это включает выполнение требований по безопасности данных, получение согласия от лиц, чьи данные обрабатываются, предоставление им информации о целях обработки и обеспечение их права на доступ и контроль над собственными данными. Что касается шифрования данных, применение различных криптографических методов помогает обеспечить защиту от несанкционированного доступа к персональным данным. Также при обработке данных стоит использовать методы анонимизации данных, что позволит минимизировать возможность определить лицо через его персональные данные, это в свою очередь снизит риски, связанные с раскрытием личной информации. Даже эти немногочисленные меры обеспечат более надежный механизм защиты.

Возвращаясь к мерам наказания, в реальной практике возникают сложности при юридической квалификации незаконных действий, связанных с разглашением персональных данных. В связи с этим, необходи-

мо внести дополнения в законодательство Республики Беларусь, которые будут устанавливать ответственность за незаконное распространение и использование персональных данных.

Несмотря на довольно большое число ученых, занимающихся этой проблематикой (А.Б. Агапов, И.Л. Бачило, Л.А. Василенко, Е.К. Волчинская, С.А. Глотов, И.Ш. Киясханов, М.А. Лапина, В.Н. Лопатин) подавляющая часть авторов являются зарубежными. В Республике Беларусь освещенность данной темы со стороны различных авторов недостаточна, что напрямую показывает на потребность в более подробном изучении с применением знаний, законов и тенденций развития информационных технологий.

Таким образом, проведенный в работе анализ показывает, что на данный момент, в аспекте защиты персональных данных, в Республике Беларусь имеются законы, обеспечивающие защиту персональных данных, таковую наличествует необходимая система гарантий. Но в то же время защита персональных данных именно в отношении цифровых технологий и информатизации как таковой требует определенной доработки.

Также следует обратить внимание на малое количество научных статей, исследований и учебных материалов отечественных авторов по вопросу защиты персональных данных именно в сфере информационных технологий и в сети Интернет. Не последнюю роль играет и государственная программа «Цифровое развитие Беларуси», которая на основе проведенных исследований и прогнозов по информационному развитию, требует определенной доработки в отношении персональных данных в цифровом пространстве, конкретно их защиты.

Библиографические ссылки

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. О защите персональных данных [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Полещук, Э. В. Основы защиты персональных данных // Вестник университета. 2014. № 7. С. 11-16.

4. Талапина, Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в Европейском контексте // Труды института государства и права. 2018. № 5. С. 117-149.

5. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: clck.ru/33Ygfn. Дата доступа: 08.09.2023.

6. Гонтарь, Л. О. Защита персональных данных в условиях развития интернет-компаний // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. № 1(2). С. 116-140.

7. Игнатов, Д. А. Правовые вызовы цифровой эпохи в сфере электронного взаимодействия власти и общества // Политика, экономика и инновации. 2020. № 5(34). С. 1-6.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О МОНИТОРИНГЕ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ

К. С. Яковлев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kirillstorto@gmail.com*

В статье рассматриваются теоретические аспекты категории качества электронных услуг, предпринимается попытка обосновать вывод о необходимости пересмотра базовых критериев оценки электронных услуг в связи с особенностями последних, необходимости изменения системы мониторинга качества предоставления электронных услуг в сторону расширения участия в нем заявителей, усиления ответственности субъектов мониторинга.

Ключевые слова: электронные услуги; электронные государственные услуги; качество электронных услуг; мониторинг электронных услуг; оценка качества электронных услуг.

ON THE ISSUE OF MONITORING THE QUALITY OF ELECTRONIC SERVICES

K. S. Yakovlev

*Belarusian State University,
Leningradskaya str. 8, 220030, Minsk, Belarus, kirillstorto@gmail.com*

The article examines the theoretical aspects of the category of quality of electronic services, attempts to substantiate the conclusion that it is necessary to revise the basic criteria for evaluating electronic services due to the peculiarities of the latter, the need to change the system of monitoring the quality of electronic services in the direction of expanding the participation of applicants in it, strengthening the responsibility of monitoring subjects.

Keywords: electronic services; electronic public services; quality of electronic services; monitoring of electronic services; evaluation of the quality of electronic services.

В последние годы в Республике Беларусь наблюдается значительное углубление электронного взаимодействия граждан и государственных органов, организаций. Принимаются соответствующие стратегии и программы (Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы, Программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы). Посланием Президента Республики белорусскому народу и

Национальному собранию от 31 марта 2023 г. указано направление на активное развитие единого портала электронных услуг (ЕПЭУ) в целях дальнейшей дебюрократизации и цифровизации сферы государственного управления, повышения доступности электронных услуг [1]. Эти процессы возможно объяснить тем, что все больше государств современности переходят к так называемой модели «сервисного государства», при которой первое место занимает гражданин, его удобство и удовлетворенность, а государство в лице его органов, организаций и должностных лиц занимается обслуживанием гражданина. Введение Указом Президента «О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий» от 31 мая 2022 г. №188 (Указ №188) понятия электронной услуги подтвердило тенденцию перехода к вышеуказанной модели, однако такая модель не может считаться полностью реализованной до тех пор, пока не будет обеспечен контроль качества предоставления электронных государственных услуг.

Обычно при упоминании электронных государственных услуг речь заходит о родовом по отношению к ним понятии государственной услуги, однако в законодательстве Республики Беларусь, несмотря на периодическое появление в нем термина, не сложилось определения государственной услуги. Законодательство, например, Республики Казахстан в Законе «О государственных услугах» от 15 апреля 2013 года № 88-V (Закон №88-V) определяет, что государственные услуги – это «одна из форм реализации отдельных государственных функций или их совокупности, осуществляемых по обращению или без обращения услугополучателей и направленных на реализацию их прав, свобод и законных интересов, предоставление им соответствующих материальных или нематериальных благ» [2]. Анализ Закона «О государственных услугах», а также положений Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. №350-VI позволяет установить, что государственная услуга является: 1. процессом деятельности уполномоченных субъектов в рамках реализации ими отдельных государственных функций по предоставлению частным лицам определенных материальных и (или) нематериальных благ; 2. результатом, наступившим для лица в рамках его обращения за услугой по заявлению или без него (проактивная услуга); 3. результатом, воплощающимся в издании в отношении заявителя благоприятного или обременяющего (при отказе в оказании услуги) административного акта в рамках административной процедуры. Закон №88-V подходит к электронным государственным услугам как к разновидности государственных услуг, оказываемых с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Схожего подхода к

электронной государственной услуге придерживается и доктрина [3, с. 18; 4, с. 56].

В законе Республики Беларусь «Об основах административных процедур» от 28 октября 2008 г. №433-З (Закон №433-З) фигурирует понятие административной процедуры. Мы согласны с точкой зрения Л.А. Краснобаевой, которая определяет административные процедуры как «правовую форму реализации публичных услуг» [5, с. 96]. Указ №188 определяет электронную услугу как услугу, предоставление которой осуществляется государственными организациями с применением ИКТ, не являющуюся административной процедурой, за исключением банковских и иных услуг, предоставляемых Национальным Банком. Из семантики слова «услуга» становится понятно, что ее предоставлению должно предшествовать обращение за оказанием оной в той или иной форме и исключительно к государственным организациям, что обусловлено Указом №188. Из этого следует, что электронная услуга – это совокупность действий государственных организаций, осуществляемых с помощью ИКТ и по заявлению заинтересованных лиц, оканчивающихся предоставлением определенных материальных и (или) нематериальных благ этим лицам, реализацией их прав, свобод и законных интересов. Таким образом, считаем, что Указ №188 подразумевает именно электронную государственную услугу.

Качество услуги – специфическая категория. Толковый словарь Ожегова определяет качество как «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность» [6]. Схожее определение дает и толковый словарь Ушакова [7]. В законодательстве единого подхода к определению качества не сложилось – обычно качество определяется с учетом того предмета или явления, которое оно характеризует (качество алкогольной продукции, лекарственных средств и др.). Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 9 января 2002 г. №90-З представляет качество услуги как совокупность свойств и характеристик услуги, определяющих ее соответствие установленным и (или) обычно предъявляемым к услуге такого рода требованиям. Однако следует учесть, что в соответствии со ст. 2 Закона сфера его действия распространяется на отношения между потребителями и изготовителями, иными субъектами, возникающими из договоров розничной купли-продажи, подряда, страхования, энергоснабжения, комиссии, возмездного оказания услуг и иных подобных (гражданско-правовых) договоров, т.е. не включает публично-правовые отношения [8]. Для целей статьи представим качество предоставления услуги как совокупность характеристик и свойств услуги, отражающих уровень обеспечения услугополучателю возможно-

сти и доступности ее получения в соответствии с требованиями законодательства. При этом отметим, что качество предоставления электронной услуги является компонентом более обширного понятия – качества электронной услуги.

Толковый словарь Ушакова трактует возможность как «средство для осуществления своих интересов». Таким образом, законодательная возможность получения электронных услуг связана с предоставлением услугополучателю средств для получения услуг. Этим средством в соответствии с Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте «О создании и функционировании личных электронных кабинетов» от 18 марта 2020 №82 является личный электронный кабинет в системе Общегосударственной автоматизированной информационной системы на базе ЕПЭУ. Более сложным является определение категории доступности. Обобщив словарные определения прилагательного «доступный» можно установить, что доступность предстает как: 1. категория физическая (физический объект, к которому можно пройти), 2. категория финансовая (дешевый или получаемый за умеренную плату объект), 3. категория ментальная (аналогично информации, которую можно понять). Сделать государственную услугу доступной для населения означает предоставить совокупность средств для ее получения каждому лицу и обеспечить надлежащее состояние данных средств, т.е. сделать ее получение возможным и удобным для любого человека.

Оказание электронной услуги можно представить двумя этапами: дозаявительный этап (охватывает формирование потребности в услуге, а также размещение электронных услуг и информации о них на ЕПЭУ) и процедурный (охватывает получение уполномоченным органом заявления и осуществление в отношении лица административной процедуры, оканчивающейся предоставлением электронной услуги на основании административного решения). Категории доступности и возможности характеризуют в первую очередь дозаявительный этап, так как получение заявления уполномоченной организацией и оказание ей услуги осуществляются только после того, как услуга уже стала доступной с помощью ЕПЭУ. Мониторинг как форма контроля предполагает наблюдение, анализ, оценку, установление причинно-следственных связей и др. методы, применяемые контролирующими (надзорными) органами в целях оценки соответствия деятельности проверяемого субъекта требованиям законодательства, выявления причин и условий, способствующих нарушениям. Объектом мониторинга качества предоставления электронных услуг является деятельность услугодателей по обеспечению возможности и доступности электронных услуг заявителям. Из этого следует, что мо-

мониторинг качества предоставления электронной услуги должен неразрывно сопровождаться инструментами для учета мнений заявителей.

Постановлением Совета Министров «О портале рейтинговой оценки» от 13 ноября 2019 г. № 765 была предпринята попытка создать систему мониторинга качества услуг населению. Считаем необходимым сделать несколько замечаний. Во-первых, несмотря на то, что качество как критерий присущ именно услуге, объектом оценки являются «государственные органы и организации, оказывающие услуги, обеспечивающие жизнедеятельность населения, и (или) осуществляющие административные процедуры по заявлениям граждан» [9] – такое определение не имеет смысла ни с точки зрения теории контроля (надзора), которая называет объектом контроля (надзора) деятельность подконтрольного субъекта с позиции ее соответствия определенным критериям (законности, эффективности и др.) [10, с. 324-26], ни с точки зрения заявленных в Положении целей (формирование системы оценки гражданами эффективности деятельности государственных организаций). Во-вторых, присутствует неопределенный законодательством термин «услуга, обеспечивающая жизнедеятельность населения». Директива Президента «О де-бюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» от 27 декабря №2 в предыдущей редакции от 25.03.2015 оперировала таким же термином, представляя его: 1. образовательной услугой; 2. услугой, предоставляемой организациями жилищно-коммунального хозяйства; 3. услугой в сфере здравоохранения; 4. иными услугами, востребованными населением [11]. Представляется, что предполагавшееся Директивой собирательное для таких услуг – публичные услуги. Согласимся, что государственная услуга является разновидностью публичной услуги [12, с. 34], электронная государственная услуга – разновидность государственной услуги, из чего портал рейтинговой оценки должен подлежать применению и для оценки последних.

Оценка услуги на портале рейтинговой оценки происходит по критериям оценки, четыре из которых являются базовыми (т.е. обязательными при формировании рейтинга объекта оценки). Три базовых критерия относятся к качеству предоставления услуги: 1. простота и понятность процесса получения услуги или осуществления административной процедуры; 2. доступность информации о порядке получения услуги или осуществления административной процедуры; 3. вежливость и доброжелательность сотрудников. Оказание электронной услуги неразрывно связано с применением ИКТ обеими сторонами, например, ЕПЭУ как средства получения услуги. В этих рамках большим значением обладает критерий обеспечения средством удобства (т.е. того, насколько комфортно

лицу получить услугу на ЕПЭУ, насколько хорошо реализована электронная архитектура портала в контексте ее удобства для пользователя и др.). Также считаем, что при предоставлении электронной услуги критерий вежливости и доброжелательности сотрудников теряет какой-либо существенный смысл, поскольку электронную государственную услугу в том числе отличает признак обезличивания процесса ее предоставления [3, с. 71]. При этом в некоторых государствах оказание электронной услуги может быть сопряжено с взаимодействием с искусственным интеллектом (ботом, иным информационным помощником) без участия человека со стороны услугодателя.

Следует отметить, что в соответствии с Положением уполномоченные государственные органы и организации не реже раза в полугодие осуществляют мониторинг и анализ эффективности деятельности объектов оценки на основании их места в рейтинге по оценкам заявителей, направляют рекомендации по итогам проведенного мониторинга (п.13). Положением не установлено, может ли по итогам мониторинга быть применена дисциплинарная или административная ответственность. Поскольку оказание электронных услуг осуществляется исключительно государственными организациями, то Указ Президента «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» от 16 октября 2009 г. №510 (Указ №510) не может быть применен ко всем категориям услугодателей, т.к. они не являются проверяемыми субъектами. Помимо этого, принимая во внимание то, что оказание электронной услуги связано с осуществлением административной процедуры, необходимо учитывать п.23 Указа №510, определяющий его нераспространение на осуществление административных процедур по заявлениям юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц. Ст. 10.19 Кодекса Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» устанавливает ответственность руководителей и работников государственных органов и организаций, иных организаций за нарушение законодательства об административных процедурах в виде совершения определенных действий (несоблюдения установленных законодательством сроков представления документов или сведений, неправомерного взимания платы за осуществление процедуры и др.). Нормой не охватывается дозаявительный этап и, например, обязанность услугодателей на постоянной основе поддерживать соответствующие информационные ресурсы, необходимые для оказания электронных услуг (актуализировать информацию об электронных услугах, осуществлять регулярное наполнение ЕПЭУ и др.). Также отметим, что в соответствии с Положением уполномоченные органы и организации не осуществляют размеще-

ние в открытом доступе информации о результатах мониторинга услугодателей. Полагаем, что это не соответствует заявленной в п. 3 Положения цели по повышению открытости государственных органов, а также препятствует улучшению качества предоставления услуг.

Таким образом считаем, что необходимо: отделить мониторинг качества предоставления государственных (в т.ч. электронных) услуг в отдельную систему; изменить подход к определению базовых критериев оценки в связи с особенностями электронных услуг; определить объектом оценки деятельность услугодателей по оказанию услуги; определить методику, утвердить правила государственного контроля за качеством оказания государственных услуг, а также усилить ответственность подконтрольных (поднадзорных) субъектов; открыть доступ к результатам мониторинга качества оказания государственных услуг, осуществляемого на основании оценок услугополучателей. Полагаем, что эти меры будут соответствовать цели по построению современной системы оказания электронных услуг в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Лукашенко, А. Г. Главные условия сохранения суверенитета и независимости : послание Президента белорус. народу и Нац. собр., 31 марта 2023 г. // Совет. Белоруссия. 2023. 1 апр.
2. О государственных услугах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 15 апр. 2013 г., №88-V: // Эділет. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z13000000088>. Дата доступа : 01.05.2023.
3. Кулдыбаева И. У. Правовое регулирование предоставления электронных государственных услуг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 ; Южно-Уральск. гос. ун-т. – Челябинск, 2014. С. 240.
4. Парфенчик, А. А. Характерные признаки электронных государственных услуг // ПРАВО.by. 2018. №3. С. 55-59.
5. Краснобаева, Л.А. Административно-процедурные формы реализации публичных услуг // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2021. №5 (128). С. 95-99.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М. : Азбуковник, 1999. С. 944.
7. Толковый словарь русского языка : в 4 т./ Под ред. проф. Д. Ушакова. М. : ТЕРРА– Книжный клуб, 2007. С. 752.
8. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 9 января 2002 г., № 90-З: (ред. от 5 января 2022) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2023.
9. О портале рейтинговой оценки [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 13 ноября 2019 г., № 765 // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2023.

10. Административное право : учеб. / Л. М. Рябцев [и др.] . Минск : Изд. центр БГУ, 2014. С. 607.

11. О де бюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения : [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 2 : в ред. от 25.03.2015 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

12. Краснобаева, Л. А. Публичные услуги как объекты административно-правовых отношений // Право. by. 2021. № 3. С. 33–39.

НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. П. Яцко

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, Республика Беларусь, center@pmrb.gov.by

В статье раскрываются реализуемые в деятельности таможенных органов Республики Беларусь направления цифровизации в сфере государственного управления Республики Беларусь и цифровой повестки ЕАЭС. По итогам исследования выявлено, что цифровизация в сфере таможенного регулирования на национальном и наднациональном уровне имеют свои особенности, тесно взаимосвязаны и развиваются дополняя друг друга.

Ключевые слова: цифровизация; таможенные органы, таможенное регулирование; ЕАЭС.

DIRECTIONS OF DIGITALIZATION IN THE ACTIVITIES OF THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

T. P. Yatsko

National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, Bersona Street, 1a, 220030 Minsk, Republic of Belarus, center@pmrb.gov.by

The article reveals the areas of digitalization implemented in the activities of the customs authorities of the Republic of Belarus in the sphere of public administration of the Republic of Belarus and the digital agenda of the EAEU. Based on the results of the study, it was revealed that digitalization in the field of customs regulation at the national and supranational levels has its.

Keywords: digitalization; customs authorities, customs regulation; EAEU.

Внедрение цифровых технологий в деятельность государственных органов становится повседневной нормой. Процессы цифровизации затрагивают и деятельность государственных органов и деятельность субъектов хозяйствования. В таможенных органах Республики Беларусь реализуются цифровые технологии, реализуемые в республике Беларусь в рамках построения цифровой экономики. Одновременно таможенные органы Республики Беларусь реализуют цифровую повестку ЕАЭС. Во-

просы цифровизации, рассматривались белорусскими авторами (М.С.Абламейко, Ю.А.Амельчя, Г.А.Василевич, Е.И., Коваленко, и др.) и представителями зарубежной правовой науки (С.А.Грипич, С.М.Зубарев, Л.И.Кулешова, О.Ю.Бакаева и др.).

Процессы цифровизации являются динамично-развивающимися и происходят в различных сферах, на различных уровнях, что делает исследование в таможенной сфере актуальным. Вследствие чего рассмотрение актуальных направлений цифровизации таможенного регулирования, перспектив его развития является актуальным и целесообразным.

Сегодня повсеместно используется понятие «цифровая таможня», «электронная таможня». Внешнеэкономическая деятельность становится цифровой, ее участники ориентированы на цифровые технологии ведения бизнеса, что выступает стимулом активного внедрения цифровых технологий в деятельности таможенных органов. В рамках настоящего исследования понятия «цифровая» и «электронная» таможня, возможно, рассматривать как идентичные, поскольку в основу этих понятий положено использование информационных, цифровых технологий в деятельности таможенных органов, автоматизирование таможенных процессов, совершение таможенных операций с минимальным участием должностных лиц.

Рассмотрение стратегии развития таможенных органов на 2021-2025 годы и прогнозный период до 2030 года показывает, что развитие таможенных органов тесно взаимосвязано с развитием информационно-коммуникационных технологий [1]. Последовательное развитие информационно-коммуникационных технологий в деятельности таможенных органов, направленных на автоматизацию таможенных процессов, сокращение времени их совершения, обеспечение автоматического контроля за перемещаемыми товарами и полнотой уплаты таможенных платежей, пресечение преступлений позволяет сделать вывод, что расширение использования технологий можно рассматривать как последовательный переход к «цифровой» таможне.

Поскольку сфера таможенного регулирования отнесена к компетенции ЕАЭС таможенные органы, как участники процесса таможенного регулирования в полной мере вовлечены цифровые процессы, реализуемые в рамках ЕАЭС. Совершенствование таможенного регулирования в ЕАЭС предполагает: расширение применения цифровых технологий в таможенном регулировании и внедрение технологий, обеспечивающих автоматическое совершение таможенных операций без участия должностных лиц; унификацию электронного документа оборота между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности [2].

Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), закрепил положение, что таможенное регулирование ЕАЭС основывается на принципе использования информационных технологий [3, ст. 1]. Использование информационных систем и информационных технологий закреплено в главе 48 ТК ЕАЭС. Взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС путем обмена информацией на регулярной основе в рамках ТК ЕАЭС осуществляется в электронном формате. В ТК ЕАЭС также реализована возможность направления запроса о представлении копий документов и (или) сведений таможенными органами государств-членов ЕАЭС в виде электронного документа. Таким образом, использование информационных технологий становится неотъемлемой частью таможенного процесса.

Реализация цифровой повестки в сфере таможенного регулирования ЕАЭС включает в себя работу, направленную на внесение изменений в ТК ЕАЭС, в том числе и в части положений, касающихся электронной торговли; применение навигационных пломб для отслеживания перевозок, путем использования электронных пломб; создание *единой системы транзита товаров; проведение скоординированного таможенного контроля; обеспечение единого стандарта совершения таможенных операций, совершенствование типовых требований к оснащению элементов таможенной инфраструктуры; организацию информационного взаимодействия; унификацию электронного документооборота; обеспечение трансграничного взаимодействия.*

Таможенное регулирование можно определить, как постоянно развивающееся направление евразийской интеграции, которое выступает основой для создания условий беспрепятственного перемещения товаров в рамках ЕАЭС. Внедрение передовых цифровых технологий в процесс таможенного администрирования позволяет таможенным органам ЕАЭС следовать основным тенденциям развития таможенного дела в зарубежных странах: телекоммуникации, системы «единое окно», интеллектуальной обработки снимков инспекционно-досмотровых комплексов и систем отслеживания товаров. Активное внедрение таможенными органами электронных форматов взаимодействия с бизнесом во многом можно связать со спецификой деятельности таможенных органов, требующей скорости принятия важных решений для обеспечения качественного и своевременного выпуска товаров [4, с.79]. Таким образом, таможенные органы активно вовлечены в процессы цифровизации, проводимые в ЕАЭС.

Необходимо отметить опыт проработки инициатив внедрения цифровых проектов Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), в части организации экспертных площадок с участием представителей государственных органов – членов ЕАЭС, учёных, бизнеса, независимых

экспертов, на площадке Евразийской Экономической Комиссии Консультативного комитета по таможенному регулированию, а также создание рабочих групп по различным направлениям. Такой подход позволяет внедрять технологии, которые теоритически отлажены и практически функциональны.

В рамках цифровой трансформации Республика Беларусь проводит системную работу по развитию электронного правительства. Основные направления цифровизации, проводимые в Республики Беларусь будут являться и характерными для деятельности таможенных органов. В Государственном таможенном комитете функционирует автоматизированная информационная система Национального реестра правовых актов Республики Беларусь. Таможенные органы осуществляют административные процедуры в электронном виде посредством Единого портала электронных услуг, выступающего подсистемой общегосударственной автоматизированной информационной системы, работают с обращениями граждан и юридических лиц по средством Государственной единой (интегрированной) республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц. Для обмена электронными документами между государственными органами и организациями используется система межведомственного документооборота (СМДО). В рамках проводимой работы по совершенствованию порядка документирования населения таможенные органы в полном объеме осуществляют работу с биометрическими документами республики Беларусь. В системе таможенных органов проводится работа по совершенствованию механизма защиты персональных данных. Функционирование Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов Республики Беларусь позволяет объединить и синхронизировать деятельность различных таможенных органов в единую информационно-телекоммуникационную сеть. Таможенные органы Республики Беларусь входят в единое расчетное информационное пространство Республики Беларусь посредством автоматизированной информационной системы единого расчетного и информационного пространства, осуществляют взаимодействие с государственными органами, государственными организациями с использованием информационной системы «Взаимодействие». В целом таможенные органы в полной мере реализуют, проводимую в Республики Беларусь цифровизацию во взаимодействии с государственными органами Республики Беларусь.

Проведенный анализ показывает, что цифровизация в деятельности таможенных органов Республики Беларусь имеет выраженный двухуровневый характер. Это цифровизация, проводимая в рамках ЕАЭС – наднациональный уровень и цифровизация, проводимая Республикой Бе-

ларусь – национальный уровень. Такое разделение носит формально-нормативный характер по уровню закрепления, проводимых мероприятий. В практической плоскости мероприятия по реализации цифровой повестки ЕАЭС имеют свою реализацию в деятельности таможенных органов Республики Беларусь, в том числе реализовывая и национальные проекты. К таким проектам можно отнести: создание и функционирование Центров электронного декларирования, благодаря деятельности которых реализовано электронное декларирование товаров, совершение таможенных операций с применением технологии удаленного выпуска товаров и автоматического распределения документов, поданных в виде электронного документа. Вместе с тем, национальные проекты цифровизации позволяют функционировать таможенным органам Республики Беларусь наряду с иными государственными органами и выполнять иные контрольные функции, возложенные на таможенные органы законодательством Республики Беларусь и не связанные непосредственно с ТК ЕАЭС (функционирование в таможенных органах общегосударственных автоматизированных информационных систем).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что цифровизация таможенного регулирования это с одной стороны направление по цифровизации таможенных процессов и таможенного администрирования, с другой стороны – цифровизация, как часть процесса цифровизации государственных органов. Оба обозначенных направления необходимо развивать во взаимосвязи, поскольку их параллельность будет негативно сказываться на деятельности таможенных органов.

Цифровизация таможенных органов это процесс, сочетающий в себе цифровую трансформацию экономики Республики Беларусь и цифровую повестку ЕАЭС. Вместе с тем, информационные стандарты, применяемые в таможенных органах Республики Беларусь должны отвечать информационным стандартам ЕАЭС, Республики Беларусь, поскольку цифровую автономность следует рассматривать, как элемент национальной безопасности.

Цифровая трансформация таможенной сферы это сочетание цифровых проектов ЕАЭС и Республики Беларусь, которые реализованы в электронном таможенное; электронном предварительном информировании; наличии электронных реестров и баз данных в общем доступе; переводе административных процедур в таможенной сфере в электронную форму. Проводимая работа в этом направлении должна учитывать, в том числе и опыт стран наиболее расширивших применение цифровых технологий в таможенных процессах, таких Китай и Корея; опираться на дискуссии в рамках Общественно – консультативных советов таможенных органов, научные исследования в этой области. «Цифровая» тамож-

ня» несомненно, будет являться частью цифрового пространства, в рамках которого процессы взаимодействия таможен и представителей бизнеса будут стремиться к упрощению и автоматизации, посредством электронного взаимодействия. Развитие процессов информатизации позволяет прогнозировать, что одним из направлений цифровизации в сфере таможенного регулирования будет выступать использование в работе с базами данных методов «искусственного интеллекта» и высокая автоматизация таможенных процессов.

Библиографические ссылки

1. Информация о стратегии развития таможенных органов // Официальный сайт ГТК Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gtk.gov.by/tamozhennye-organy/strategiya-razvitiya-tamozhennykh-organov/>. – дата доступа: 08.09.2022.
2. Информация о деятельности ЕАЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/directions_files. Дата доступа: 08.09.2023
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : [подписан в г. Москве 11.04.2017г. : в ред. от 29.05.2019, с изм. от 05.04.2021 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
4. Кулешова Л.И. Цифровые тренды и приоритеты направления развития таможенного дела [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-trendy-i-prioritetnye-napravleniya-razvitiya-tamozhennogo-dela/viewer>. – Дата доступа: 08.09.2022.